

РОССИЙСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ им. А. И. ГЕРЦЕНА
HERZEN STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY of RUSSIA

ISSN 2687-1262

**ЖУРНАЛ ИНТЕГРАТИВНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ КУЛЬТУРЫ**

JOURNAL OF INTEGRATIVE CULTURAL STUDIES

T. 7 № 1 2025

Vol. 7 No. 1 2025

1797

Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена
Herzen State Pedagogical University of Russia

ISSN 2687-1262 (online)
iik-journal.ru
<https://doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1>
2025. Том 7, № 1
2025. Vol. 7, no. 1

Журнал интегративных исследований культуры Journal of Integrative Cultural Studies

Свидетельство о регистрации СМИ [ЭЛ № ФС 77 - 74249](#),
выдано Роскомнадзором 09.11.2018
Рецензируемое научное издание
Журнал открытого доступа
Учрежден в 2018 году
Выходит 4 раза в год
16+

Mass Media Registration Certificate [EL No. FS 77 - 74249](#),
issued by Roskomnadzor on 9 November 2018
Peer-reviewed journal
Open Access
Published since 2018
4 issues per year
16+

Издательство РГПУ им. А. И. Герцена
191186, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Телефон: +7 (812) 312-17-41

Publishing house of Herzen State Pedagogical
University of Russia
48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia
E-mail: izdat@herzen.spb.ru
Phone: +7 (812) 312-17-41

Объем 7,44 Мб
Подписано к использованию 30.07.2025

Published at 30.07.2025

При использовании любых фрагментов ссылка
на «Журнал интегративных исследований культуры»
и на авторов материала обязательна.

The contents of this journal may not be used in any way
without a reference to the “Journal of Integrative Cultural
Studies” and the author(s) of the material in question.

Редактор *Л. Г. Савельева*
Редактор английского текста *К. Ю. Рыбачук*
Корректор *М. А. Куракина*
Оформление обложки *О. В. Рудневой*
Верстка *Д. В. Романовой*

Санкт-Петербург, 2025
© Российский государственный педагогический
университет им. А. И. Герцена, 2025

Редакционная коллегия

Главный редактор

Л. М. Мосолова (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. В. Бондарев (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

А. Л. Вольский (Санкт-Петербург, Россия)

Зам. главного редактора

О. С. Сапанжа (Санкт-Петербург, Россия)

Ответственный редактор

Е. С. Корвацкая (Санкт-Петербург, Россия)

В. Г. Ананьев (Санкт-Петербург, Россия)

Е. И. Балакина (Барнаул, Россия)

Н. В. Беломестнова (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Венкова (Санкт-Петербург, Россия)

И. Н. Вольнов (Москва, Россия)

Л. В. Дмитриева (Санкт-Петербург, Россия)

А. И. Жеребин (Санкт-Петербург, Россия)

А.-К. И. Забулионите (Санкт-Петербург, Россия)

Я. С. Иващенко (Санкт-Петербург, Россия)

Т. В. Игошева (Санкт-Петербург, Россия)

Е. Ю. Липец (Ростов-на-Дону, Россия)

М. Л. Магидович (Санкт-Петербург, Россия)

В. А. Мартынов (Омск, Россия)

В. Л. Мельников (Нижний Новгород, Россия)

Н. Г. Михновец (Санкт-Петербург, Россия)

Л. А. Прыткова (Бишкек, Кыргызстан)

С. А. Савицкий (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Суворова (Санкт-Петербург, Россия)

А. У. Уланова (Санкт-Петербург, Россия)

С. Л. Фокин (Санкт-Петербург, Россия)

С. О. Шведова (Санкт-Петербург, Россия)

А. В. Яковлев (Санкт-Петербург, Россия)

М. Н. Яковлева (Санкт-Петербург, Россия)

О. А. Янутш (Санкт-Петербург, Россия)

Редакционный совет

Председатель ред. совета

Г. Г. Малинецкий (Москва, Россия)

И. М. Быховская (Москва, Россия)

А. Л. Вассоевич (Санкт-Петербург, Россия)

В. Э. Войцехович (Тверь, Россия)

А. А. Воскресенский (Санкт-Петербург, Россия)

Ж. Долгорсүрэн (Улан-Батор, Монголия)

Г. В. Драч (Ростов-на-Дону, Россия)

Е. Ю. Ендольцева (Москва, Россия)

А. В. Колесников (Санкт-Петербург, Россия)

И. В. Кондаков (Москва, Россия)

Т. А. Кошемчук (Санкт-Петербург, Россия)

Л. К. Круглова (Санкт-Петербург, Россия)

С. В. Лаврова (Санкт-Петербург, Россия)

Л. Н. Летыгин (Санкт-Петербург, Россия)

И. В. Леонов (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Лисенкова (Санкт-Петербург, Россия)

Е. В. Листвина (Саратов, Россия)

М. Яхьяпур (Тегеран, Иран)

Л. В. Никифорова (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Павильч (Минск, Республика Беларусь)

И. Б. Романенко (Санкт-Петербург, Россия)

А. А. Смирнова (Санкт-Петербург, Россия)

Д. Е. Фесенко (Москва, Россия)

А. А. Хлевов (Севастополь, Россия)

Н. А. Хренов (Москва, Россия)

Editorial Board

Editor-in-chief

Lubov M. Mosolova (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei V. Bondarev (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Alexei L. Volsky (St Petersburg, Russia)

Deputy Editor-in-chief

Olga S. Sapanzha (St Petersburg, Russia)

Executive Editor

Elena S. Korvatskaya (St Petersburg, Russia)

Vitaly G. Ananiev (St Petersburg, Russia)

Elena I. Balakina (Barnaul, Russia)

Nina V. Belomestnova (St Petersburg, Russia)

Alina V. Venkova (St Petersburg, Russia)

Ilya N. Volnov (Moscow, Russia)

Larisa V. Dmitrieva (St Petersburg, Russia)

Aleksey I. Zherebin (St Petersburg, Russia)

Audra-Christina I. Zabulionite (St Petersburg, Russia)

Yana S. Ivashchenko (St Petersburg, Russia)

Tatiana V. Igosheva (St Petersburg, Russia)

Ekaterina Yu. Lipets (Rostov-on-Don, Russia)

Marina L. Magidovich (St Petersburg, Russia)

Vladimir A. Martynov (Omsk, Russia)

Vladimir L. Melnikov (Nizhny Novgorod, Russia)

Nadezhda G. Mikhnovets (St Petersburg, Russia)

Lyudmila A. Prytkova (Bishkek, Kyrgyzstan)

Stanislav A. Savitsky (St Petersburg, Russia)

Anna A. Suvorova (St Petersburg, Russia)

Alina U. Ulanova (St Petersburg, Russia)

Sergey L. Fokin (St Petersburg, Russia)

Svetlana O. Shvedova (St Petersburg, Russia)

Alexey V. Yakovlev (St Petersburg, Russia)

Maria N. Yakovleva (St Petersburg, Russia)

Olga A. Yanutsh (St Petersburg, Russia)

Editorial Council

Chairman of the Council

Georgiy G. Malinetskiy (Moscow, Russia)

Irina M. Bykhovskaya (Moscow, Russia)

Andrey L. Vassoyevich (St Petersburg, Russia)

Vyacheslav E. Wojciechowicz (Tver, Russia)

Alexey A. Voskresensky (St Petersburg, Russia)

Zhamyan Dolgorsuren (Ulan Bator, Mongolia)

Gennadiy V. Drach (Rostov-on-Don, Russia)

Ekaterina Yu. Endoltseva (Moscow, Russia)

Andrey V. Kolesnikov (St Petersburg, Russia)

Igor V. Kondakov (Moscow, Russia)

Tatyana A. Koshemchuk (St Petersburg, Russia)

Larisa K. Kruglova (St Petersburg, Russia)

Svetlana V. Lavrova (St Petersburg, Russia)

Lev N. Letyagin (St Petersburg, Russia)

Ivan V. Leonov (St Petersburg, Russia)

Anastasiya A. Lisenkova (St Petersburg, Russia)

Evgenia V. Listvina (Saratov, Russia)

Marzieh Yahyapour (Tehran, Iran)

Larisa V. Nikiforova (St Petersburg, Russia)

Alexandr A. Pavilch (Minsk, Belarus)

Inna B. Romanenko (St Petersburg, Russia)

Alla A. Smirnova (St Petersburg, Russia)

Dmitry E. Fesenko (Moscow, Russia)

Alexander A. Khlevov (Sevastopol, Russia)

Nikolai A. Khrenov (Moscow, Russia)

СОДЕРЖАНИЕ

Вступительная статья редакции	5
<i>Малинецкий Г. Г.</i> Главные задачи и приоритеты «Журнала интегративных исследований культуры»	5
Теория и история культуры, искусства.	
Раздел «Междисциплинарные связи и интегративные тенденции в исследованиях природных и социокультурных систем»	23
<i>Вольнов И. Н.</i> Живая наука. Сферный подход В. И. Вернадского	23
<i>Ермолаев В. Ю.</i> Между естествознанием и этнографией: к вопросу о соотношении биологического, этнического и социального	33
Раздел «Общества и культуры: опыт интегративных исследований»	46
<i>Антонян К. Г., Санжиева А. В.</i> Проблема южнокорейских «женщин для утешения» как маркер межкультурных противоречий	46
Литературы народов мира.	
Раздел «Кросскультурные исследования в литературоведении»	54
<i>Стадников Г. В.</i> Отношение Н. Лескова к творчеству и личности Г. Гейне	54
<i>Вольский А. А.</i> «Das Archetypische» der Sprache: поэзия В. Хлебникова в переводах П. Целана	62
Виды искусства	69
<i>Корвацкая Е. С.</i> Книжная графика Агнессы Эдуардовны Линдеман (1878–1942)	69
<i>Слуцкая П. Г.</i> Эскизы костюмов для кино как самостоятельное произведение искусства (на примере работ Екатерины Шапкайц к фильму «Викинг»)	78
Имена и портреты	88
<i>Мосолова А. М.</i> Вячеслав Бабияк. Художник, ученый, поэт. К 70-летию со дня рождения	88

CONTENTS

Introductory article by the Editorial	5
<i>Malinetsky G. G.</i> The main objectives and priorities of the <i>Journal of Integrative Cultural Studies</i> ...	5
Theory and History of Culture and Art.	
Section “Interdisciplinary connections and integrative trends in the study of natural and socio-cultural systems”	23
<i>Volnov I. N.</i> Living science. V. I. Vernadsky’s sphere approach	23
<i>Ermolaev V. Yu.</i> Between natural science and ethnography: On the relationship between the biological, ethnic and social	33
Section “Societies and Cultures: Experiences of Integrative Research”	46
<i>Antonyan K. G., Sanzhieva A. V.</i> The problem of South Korean ‘comfort women’ as a marker of intercultural contradictions	46
Literatures of the peoples of the world.	
Section “Cross-cultural studies in literary studies”	54
<i>Stadnikov G. V. N.</i> Leskov and his attitude to the creative output and personality of H. Heine	54
<i>Volskiy A. L.</i> «Das Archetypische» der Sprache: V. Khlebnikov’s poetry in translations by P. Celan ...	62
Types of Art	69
<i>Korvatskaya E. S.</i> Book illustrations by Agnes Eduardovna Lindeman (1878–1942)	69
<i>Slutskaya P. G.</i> Costume sketches for cinema as independent artwork (using the example of Ekaterina Yuryevna Shapkait’s works for the film <i>Viking</i>)	78
Names and portraits	88
<i>Mosolova L. M.</i> Vyacheslav Babiyak. Artist, scientist and poet. To mark the 70 th anniversary of his birth	88

Check for updates

Вступительная статья редакции

УДК 316.73

EDN LIYSLK

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22>

Главные задачи и приоритеты «Журнала интегративных исследований культуры»

Г. Г. Малинецкий ¹

¹ Институт прикладной математики им. М. В. Келдыша Российской академии наук, Московский гуманитарный университет, 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 4

Для цитирования:

Малинецкий, Г. Г. (2025) Главные задачи и приоритеты «Журнала интегративных исследований культуры». *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 5–22. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22> EDN LIYSLK

Получена 15 января 2025; прошла рецензирование 30 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Г. Г. Малинецкий (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВU-NC 4.0.

Аннотация. Современные реалии с особой остротой повышают значимость знаний, позволяющих расширять и совершенствовать культурное пространство нашей цивилизации — мира России. Подчеркивается, что в современном мире культура стала главным полем битвы, объектом управления, важнейшим инструментом социальной организации и самоорганизации, огромным полем научных исследований. Поэтому на любой арене необходимо уметь защищать свои мысли, ценности, культурное пространство, а для этого необходимо формировать свой проект будущего. Цивилизационные задачи, которые сейчас стоят перед Россией, требуют глубокого культурологического анализа и серьезного общественного обсуждения. Сложные системы и процессы допускают множество проекций, позволяющих разобраться в них. В этой связи высказываются пожелания к содержанию, методологии и тематической направленности статей, публикуемых на страницах «Журнала интегративных исследований культуры». Отмечается, что интегративность и междисциплинарность заставляют ясно и точно излагать материал в форме, которая доступна представителям других дисциплин или научных направлений. Выражается надежда, что «Журнал интегративных исследований культуры» сможет отражать не только передний край интегративных исследований в науках о культуре, но и будет способствовать решению тех цивилизационных задач, которые сейчас стоят перед Россией.

Ключевые слова. Страна-цивилизация — мир России, культурология, синергетика, параметры порядка, постиндустриальная фаза, интегративность, междисциплинарность, глобальный демографический переход, образовательный императив

The main objectives and priorities of the *Journal of Integrative Cultural Studies*

G. G. Malinetsky ¹

¹ The Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences,
Moscow University for the Humanities, 4 Miusskaya Sq., Moscow 125047, Russia

For citation: Malinetsky, G. G. (2025) The main objectives and priorities of the *Journal of Integrative Cultural Studies*. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 5–22. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-5-22>
EDN LIYSLK

Received 15 January 2025; reviewed 30 January 2025; accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © G. G. Malinetsky (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. Modern realities attach particular importance to the knowledge that helps expand and improve the cultural space of our civilization — the world of Russia. We emphasize that today culture has become the key battlefield, an object of management, the most important tool of social organization and self-organization and an extensive field of scientific research. One should therefore know how to stand for one's beliefs, values and cultural space in any arena, which requires a certain vision of the future. The civilizational challenges that Russia is currently facing necessitate an in-depth culturological analysis and a serious public discussion. Complex systems and processes enable many projections to be understood. We have therefore put forward a number of suggestions regarding the content, methodology and thematic focus of the articles published in the *Journal of Integrative Cultural Studies*. As we have pointed out, integrativity and interdisciplinarity require a clear and accurate presentation of the material in a way that is accessible to those dealing with other disciplines or scientific fields. We hope that the *Journal of Integrative Cultural Studies* will both reflect the cutting edge of integrative research in cultural sciences and contribute to solving the civilizational challenges presently confronting Russia.

Keywords: country-civilization — the world of Russia, culturology, synergetics, parameters of order, post-industrial phase, integrativity, interdisciplinarity, global demographic transition, educational imperative

Волею судеб я стал председателем редакционного совета «Журнала интегративных исследований культуры». Хочется, чтобы это издание было не только фундаментальным, отражающим передний край интегративных исследований в культурологии, но и живым. Мне представляется также не менее важным, чтобы на страницах нашего журнала решались актуальные задачи, стоящие не только перед отдельными учеными, но и перед всей нашей страной. Поэтому надо сформулировать проблему, на решение которой в конечном счете должен быть направлен журнал, и приоритеты, по которым можно отбирать статьи, представляющие для него особый интерес. Постараюсь сформулировать это в тезисной форме. Ведь если проблема понята, то ее решение можно изложить в любом объеме, от одного абзаца до шкафа книг, посвященного этому вопросу.

Культура как главное поле битвы в XXI веке

Следуя теории постиндустриального развития, выдвинутой Д. Беллом около полувека назад, надо выделить «осевые переменные», или

в терминах синергетики *параметры порядка*, определяющие мировую историю. Если в качестве таковых рассматривать собственность на средства производства, то мы получаем исторический материализм с его сменой социально-экономических формаций, от первобытно-общинной до коммунистической. Классики разрабатывали этот подход в XIX веке, когда важно было накормить голодных и сгладить острое социальное неравенство. В XX веке стало понятно, что эти проблемы можно достаточно успешно решать и в социалистических, и в капиталистических обществах.

Однако сложные системы можно проецировать на разные оси. Делать это необходимо, чтобы выделить наиболее важные причинно-следственные связи, дать прогноз будущих тенденций, явлений, процессов и предложить инструмент для управления этими переменными. Как замечено в одном из романов братьев Стругацких: «Понять — значит упростить», т. е. построить понятную модель, достаточно точно отражающую реальность и ее динамику.

Двадцатый век принципиально отличается от девятнадцатого благодаря стремительному развитию наук и технологий. За это столетие

нас стало почти вчетверо больше на планете. Благодаря антибиотикам, технологиям родовспоможения и массовому производству минеральных удобрений средняя ожидаемая продолжительность жизни в развивающихся странах увеличилась вдвое. По сути, ученые, инженеры и врачи исполнили мечту Фауста о второй молодости.

Поэтому в качестве оси, на которую следует проектировать мировую историю, следует выбрать роль науки, технологий, знаний о культуре в качестве ключевой движущей силы развития общества.

Итог своей теории Белл сформулировал следующим образом: «На протяжении большей части человеческой истории *реальностью была природа*: и в поэзии, и в воображении люди пытались соотнести свое „я“ с окружающим миром. Затем *реальностью стала техника*, инструменты и предметы, сделанные человеком, однако получившие независимое существование вне его „я“, в овеществленном мире. В настоящее время *реальность является в первую очередь социальным миром* — не природным, не вещественным, а исключительно человеческим — воспринимаемым через отражение своего „я“ в других людях... Человек может быть переделан или освобожден, его поведение — запрограммировано, а сознание изменено. Ограничители прошлого исчезли вместе с концом эры природы и вещей. Но не исчезла двойственная природа самого человека — с одной стороны, убийственная агрессивность, идущая от первобытных времен и направленная на разрушение и уничтожение буквально всего, а с другой — поиск порядка в искусстве и в жизни, понимаемого как приведение воли в состояние гармонии» (Белл 2004, 663).

За этим утверждением стоит другое деление мировой истории.

Традиционная фаза развития цивилизации (до XX века). Человек исследует природу. Геополитика. Войны ведутся за территории и возможность эксплуатировать население, живущее на них.

Индустриальная фаза развития цивилизации (XX век). В центре внимания общества технологии и машины и главные среди них — компьютеры. Геоэкономика. Войны ведутся за ресурсы, транспортные пути и рынки.

Постиндустриальная фаза развития цивилизации (в которую мир входит сейчас). Во главе угла человек. Геокультура. Острое соперничество в типе жизнеустройства, в пространстве смыслов и ценностей, в области проектирования будущего.

В 1949 году Лесли Элвин Уайт цитировал своего предшественника и автора идеи культурологии В. Ф. Оствальда: «Специфически человеческие особенности, отличающие род *Homo Sapiens* от всех прочих животных видов, охватываются наименованием „культура“, следовательно, науку о специфически человеческих способах деятельности вполне можно было бы назвать культурологией...» (Уайт 2011, 69). Для Уайта было очевидно, что культура представляет собою определенную область, изучение которой требует особой науки. Закладывая основы этой «особой науки», которую Уайт вслед за Оствальдом называл культурологией, он предвидел: «предназначение человека на этой планете не сводится только к измерению галактик, расщеплению атома или открытию чудодейственного препарата. Социально-политико-экономические системы — короче говоря, культуры, — внутри которых живет, дышит и размножается род человеческий, во много раз важнее для будущего Человека... „Открытие“ культуры когда-нибудь встанет в один ряд с гелиоцентрической теорией Коперника или открытием клеточной основы всех форм жизни» (Уайт 2011, 72).

Этот прогноз воплощается в той фазе развития цивилизации, в которую сейчас входит человечество. Культура стала полем битвы, объектом управления, важнейшим инструментом социальной организации и самоорганизации — именно это необходимо осознать современным культурологам и поставить в эпицентр интегративных исследований в нашем журнале (см.: Бондарев 2019, 313–314).

Цивилизационные задачи, которые сейчас стоят перед Россией, требуют глубокого культурологического анализа и серьезного общественного обсуждения. Приведу только один индикатор, отражающий состояние отечественной культуры. Трудно переоценить значение языка в этой сфере. «Язык есть как бы внешнее проявление духа народов: язык народа есть его дух, и дух народа есть его язык», — писал В. Гумбольдт. По мысли Льва Толстого: «Язык — это живая плоть, которая создавалась миллионами поколений». Трудно не согласиться с Александром Куприным, считавшим, что «Язык — это история народа. Язык — это путь цивилизации и культуры... Поэтому-то изучение и сбережение русского языка является не праздным занятием от нечего делать, но сущностной необходимостью» (Афоризмы о языках... 2025).

В 1960-х годах русский язык знали 350 млн человек. При этом 286 миллионов из них проживали в СССР, где русский был государственным

языком и для большей части его жителей являлся родным, и свыше 70 миллионов человек также в той или иной степени знали русский язык. Он был некоторое время третьим языком по распространенности в мире. Ныне картина иная — это число сократилось до 280 млн. По версии издания «Ethnologies: Languages of the World» сейчас он является родным для 154 млн человек и занимает 8-ю позицию в мировом языковом пространстве (Бетелин 2022). Данные из этой работы представлены на рис. 1.

По теории французского филолога Клода Ажежа распространенность языка в мире определяется тремя факторами:

- технологиями, которыми владеют страны, большинство жителей которых говорит на данном языке;
- усилиями соответствующих стран, вложенными в распространение своего языка и культуры в мире;
- перспективами стран, жители которых говорят на данном языке (Ажеж 2003).

Сопоставим нынешнюю ситуацию с той, которая имела место в 1960-х годах. Однако прежде уточним смысл, в котором будет рассматриваться культура. Очень часто и в научных журналах, и в учебниках основное внимание уделяется художественной культуре. Это ограничение неоправданно сужает поле исследований и заменяет изучение целого анализом части.

В этом отношении глубоким, содержательным и перспективным является подход, предложенный и обоснованный одним из основоположников отечественной культурологии Э. С. Маркаряном: «Средства, благодаря которым происходят процессы аккумуляции и преобразования адаптивно значимого жизненного опыта в биологических системах и в человеческом обществе, качественно различны. Понятие „культура“ позволяет как нельзя лучше в обобщенной форме выразить специфику этих средств применительно к человеческой деятельности. На наш взгляд, адекватной теоретической основой подобного подхода к культуре является ее интерпретация в качестве специфического, надбиологического способа человеческой деятельности, уникального, регулятивного, осваивающе-исполнительного, жизнеспасающего и воспроизводящего механизма, всецело основанного на научении. Что касается базового понятия, которое позволяет непосредственно выразить процессы аккумуляции и преобразования жизненного опыта в человеческих обществах, то им является „динамика культурной традиции“» (Маркарян 2011, 79–80).

Понятие «технологии» можно уточнить, пользуясь «библией индустриальной эпохи» — книгой С. Лема «Сумма технологии»: «В свою очередь, фундаментом наших гипотетических построений будут *технологии*, т. е. обусловленные

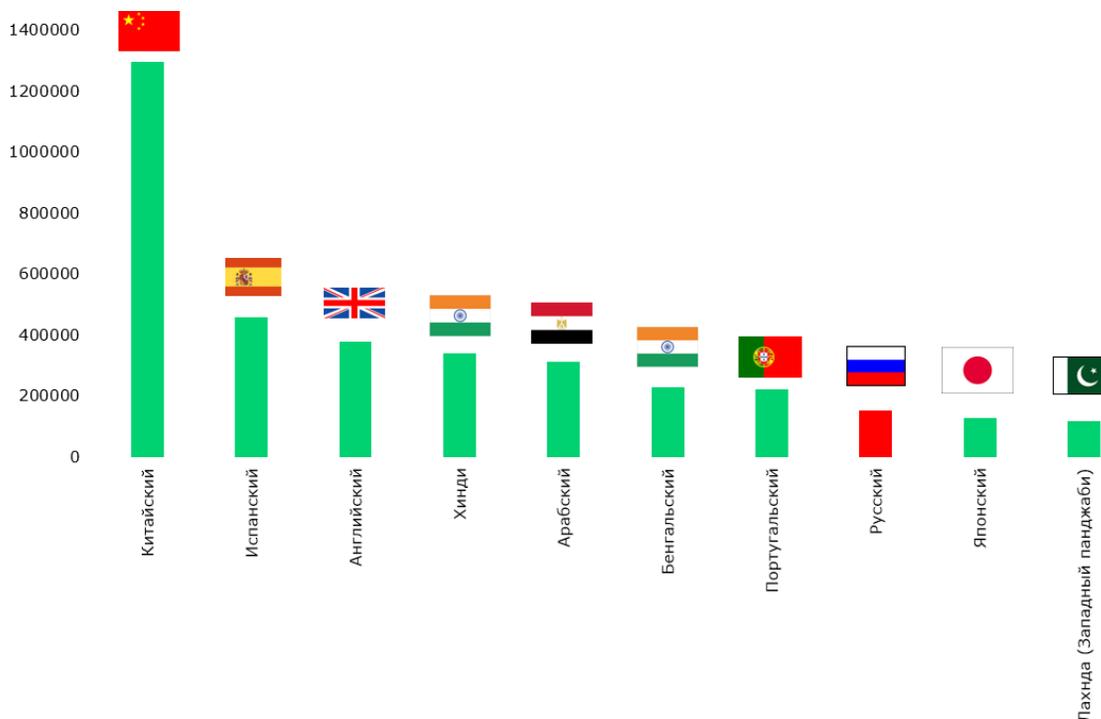

Рис.1. Число людей, считающих родными наиболее распространенные языки планеты

Fig. 1. The number of people considering the world's most common languages as their native language

состоянием знаний и общественной эффективностью способы достижения целей, поставленных обществом, в том числе и таких, которые никто, приступая к делу, не имел в виду» (Лем 2021, 4).

Итак, обсудим технологический аспект развития. В 1960-х годах СССР был технологической сверхдержавой. Полет Гагарина в космос, первая атомная электростанция, первый атомный ледокол, создание ракетно-ядерного щита страны не оставляли в этом сомнений. Ныне ситуация иная: многие отрасли промышленности деградировали или не были развиты. Мы не делаем своих мобильных, планшетов, персоналок, маршрутизаторов. Внутри страны мы летаем на иностранных самолетах.

По мнению академика В. Б. Бетелина, курс реформ последних десятилетий на отказ от промышленного развития и создания собственных технологий привел к созданию «торговой экономики»: «Именно поэтому за тридцать лет **ВВП России вырос только на треть** и составил \$ 4,1 трлн. В то время как за эти тридцать лет **ВВП США вырос в 3,7 раза** с \$ 6 трлн до \$ 16 трлн, а **ВВП Китая — в 35 раз** — с \$ 415 млрд до \$ 16 трлн. При этом доходы 50 % населения России в 1980–2016 годах снизились на 26 %, в то время как в Европе выросли на 26 %, а в Китае на 417 %» (Бетелин 2022, 32).

Системный анализ и математическое моделирование показывают, что одной из ключевых причин такого положения дел является низкая восприимчивость российской экономики к инновациям, изобретениям, результатам исследований — своеобразный «вывих культуры» (Капица и др. 2020).

В сети бытует пословица: «Если надо сделать что-то аккуратно — позовите немца. Если надо сделать что-то красиво — пригласите итальянца. Если надо похвастаться сделанным — обратитесь к американцу. Если же немец, итальянец и американец никак добиться результата не могут — зовите русского. Он проблему решит». Попытка реформаторов превратить отечественных рабочих, инженеров, ученых в «купцов» не удалась. Это прекрасно понимается и в России, и в мире. Изменение вектора развития, а с ним и культуры, не дало желаемых результатов.

О необходимости перемен в технологическом пространстве и в динамике культурных традиций не раз говорил президент: «Дело в том, что скорость технологических изменений нарастает, идет резко вверх. Тот, кто использует эту технологическую волну, вырвется далеко вперед. Тех, кто не сможет этого сделать, она, эта волна, просто захлестнет, утопит. Технологическое

отставание, зависимость означают снижение экономических возможностей страны, а в результате — потерю суверенитета. Именно так, а не иначе обстоит дело... Именно отставание — вот главная угроза, вот наш враг. Если не переломим ситуацию, оно будет неизбежно усиливаться» (Послание Президента... 2018).

Об усилиях нашей страны познакомить мир с нашими смыслами, ценностями, видением реальности, обоснованием наших интересов, художественной культурой можно не говорить. Людям, побывавшим за границей, положение дел в этой области очевидно. Прежние инструменты в этой области разрушены, а новых, по сути, не создано или их явно недостаточно. Именно поэтому «культура отмены» всего российского, активно проводимая Западом, пока довольно успешно работает. Нас, как правило, не слышат и не хотят слышать. Один из показателей этого — участие в той или иной мере более 50 стран в той войне, которую Запад сейчас ведет против России. Тот, кто пробовал организовать обучение русскому языку за границей или продажу отечественных книг за рубежом, прекрасно понимают, насколько у нас недооценивается этот инструмент влияния на мировое культурное пространство.

Родители стремятся научить детей языку той страны, развитие которой имеет большие перспективы. Новый тип жизнеустройства, который был близок многим людям, предлагал СССР. Вспоминаются слова советской песни: «Здравствуй, страна героев, страна мечтателей, страна ученых...».

Какое будущее ждет Россию через 30–40 лет? Возникает ощущение, что наше общество больно своеобразной «футорофобией» — нежеланием заглядывать достаточно далеко в будущее. Непонимание завтрашнего дня не позволяет принимать серьезные решения сегодня.

Один из индикаторов этого — серия книг «Будущая Россия», выпускаемая издательством УРСС с 2004 года. Она создавалась как площадка, на которой ученые могли бы рассказать, какими они видят перспективы развития различных сфер жизнедеятельности России в 20–30-летней перспективе. Здесь и технологическое пространство, и научная сфера, и демография, и экономика, расселение, социальные структуры, национальная оборона. За 20 лет выпущено только около 40 книг. Удивляет, что до главных проблем у коллег руки так и не доходят.

К решению цивилизационных задач, стоящих сейчас перед нашей страной, можно относиться по-разному. Поясню это притчей.

Коммивояжеры, представляющие две обувные фирмы, прибыли на тропический остров. «Дело безнадежно. Перспектив никаких, здесь никто не носит обуви», — пишет в телеграмме первый. «Дела прекрасны! Здесь огромное поле деятельности! На этом острове пока никто не носит обуви», — написал второй. Мне ближе взгляд второго коммивояжера. Пессимизм эволюционно не оправдан.

Кто, как не ученые, могут подсказать сценарии выхода из кризиса и предложить инструменты для этого?! Кто, как не они могут довести свои взгляды до общества? Именно они, занимаясь конкретными задачами, могут увидеть общие подходы, касающиеся всех нас. Мне много раз пришлось выступать в этой роли. В качестве примера можно привести широко обсуждавшуюся книгу (Иванов, Малинецкий 2024). Успехи оставляют желать лучшего. Однако дорогу осилит идущий. И журнал для этой очень важной для российского общества работы дает огромные возможности.

Пожелания

Мне довелось провести много времени на заседаниях редакционных коллегий, рецензировать статьи и книги, формировать научные издания. В конце концов, всё кончается одним и тем же: редколлегия формирует пожелания к статьям или критерии их отбора и оказывается в положении старика из пушкинской сказки, который просил у рыбки и одно, и другое, и третье. Если статей много, то авторам приходится разбираться или договариваться, чего же от них хотят.

Поэтому пожелания хочется высказать здесь и сейчас. Конечно, трудно надеяться, что статья будет соответствовать и одному, и другому, и третьему. Но всё же, всё же, всё же.

Системность. Научеведы сейчас насчитывают более 100 тысяч научных дисциплин. Очень часто сотрудники научных институтов не знают, чем занимаются в соседней комнате. Часто ученые становятся похожими на кротов, которые роют ямку — и чем глубже, тем лучше, совершенно не интересуясь тем, что делают другие. В конце концов они знают всё ни о чем. Для культурологии это смерти подобно — в этой области самоорганизация нужна более, чем где-либо. В статьях должна быть ясная постановка задачи. Должны быть большие введения, позволяющие связать рассматриваемые частные проблемы с общими. Они должны быть понятны специалистам в разных областях. Наука — диалог, а не монолог. Очень важно обращать

внимание на связи с другими задачами, если таковые есть. Статьи пишутся для читателей, а не для автора.

Междисциплинарность. Британский писатель, физик, химик и государственный деятель Чарльз Сноу в 1959 году прочитал в Кембридже лекцию «Две культуры и научная революция». В ней он говорил о растущей пропасти между естественнонаучной и гуманитарной культурами. Первая имеет дело с повторяющимися событиями, ориентируется на будущее, имеет дело с формализованным описанием своих субъектов, не признает авторитетов, широко используется при разработке технологий. Вторая во многом обращена в прошлое, часто имеет дело с уникальными событиями, ориентируется на мнения и оценки выдающихся людей, как правило, имеет дело с вербальным, а не с формализованным описанием своих объектов. Эта пропасть приводит к тому, что на одни и те же вопросы они дают противоположные ответы. Это не позволяет обществу опираться на научное знание. Оглядываясь на техногенную фазу развития цивилизации, М. С. Каган писал: «Неудивительно, что современная научно-техническая цивилизация превозносит первые над вторыми, „физику“ над „лирикой“, знание законов материального мира над нравственной и этической сферой духа» (Каган 2011, 92).

В постиндустриальной фазе развития цивилизации ситуация кардинально изменилась. На авансцену вышли междисциплинарные подходы, позволяющие строить мост между естественнонаучной и гуманитарной культурами.

Одним из наиболее успешных среди них стала *теория самоорганизации*, или *синергетика* (термин происходит от сочетания двух греческих слов «совместное» и «действие»). Последний термин ввел немецкий физик-теоретик Герман Хакен, вложив в него два смысла. Во-первых, этот подход, рассматривающий как у целого появляются свойства, качества, стратегии, которыми не обладает ни одна из частей. Во-вторых, это подход, развитие которого требует совместной творческой деятельности гуманитариев, естественников, математиков, технологов.

Популярность синергетики связана с тем, что во множестве дисциплин — социологии, психологии, географии — именно самоорганизация является решающим фактором во множестве процессов. Именно это в сочетании с философской рефлексией позволяет говорить о формировании «новой гуманитаристики» (Малинецкий 2024).

Естественно, это относится к процессам и системам, рассматриваемым в культурологии. И здесь есть большая традиция. М. С. Каган писал: «...общим законом синергетики следует считать не простейшую форму организации, а шкалу ее преобразования во всё более и более сложные структуры. Аналогичный вывод приходится сделать, рассматривая перенесение на развитые общества и культуры установленного синергетикой фундаментального значения случайности для понимания нелинейности, бифуркаций и поливариантности путей развития организационных и дезорганизационных процессов в природе. Несомненна огромная роль случайности и на социокультурном уровне, в движении от гармонии к хаосу и от хаоса к гармонии» (Каган 2011, 96).

Еще одна причина огромного интереса к самоорганизации состоит в том, что это наш главный козырь в биологической и социальной эволюции. Язык, письменность, законодательство, книгопечатание, радио, телевидение, интернет, социальные сети выступают в этом контексте прежде всего как инструменты, облегчающие самоорганизацию. Дело в том, что мы, в отличие от представителей других видов, можем привлечь к решению своих задач любое количество незнакомцев, и это дает большой эффект. Взаимодействие между нами формируется на основе тех культурных норм, которым мы следуем. Огромную роль в осознании важности этого факта сыграл создатель глобальной демографии, выдающийся просветитель Сергей Петрович Капица.

К этому взгляду сейчас приходят многие гуманитарии. Например, автор недавнего бестселлера Ю. Н. Харари пишет: «Решающую роль в завоевании нами мира сыграла наша способность объединять в сообщества массы людей. Современное человечество правит планетой не потому, что отдельно взятый человек более умный и более умелый, чем отдельно взятый шимпанзе или волк, а потому, что *Homo Sapiens* — единственный на Земле вид, способный гибко взаимодействовать в многочисленных группах. Интеллект и производство орудий были, конечно, тоже очень важны. Но не научись люди гибко взаимодействовать в массовом масштабе, наши изобретательные мозги и умелые руки до сих пор были бы заняты расщеплением кремня, а не атомов урана» (Харари 2018, 157).

Использование междисциплинарных подходов можно сравнить с бинокулярным или стереоскопическим зрением, позволяющим гораздо лучше рассмотреть предмет, на который смотрим. Радует, если статьи используют такой взгляд.

Количественные методы культурологии.

Из XVII века — столетия развития наук и технологий — к нам пришел императив Галилея: «Измерить всё, что измеримо, и сделать измеримым всё, что таковым не является». Для чего? Для того, чтобы сделать более простыми и ясными причинно-следственные связи. Когда люди говорят, что нечто является большим или малым, человек, имевший отношение к точным наукам, часто спрашивает: «По сравнению с чем?». Ответ на этот вопрос позволяет часто очень многое прояснить. Конечно, такой взгляд часто вызывал протест у гуманитариев. Гегель писал: «Математика — наука точная, потому что она — наука тощая». В самом деле, если вспомнить «школьную математику» с ее квадратными уравнениями, циркулем и линейкой, окружностями и вписанными углами, то кажется, что она имеет очень малое отношение к жизненным проблемам. За строгость и точность ученые «платили» небольшим количеством используемых моделей. Освальд Шпенглер писал: «Средство для познания мертвых форм — математический закон. Средство для понимания живых форм — аналогия. Таким образом различаются полярность и периодичность мира» (Шпенглер 1993, 129).

Однако всё это далекое прошлое. Математику рассматривают сегодня не только как науку о числах и фигурах, но и как направление, в котором рассматриваются также качества и структуры. Компьютеры преобразили технологии исследования. С человеком и обществом трудно, а иногда и невозможно поставить натурный эксперимент, однако сегодня нам доступен вычислительный эксперимент. Математик, философ, мыслитель Никита Николаевич Моисеев считал, что это преобразит гуманитарные науки (Моисеев 2021).

Конечно, гуманитарные науки говорят на этом языке. Например, Густав Фехнер в 1860 году сформулировал психофизический закон восприятия, устанавливающий логарифмическую зависимость между интенсивностью раздражителя (стимула) J и величиной субъективного ощущения S

$$S = K \ln J + C,$$

где K и C — постоянные. Закон справедлив для любых раздражителей — звука, света, вкусовых ощущений и тому подобного. Именно эта логарифмическая зависимость определяет, например, широту диапазона, в котором мы можем воспринимать звуки — от писка комара до рева реактивного самолета.

В лингвистике важную роль играет закон Ципфа — эмпирическая закономерность распределения частотности слов естественного языка. Если упорядочить слова по убыванию, частотности, то частота использования n -го слова в этом списке P_n соотносится с частотой использования первого слова как

$$P_n = P_1/n.$$

Такая же закономерность характерна для распределения доходов людей по их размерам, для распределения городов по численности населения и для многих других сложных систем. Отклонение от этого закона, например, связанное с административными мерами, существенно увеличивают вероятность социальных нестабильностей. Можно вспомнить слова бывшего градоначальника Москвы Ю. М. Лужкова: «Москва — не Россия, но и Россия — не Москва».

Мы говорили о росте населения мира, для которого самоорганизация, а с ней и культура, определяющая ее формы и существо, играет главную роль. Но простые формулы и картинки позволяют заменить множество общих слов.

В самом деле, британский демограф, священник и экономист Томас Мальтус (1766–1834) считал, что численность популяции любого вида, включая человека, в условиях достатка ресурсов растет в геометрической прогрессии

$$\frac{dN}{dt} = \alpha N, \quad N(0) = N_0,$$

где α — мальтузианский коэффициент, N_0 — численность вида в начале процесса.

Данные палеодемографии показали, что в отношении человека это неверно. Наша численность росла гораздо быстрее — не в соответствии с законом Мальтуса, а в соответствии с законом Капицы, по крайней мере, в течение 200 тысяч лет.

$$\frac{dN}{dt} = \beta N^2, \quad N(0) = N_0.$$

Решением этого уравнения является гиперболическая зависимость с асимптотой в 2025 году. Если бы тенденции, определявшие наше развитие в течение 200 тысяч лет, продолжали действовать, то к 2025 году нас на планете стало бы бесконечно много. Конечно, этого не происходит. Закон роста населения и соответствующие прогнозы представлены на рис. 2.

Красная кривая соответствует гиперболическому закону, синяя — результатам наблюдения и прогнозам. Видно, что очень быстро, на времени жизни одного поколения, резко уменьшилась скорость роста населения на планете. Перед нами глобальный демографический переход — ключевое событие переживаемой эпохи. Ранее жизнь людей определял императив «высокая смертность — высокая рождаемость». Детей надо было иметь много, чтобы в конце концов кто-то ухаживал бы за стариками. Технологический прогресс привел к уменьшению смертности, и сейчас реализуется иной императив «низкая смертность — низкая рождаемость». Люди меньше надеются на детей, а больше на пенсионные фонды, социальные структуры, медицину. Увеличивается продолжительность жизни и мир стареет. Это глубокие, кардинальные изменения

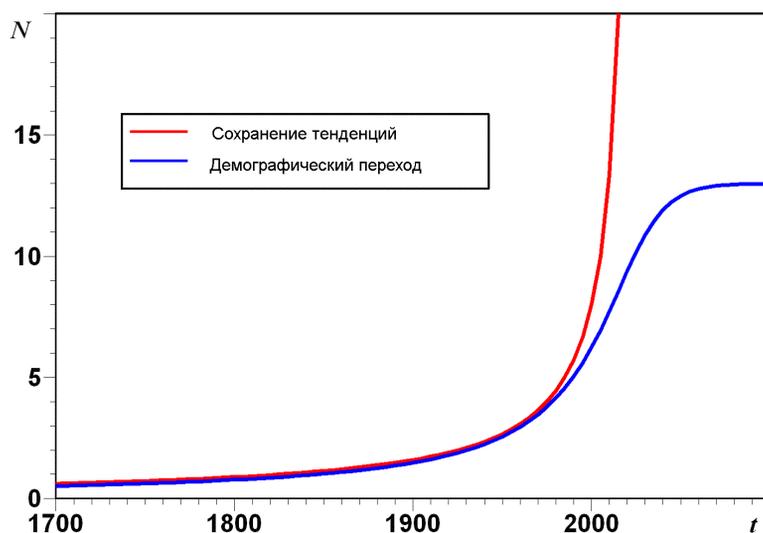

Рис. 2. Закон роста народонаселения в мире

Fig. 2. The law of the world's population growth

в культуре. Время «бури и натиска» прошло, и сейчас формируется новая реальность. Какой она может и какой должна быть, было бы интересно разобраться культурологам и не только им.

Заметим, что было предложено несколько моделей глобального демографического перехода, а с ними и перспектив развития человечества. Большую известность получила модель С. П. Капицы (Капица и др. 2020). Однако здесь много открытых вопросов, которые было бы важно и интересно обсудить при самом активном участии культурологов.

Мне довелось много сотрудничать с гуманистами и слышать возгласы «Не всё можно измерить», «Действия человека не просчитаешь», «Наличие формул в тексте унижает меня!», «Компьютер никогда не научится играть в го. Здесь нужно стратегическое мышление, и он всегда будет проигрывать человеку...».

Дело не в том, чтобы что-то считать, а в том, какие вопросы мы задаем себе. Напротив, остается удивляться, как много люди научились измерять в сфере, связанной с человеком. Без детального анализа крови сейчас с вами большинство врачей и разговаривать не станет. Для других проблем очень важны количественные характеристики сознания, которые сейчас нейробиологи и физиологи пробуют ввести (Сет 2024).

Многие научные проблемы похожи на запертые двери. Если у вас появился новый ключ, то почему бы не воспользоваться им?

Темпоральность. Многие статьи в культурологических журналах похожи на путеводители по музеям. И в этом нет большой беды — приятно порадоваться достижениям предков и рассказать об этом читателям. Гораздо хуже, когда «не дружат» со временем реформаторы. Попытки «войти в мировую цивилизацию», «построить европейский дом от Лиссабона до Владивостока», вера в то, что капитализм — будущее всего человечества, а либерализм — единственно верное научное учение, у всех нас перед глазами. И их результаты тоже.

Прорывы и свершения одного времени могут быть неуместны в другое и проявлением реакции — в третьем. В Европе после великих Платона, Аристотеля и Евклида много веков не развивали философию и математику... История не любит «неуспевающих» и не всегда поддерживает «отличников». Об этом писали Гегель, Данилевский, Шпенглер, Ключевский, Бродель и еще очень многие. В конце концов Арнольд Тойнби призывал историков расширить поле исследований во времени и пространстве. Имен-

но понимание культуры и истории разных цивилизаций он считал основой для стратегического прогноза.

Не хотелось бы пересказывать классиков. Приведу лишь цитату выдающегося этнолога, историка и мыслителя Льва Николаевича Гумилева. Этот текст содержится на последних страницах его последней книги, написанной в 1992 году.

«Исторический опыт показал, что, пока за каждым народом сохраняется право быть самим собой, объединенная Россия успешно сдерживала натиск и Западной Европы, и Китая, и мусульман. К сожалению, в XX веке мы отказались от этой здоровой и традиционной для нашей страны политики и начали руководствоваться европейскими принципами — пытались сделать всех одинаковыми. А кому хочется быть похожим на другого? Механический перенос в условия России западноевропейских традиций дал мало хорошего, и это неудивительно. Ведь российский суперэтнос возник на 500 лет позже. И мы, и западноевропейцы всегда это различие ощущали, осознавали и за „своих“ друг друга не считали. Поскольку мы на 500 лет моложе, то как бы мы ни изучали европейский опыт, мы не сможем добиться сейчас благосостояния и нравов, характерных для Европы. Наш возраст, наш уровень пассионарности предполагает совсем иные перспективы... Конечно, можно попытаться „войти в круг цивилизованных народов“, т. е. в чужой суперэтнос. Но, к сожалению, ничто не дается даром. Надо осознавать, что ценой интеграции России с Западной Европой в любом случае будет отказ от отечественных традиций и последующая ассимиляция» (Гумилев 1992, 299).

Культурология показывает, что люди в разные исторические эпохи и в разных фазах этногенеза, а с ними и культура, сильно меняются. Наглядно это показывают комедии: юмор и сатира стареют очень быстро, и без больших комментариев трудно разобраться, что люди имели в виду и над чем смеялись даже несколько веков назад. Другой пример — «Илиада» и «Одиссея». На наш нынешний взгляд это очень жестокие книги.

Внимание к темпоральному измерению объектов исследования было бы очень ценно для нашего журнала.

Научность. На упреки в «недостаточной научности» культурологии обращал внимание Х. Г. Тхагапсоев. Он цитирует И. Т. Касавина: «Вряд ли можно считать культурологию отдельной научной дисциплиной, наряду с философией, социологией, этнологией и прочими».

Критическая позиция присутствует и в работах зарубежных авторов, например, Ю. Шеррер: «...Культурология в России превращается в специфическую русскую науку, в проявление эпистемологического национализма», «российской культурологии недостает научности» (Тхагапсоев 2011, 26). В данной работе Х. Г. Тхагапсоев связывает эти упреки не с существом проблемы, а с формой — недостаточностью профессионального языка: «Но самое главное в данном случае заключается в том, что язык науки, выступая как средство общения (коммуникации), служит интерсубъективным основанием профессиональной деятельности научного сообщества. В науке в целом, как известно, это достигается за счет математики (универсального научного языка), а также путем формирования и развития целого ряда функционально специализированных языков — подсистем языка науки. Речь, в частности, идет о таких функциональных языках, как ассерторический (язык утвердительных суждений, понятий, терминов, категорий), процедурный (язык измерений, сравнений, ранжирования, классификации), модальный (язык отношений, концептов, моделей), эретический (язык постановки задач, формулирования проблем), эвристический (язык метафор и аналогий) и аксиологический (язык оценочных позиций и ценностных). В арсенале нашей культурологии, конечно же, содержатся некие формы и варианты почти всех приведенных языков науки, особенно — языков метафор и аксиологии, увы — при явной недостаточности модальных и эретических языков» (Тхагапсоев 2011, 28).

На мой взгляд, стоит напомнить строки Шекспира:

*«Что значит имя? Роза пахнет розой,
Хоть розой назови ее, хоть нет».*

Язык определяется содержанием предмета и рассматриваемыми проблемами. Полагаю, что Касавин не прав. Разумной, по-видимому, является эйнштейновская трактовка науки, в которой утверждается необходимость «внешнего оправдания» (результатов наблюдений, опытов, явлений, процессов, требующих объяснения, понимания и, возможно, управления). В этом смысле философия и теология не являются науками. Это другой тип рефлексии. В них нет ни результатов наблюдений или экспериментов, которые нужно было бы объяснить, ни тех вопросов, заданных предшественниками, на которые их последователи должны были найти или хотя бы искать ответы. Зато есть возможность «перевернуть доску», объявив вопросы, заданные предшественниками, бессмысленны-

ми и задав новые. В свое время Бертран Рассел предложил такую характеристику философии: «Философия, как я буду понимать это слово, является чем-то промежуточным между теологией и наукой. Подобно теологии, она состоит в спекуляциях по поводу предметов, относительно которых точное знание оказывалось до сих пор недостижимым; но, подобно науке, она взывает скорее к человеческому разуму, чем к авторитету, будь то авторитет традиции или откровения. Всё *определенное* знание, по моему мнению, принадлежит к науке; все *догмы*, поскольку они выходят за пределы определенного знания, принадлежат теологии. Но между наукой и теологией имеется Ничейная Земля, открытая для атак с обеих сторон; эта Ничейная Земля и есть философия» (Рассел 2017, 9–10).

В этом смысле и математика является не наукой, а скорее областью искусства: у нее нет внешнего оправдания. Опыты не могут подтвердить или опровергнуть результат рассуждений и даже корректность использованных инструментов. Неевклидовы геометрии так же последовательны и непротиворечивы, как евклидова; кроме аристотелевой логики есть множество неаристотелевых. В XX веке было понято, что есть много разных «математик». В одних теориях $ab = ba$, в других $ab \neq ba$, в одних $a \cdot (b \cdot c) = (a \cdot b) \cdot c$, а в других $a \cdot (b \cdot c) \neq (a \cdot b) \cdot c$. Представители других наук выбирают, что из этих теорий лучше описывает сущности, с которыми они имеют дело.

У культурологии есть и «внешнее оправдание», и стремление к «внутреннему совершенству», она может сыграть важную роль в нашем обществе. «Задаваясь, следуя духу прагматического времени, вопросом, зачем обществу нужно знание о культуре, можно сказать, что культура как накопленная, так и развивающаяся, помогает обществу выжить... Культурология, которая имеет не только социальную, но и гуманитарную составляющую в своем предметном поле, способствует осмыслению человеком своего места в культуре, что придает личности внутреннюю устойчивость, помогает в выборе ценностных ориентиров, облегчает процессы межличностного взаимодействия», — пишет Н. Г. Багдасарьян (Багдасарьян 2013, 183–185). С этим трудно не согласиться.

Культурология представляет, по сути, своеобразный синтез идей, исследовательских программ, подходов многих социальных, гуманитарных и естественных дисциплин. Это заставляет считать ее не только отдельной новой наукой, но и *трансдисциплинарным*, а скорее даже *интегративным научным подходом*.

Исходя из полувекового опыта развития синергетики и идей М. С. Кагана, видевшего ее тесную связь с исследованием культуры, можно «подсмотреть» многое из методологии, динамики, тенденций развития культурологии у синергетики.

В самом деле, оба этих подхода опираются на *исследования, находящиеся в области пересечения сфер предметного знания, философской рефлексии и математического моделирования*. Схожим образом мыслит А. В. Костина: «Если говорить об основном научном методе культурологии, то именно метод культурного моделирования, направленный на разделение объектов в систематизированные группы с помощью идеализированной модели, является одним из основных» (Костина 2011, 244).

Болезнью многих дисциплин является их замена философией или историей этой науки.

И здесь есть убедительный ответ: «В связи с этим культурология исходит не из философского понимания культуры как сферы проявления свободы человека, а акцентирует внимание как раз на тех ее аспектах, которые позволяют изучать культуру в большей степени как сферу необходимости, задаваемую природой и обществом, в границах которой только и может действовать человек. В контексте такого понимания культура выступает как регулирующая система, удерживающая человека в достаточно жестких рамках, которые он все время стремится раздвинуть и преодолеть при помощи способов, формируемых все той же культурой. Смыслом же человеческого существования становится либо усвоение границ культуры и принятия их как данности, либо стремление выйти за эти границы и сформировать новые пространства...» (Костина 2011, 243).

Рассмотрение культурологии как трансдисциплинарного научного подхода позволяет расширить круг работ, заслуживающих внимания в этом контексте, и количество исследователей, по существу занимающихся культурой. К тому же слово «интегративных» в названии журнала к этому обязывает.

Впрочем, дело не в названии. Есть гораздо более важный фактор, отражающий существо и роль науки в обществе. Коротко говоря, одни науки направлены на то, чтобы выяснить, как устроены изучаемые ими объекты, а другие вдобавок к этому выясняют, как управлять тем, что они исследуют. Конечно, полезными могут быть и те, и другие. Например, совершенствуя инструменты наблюдения в космологии, ученые и инженеры очень многому научились. Культурология не такова. Очевидно, что наряду с ре-

шением своих внутренних проблем она должна помогать сформулировать культурную стратегию и политику страны, дать прогноз развития этой сферы, осознать и помочь изменить к лучшему место нашей страны в мировом культурном пространстве. Наконец, очень важна была бы ее помощь в решении тех цивилизационных задач, которые сейчас стоят перед Россией.

Конечно, ученый может всю жизнь биться над волнующей его проблемой, но грустно существование области исследований, представители которой живут в «башне из слоновой кости». Поэтому пока влияние культурологии на общественные процессы следует признать более чем скромным. Но, с другой стороны, это означает, что впереди огромное поле деятельности...

Видимо, исторически сложилось так, что акцент в отечественной культурологии был сделан на художественной части культуры. Но ведь это очень небольшая часть того, что относится к культуре! И, конечно, развивая интегративные процессы в этой области, следует значительно расширить пространство исследований.

В самом деле, в качестве примера можно обратить внимание на стремительную деградацию научной культуры в нашей стране. В ходе реформ чиновники победили не только инженеров, но и ученых. Появились удивительные термины «автоплагиат», «самоцитирование», дипломы и диссертации начали прежде всего рассматриваться не по тем задачам, которые в них решены, а по компьютерной справке, указывающей, что, как и у кого защищающийся «украл».

Взяли на себя инквизиторские функции «Диссернет» и «Комиссия по борьбе с лжеучеными». Рейтинг ученых волею наших чиновников начал определяться тем, печатают ли их в зарубежье. Парадоксальным образом в 2013 году Российскую академию наук лишили научных институтов и статуса научной организации. В соответствии с принятым и утвержденным правительством уставом Академии наук запрещено... заниматься научными исследованиями (!). Против этого устава на общем собрании голосовал с десяток членов Академии.

Кажется, что мы оказались в странной ситуации и протестов против всего этого и у участников происходящего действия, и у «зрителей» на удивление мало. Естественно было бы попытаться выяснить, что и каким образом произошло с этой частью культуры, во многом определяющей наше будущее, и предложить сценарии выхода из этой ситуации, в которой мы оказались. Хочется думать, что у авторов

дойдут руки и до этой, и до многих других проблем, пока остающихся на периферии отечественной культурологии.

Субъектность. Чаще всего в мифах и сказках многое начинало происходить после третьего крика петуха. Думается, что у многих исследователей культуры, упустивших три первых крика магической птицы, имеет место именно такая ситуация.

Под *субъектностью* понимают способность цивилизации, этноса, социальной группы менять свою реальность, ставить и добиваться воплощения значимых целей, контролировать и оценивать свои действия и управлять ими.

Важной чертой субъекта является способность к *рефлексии*. Последнее свойство известный психолог В. А. Лефевр определяет так: «Рефлексия в ее традиционном философско-психологическом понимании — это способность встать в позицию „наблюдателя“ или „контролера“ по отношению к своему телу, своим действиям, своим мыслям. Мы расширим такое понимание рефлексии и будем считать, что рефлексия — это также способность вставать в позицию исследователя по отношению к другому „персонажу“, его действиям и мыслям» (Лефевр 2000, 11). Важной формой рефлексии является совесть. Заметим, что в европейских языках нет слов, в которые люди, говорящие на них, вкладывают тот же смысл, что и мы.

Дело в том, что культура стала в современном мире оружием, которое одни субъекты активно применяют против других, стремясь достичь своих целей.

Первым сигналом, требующим серьезного исследования культурологов, стало разрушение советской культуры, кризис рефлексии в результате революции 1991 года, которые известный социолог С. Г. Кара-Мурза охарактеризовал как «Утрату здравого смысла. Утрату логики. Утрату меры».

Чтобы напомнить масштабы перемен приведу несколько цитат.

Главный редактор журнала «Искусство кино» Д. Б. Дондурей в 1995 году анонсировал годовую кинопродукцию (45 фильмов) и называл в качестве одной из причин отвращения к ним массового зрителя: «Почти во всех без исключения современных фильмах государственные институты в лице носителей их функций интерпретированы резко негативно» (Дондурей 1995).

Детально блокировка рефлексии граждан России в начале реформ описана в книге С. Г. Кара-Мурзы «Потерянный разум». В частности, в ней он пишет: «Исполнено презрения и отношение непосредственно к людям — поначалу

советским, теперь жителям РФ. Директор ВЦИОМ Ю. Левада в статье для “Новой газеты”, выложенной в Интернете, излагает общую установку либеральной интеллигенции нашей страны: “Главные особенности «человека советского» когда-то описывались одним точным выражением — «лукавый раб» (Г. Заславская): бесправный, покорный, но себе на уме, умеет обманывать судьбу и начальство, обходить любой закон. Исследования и опыт последнего времени показывают, что в этом отношении человек не слишком изменился”» (Кара-Мурза 2005, 697).

Вспомним знаковое стихотворение И. Бродского: «Холуй трясется. Раб хохочет. / Палач свою секиру точит. / Тиран кромсает каплуна. / Сверкает зимняя луна. / Се вид Отечества, гравиюра».

Известный философ Мераб Мамардашвили в 1992 году писал: «На русской истории, повторяю, лежит печать невероятной инертности, и эта инертность была отмечена в начале XIX века единственным обладателем автономного мышления в России — Чаадаевым. Он констатировал, что Просвещение в России потерпело поражение... Любой жест, любое человеческое действие в русском культурном космосе несут на себе, по-моему, печать этого крушения Просвещения и Евангелия в России» (Мамардашвили 1992, 11).

Тридцать с лишним лет назад реформаторы надеялись на кардинальное изменение культурного пространства России. Оппоненты считали, что это не удастся сделать и динамика будет другой: «... “починка” сознания пойдет не через сдвиг к постмодернизму, а через восстановление методов и норм мышления, выработанных Просвещением — с их необходимой модернизацией, но без отрыва от главного ствола рациональности Нового времени» (Кара-Мурза 2005, 4).

Многое с тех времен изменилось. Каков сейчас уровень общественного сознания в разных ипостасях культуры? Какова его динамика и перспективы? Очевидно, ответы на эти вопросы должны быть получены в ходе совместной работы социологов и культурологов.

Второй звонок был связан с выходом в 1996 году книги Сэмюэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций». В ней он предсказывает в XXI веке беспощадную схватку 9 сложившихся на Земле цивилизаций за тающие невозполнимые ресурсы. По его мысли, непримиримость цивилизаций определяют различие смыслов, ценностей, проектов будущего, религий, лежащих в основе их культурного кода. Каждая цивилизация тем или иным способом обеспечивает себя ресурсами,

необходимыми для промышленного производства, поэтому прогноз Хантингтона означает, по сути, переход от геоэкономики к геокультуре, к острому соперничеству в мировом пространстве. По его мысли, «для большинства людей культурная идентичность — самая важная вещь».

Мир России он называет «восточно-христианской цивилизацией», считает ее расколотой и предвидит ее уход с исторической арены в ближайшие десятилетия. Наша задача состоит в том, чтобы этот прогноз не оправдался. Для этого надо защищать свои мысли, ценности, культурное пространство, формировать свой проект будущего.

Этот круг вопросов оказался очень важен для осмысления политических менталитетов правящих стран, что необходимо для эффективного взаимодействия с ними (Ракитянский 2020).

Третий сигнал — нынешняя вторая холодная война, которую сейчас Запад ведет против России.

Его попытки переписать историю, «отменить» нашу культуру требуют продуманных энергичных усилий от культурологов. Здесь огромное поле важной востребованной работы.

Несколько лет назад А. В. Бондарев предлагал организовать серию круглых столов и конференций на тему «Культура как оружие массового поражения и ресурс национальной безопасности», регулярно издавать сборники по этой теме (Бондарев 2019). На Западе подобные усилия предпринимаются самым активным образом. К сожалению, инициативы А. В. Бондарева не были поддержаны. Однако ситуация меняется и, возможно, время работ в этом направлении и соответствующих обсуждений наконец-то пришло...

Конструктивность. Прогноз, предсказание, предвидение являются ключевыми функциями науки. Естественно, это очень ценно в работах культурологов.

Научные публикации можно разделить на две большие группы. Работы первой из них отвечают на вопрос, как устроен исследуемый объект или система. Конечно, они могут быть очень важны. Крылатое изречение «Нет ничего практичней хорошей теории» приписывают основателю молекулярно-кинетической теории Людвигу Больцману, а также множеству других выдающихся ученых.

Однако оценка науки, направления, школы исследователей обществом обычно определяется второй группой работ. Работы второй группы отвечают на вопрос «что делать?». Это очень важная группа работ, особенно в ситуации

нынешнего культурного кризиса. Конструктивность сейчас очень и очень важна.

Приятно перебирать фамильное серебро и анализировать выдающиеся достижения прошлого. Тем не менее реальность стремительно меняется, а с ней и культурное пространство. Если считать биосферу первой природой, техносферу — второй, то у нас на глазах рождается третья природа — информационно-телекоммуникационное пространство.

В мире работает более 6,2 млрд компьютеров, 5,8 млрд человек в 2023 году пользовались интернетом. По прогнозу основателя и руководителя Давосского экономического форума Клауса Шваба и привлеченных им экспертов к 2025 году на земле будет установлено более 1 трлн датчиков, фиксирующих разговоры, действия, передвижения, сообщения людей («наблюдатчиков», как их иногда называют), в продажу поступят вживленные мобильные телефоны, и у более 90 % людей будут смартфоны (Шваб 2017, 16). Производительность компьютеров за время их существования увеличилась в 10^{15} раз, и сейчас системы искусственного интеллекта могут рисовать картины и менять их по желанию заказчика. Компьютеры умеют готовить «коктейли» из музыкальных произведений (например, «смешать» 30 % Моцарта, 30 % Бетховена и 40 % Гершвина). Учителя часто называют нынешних школьников «поколением с опущенным взором» — взор их опущен в мобильники и планшеты. Одним из самых серьезных наказаний для них стало лишение их на некоторое время компьютерных игр.

В былые времена капиталисты стремились удовлетворить потребности населения. В ходе пятого технологического уклада (1970–2010) СМИ и реклама научились формировать потребность, внушать людям желание купить то или другое.

Однако реальность продолжает стремительно меняться. Известный российский экономист М. Г. Делягин пишет: «Суть современного информационного взаимодействия — обмен внимания пользователя на получаемые им эмоции. Бизнесу нужно удержание внимания, пользователю — новые эмоции. Содержательная деятельность (включая традиционный обмен труда на материальные блага) сама по себе на глазах перестает быть ценностью...

При этом уже ставшее традиционным клиповое сознание переходит в «кликерное»: нуждающееся в постоянной незамедлительной реакции на разрозненные внешние раздражители ради получения эмоции, а не результата» (Делягин 2023, 17).

Каков будет внутренний мир и мировоззрение у людей, живущих в этой новой реальности? Здесь есть над чем подумать.

Один из специалистов по искусственному интеллекту (ИИ) Кай-Фу Ли предсказывает, что через 10–15 лет примерно половина работающих в США останутся без того дела, которым занимаются сейчас. Их заменят машины. В мире появятся сотни миллионов «лишних людей». Это социальный и культурный шок. Проектирование будущего становится одной из ключевых задач современной науки. Нет времени и ресурсов для того, чтобы действовать методом проб и ошибок — надо предвидеть перемены, формировать образ желаемого будущего и предлагать управляющие воздействия, которые могут к нему привести.

Конечно, наряду с анализом глобальных проблем интересны и детали, выступающие как индикатор будущих перемен. Калькулятор уничтожил устный счет в школе. Пульт телевизора, позволяющий быстро «скакать» с канала на канал, по сути, уничтожил фильмы на телевидении. Самые серьезные передачи идут вперемежку с рекламой. Ток-шоу предлагают не содержательный анализ, а винегрет из мнений и оценок. Номо Еconomicus теснит культуру... В битве телесериалов с фильмами первые начинают и уверенно выигрывают. Книжные магазины исчезают с улиц городов. Ориентирами стали не «взрослые» фильмы, а картины, ориентированные на детей и подростков: циклы «Звездные войны», «Матрица», «Гарри Поттер», «Аватар», «Игра престолов». Фэнтези вытеснило фантастику — люди видят будущее в прошлом. Век антиутопий — «утопий» сегодня днем с огнем не найдешь. Помнится, когда несколько десятков лет назад я писал, что вскоре люди будут пить воду из бутылок, меня обвинили в беспочвенном алармизме. Ремесло Кассандры дело нелегкое и неблагодарное, но совершенно необходимое для общества.

«Интегративные исследования культуры» должны интересовать очень многих. Например, наше Министерство культуры. Меня всегда интересовало, почему французы смотрят снимаемые сейчас французские фильмы, а российские зрители предпочитают советские картины. Беда только в том, что они знают их уже наизусть... Может быть, освоив культурологичность мышления, иерархи министерства и привлеченные ими эксперты перестанут гробить сценарии картин, которые стоит или хотя бы можно смотреть.

Образовательный императив. Мы имеем удивительную возможность взаимодействовать

с людьми будущего и регулярно это делаем, общаясь с воспитанниками детских садов, школьниками и студентами. Через десяток-другой лет им предстоит взять на свои плечи ответственность за происходящее в нашем Отечестве.

Удивительным образом коллеги в своих статьях обсуждают, как готовить будущих культурологов или как преподавать культурологию, обычно не уделяя внимания главному — сути нашего образования. Императив отечественного образования, на мой взгляд, прекрасно определил выдающийся культуролог Юрий Михайлович Лотман:

«Итак, чему же учатся люди? Люди учатся Знанию, люди учатся Памяти, люди учатся Совести. Эти три предмета, которые необходимы в любой Школе и которые вобрало в себя искусство. А искусство — это по сути своей Книга Памяти и Совести. Нам надо только научиться читать эту Книгу» (Лотман 2010, 17).

К сожалению, нынешнее российское образование удивительно далеко от этого императива...

Культура — не результат, а процесс. Два «потерянных поколения» — и преемственность теряется. Страны, этносы или цивилизации становятся другими или гибнут. История дает немало примеров этого.

Советскую школу, считавшуюся одной из лучших в мире, разрушали под лозунгом, выдвинутом психологом от образования А. Г. Асмоловым: «От культуры полезности к культуре достоинства», вводя личностно-ориентированную систему образования. Неважно, что знает учитель и ученик, важно, чтобы в процессе обучения его личность росла. Впрочем, как об этом судить, неясно, но для развала, очевидно, это и не важно. Советскую школу с ее знаниями, умениями, навыками объявили *тоталитарной*, поскольку та школа была основана на предметоцентричной системе, в которой ученика оценивали по тому, как он освоил преподаваемые предметы, а учителя — по успехам подопечных. Восемь экзаменов для выпускников по разным предметам, полноценные сочинения, вступительные экзамены, которые принимали комиссии в вузах, молодым учителям и родителям ныне кажутся сказкой.

Результаты образовательных реформ последних десятилетий проявились очень быстро. По международной программе по оценке образовательных достижений учащихся (Programme for International Student Assessment, PISA) проверяется умение 15-летних школьников применять знания по математике, физике и естественным наукам и по чтению на родном языке. Рассматриваются не «сильные ученики»,

не «олимпиадники», а средние школьники без малого восьмидесяти стран. В 2018 году по части математической грамотности наши ребята заняли 30-е место, по естественным наукам 33-е, по читательской грамотности — 31, уступая ребятам из многих стран НАТО (Международная программа... 2025). Заметим, что на первых местах обычно находятся школьники из стран, делающих акцент на научно-техническом развитии. Например, по математике в 2018 году лидеры — 4 провинции Китая, Сингапур, Макао (КНР), Гонконг (КНР), Тайвань, Япония, Южная Корея. Та же картина с физикой и читательской грамотностью. Огромный урон нанесла нашим школьникам ранняя профилизация. Половина ребят не знают и не хотят знать «всю эту гуманитарщину», другая игнорирует «арифметику» и то, что с ней связано. В стране остро не хватает учителей. Тем, кому приходилось искать учителей для работы в школе, не надо объяснять, что ситуация отчаянная. Культура российских учителей кардинально отличается от культуры советских педагогов. Это огромная проблема. Деньгами ее не решить.

Далее большинство авторов и читателей журнала участвуют в удивительном эксперименте «высшее образование». Мне, например, довелось учить магистров (шестикурсников по-старому) ведущего технического вуза... складывать дроби. Бакалавр еще не специалист. Кто захочет иметь дело с медиком бакалавром, пилотом, а также учителем, инженером с такой подготовкой и т. д.? Магистр — уже не специалист. Математика мы должны, например, принимать в магистратуру по юриспруденции и наоборот. Кем будут эти люди? Математическими юристами или юридическими математиками?

Программы — это отдельная проблема. «Пушкин и Солженицын не могут быть в одной программе! „Гений и злодейство — две вещи несовместные“. Вы — взрослые — разберитесь сами, что и как, а потом уже нас спрашивайте», — говорил мне один школьник. Мне нечего было ему ответить.

Возвращаясь к лотмановскому императиву, можно прийти к выводу, что в нашей средней школе должно быть три приоритета: Русский язык (включая великую русскую литературу), История и Математика. Приоритетов не может быть много. Язык — системообразующая сущность для нашей цивилизации. История и Литература должны давать следующему поколению крылья — понимание того, чем следует гордиться, и шанс избежать уже сделанных нами ошибок. Математика — наука свободы, показывающая,

что после выбора аксиом можно не «верить» и не «опираться на авторитеты», а доказывать. Это важно и для друзей, и для врагов.

Может быть, есть и другие мнения и оценки. Их стоит обсудить до того, как будут приняты решения в этой ключевой для нашей цивилизации области. Конечно, это можно сделать на страницах журнала.

Вопреки Великому Инквизитору. В романе Достоевского Великий Инквизитор объяснял Христу суть своих дел: «Мы исправили подвиг твой и основали его на чуде, тайне и авторитете». Арестованный по приказу инквизитора ответил молчанием. И он, и суровый следователь понимали, что императивы противоположны.

Каковы наши императивы? Вероятно, это Свобода, Ясность, Надежда.

Видимо, из этого надо исходить при отборе статей. Ссылки на классиков и современников, принадлежность к известным научным школам и, конечно, степени и звания авторов ничего не решают в оценке конкретных текстов, которые авторы хотят опубликовать. Конечно, это относится не только к науке, но и к философии. Идеи Аристотеля, Платона, Канта, Гегеля и других основоположников могут вдохновлять и восхищать, заставляя переосмысливать поставленные ими проблемы. Тем не менее не стоит забывать, что все они решали значимые для них задачи в конкретный период истории, в определенной фазе развития этноса, оперируя представлениями своего времени. В калейдоскопе философских и религиозных идей можно найти подтверждение любым взглядам. Прелесть науки связана с императивом Галилея: «Я предпочитаю найти одну истину, хотя бы и в незначительных вещах, нежели долго спорить о величайших вопросах, не достигая никакой истины».

Интегративность и междисциплинарность заставляют ясно и точно излагать материал в форме, которая доступна представителям других дисциплин или научных направлений. Наверно, с этим трудно согласиться исследователям, которые «знают всё ни о чем», но без этого не будет диалога и самоорганизации в сообществе людей, занимающихся исследованиями культуры. И то, и другое сейчас необходимо. Очень полезна краткая и точная формулировка новой идеи, представленной в статье.

Сложные системы и процессы допускают множество проекций, позволяющих разобраться в них. Велико и многообразие точек зрения на исследуемые процессы... Очень широким является термин «понимание». В одних дисциплинах он означает, что мы можем нечто

лучше сделать, чем Природа, в других — уровень знаний, позволяющий эффективно испортить изучаемое. Приходится определяться и выбирать угол зрения, не опираясь на чудо, авторитет и тайну вопреки требованиям Великого Инквизитора...

Современные реалии с особой остротой повышают значимость знаний, позволяющих расширять и совершенствовать культурное пространство нашей цивилизации — мира России. Всем нам нужно то, что позволяет двигаться через тернии к звездам.

Мы с коллегами надеемся, что такие статьи у нас будут.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Ажеж, К. (2003) *Человек говорящий: Вклад лингвистики в гуманитарные науки*. М.: Едиториал УРСС, 304 с. *Афоризмы о языках*. [Электронный ресурс]. URL: <https://citaty.su/yazyki-citaty-i-aforizmu> (дата обращения 10.01.2025).
- Багдасарьян, Н. Г. (2013) Культурология в системах образования: познавательная значимость и методологический потенциал. *Мир культуры и культурология*, № 3, с. 183–189.
- Белл, Д. (2004) *Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования*. 2-е изд. М.: Academia; CLXX+, 788 с.
- Бетелин, В. Б. (2022) Горизонты цифрового будущего страны завтра — это модели ее образования и экономики сегодня В кн.: Г. Г. Малинецкий (ред.). *Проектирование будущего. Проблемы цифровой реальности*. М.: Изд-во Института прикладной математики им. М. В. Келдыша, с. 30–35. <https://doi.org/10.20948/future-2022-2>
- Бондарев, А. В. (2019) Прикладной потенциал культурологии в решении проблем национальной безопасности: программирующие, регулятивные и мотивирующие функции культуры. В кн.: *Мировое развитие: проблемы предсказуемости и управляемости: XIX Международные Лихачевские научные чтения*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского Гуманитарного Университета Профсоюзов, с. 313–314.
- Бродский, И. (1972) *Набросок*. [Электронный ресурс]. URL: <https://rupoem.ru/brodskij/xoluj-tryasetsya-rab.aspx> (дата обращения 10.01.2025).
- Гумилев, Л. Н. (1992) *От Руси к России. Очерки этнической истории*. М.: Экспресс, 336 с.
- Деягин, М. Г. (2023) *Мир после информации. Стабильность [с] той стороны*. М.: Институт проблем глобализации, 218 с.
- Дондурей, Д. Б. (1995) О конструктивной роли мифотворчества. В кн.: Т. И. Заславская (ред.). *Куда идет Россия?.. Альтернативы общественного развития*. М.: Аспект-Пресс, 511 с.
- Иванов, В. В., Малинецкий, Г. Г. (2024) *Россия: XXI век. Стратегия прорыва. Технологии. Образование. Наука*. М.: URSS, 304 с.
- Каган, М. С. (2011) Синергетика и культурология. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 91–101.
- Капица, С. П., Курдюмов, С. П., Малинецкий, Г. Г. (2020) *Синергетика и прогнозы будущего: Образование. Демография. Проблемы прогноза. Кн. 2*. 4-е изд. М.: URSS, 384 с.
- Кара-Мурза, С. Г. (2005) *Потерянный разум*. М.: Эксмо, 735 с.
- Костина, А. В. (2011) История и перспективы подготовки специалистов культурологов. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 242–250.
- Лем, С. (2021) *Сумма технологий*. М.: АСТ, 736 с.
- Лефевр, А. (2000) *Конфликтующие структуры*. 3-е изд. М.: Изд-во Института психологии РАН, 136 с.
- Лотман, Ю. М. (2010) Чему же учатся люди? В кн.: *Чему учатся люди? Статьи и заметки*. М.: Центр книги ВГБИЛ им. М. И. Рудомино, с. 13–17.
- Малинецкий, Г. Г. (2024) *Постиндустриальный вызов и новая гуманитаристика: Взгляд на проблемы человека через призму самоорганизации*. М.: URSS, 232 с.
- Мамардашвили, М. К. (1992) Мысль под запретом (Беседы с А. Эпельбаум). *Вопросы философии*, № 4, с. 70–72.
- Маркарян, Э. С. (2011) Культура как способ социальной самоорганизации. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 79–90.
- Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся*. (2025) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная_программа_по_оценке_образовательных_достижений_учащихся (дата обращения 11.01.2025).

- Моисеев, Н. Н. (2021) *Математика ставит эксперимент. О построении математических моделей: Сделать математику неоценимым помощником любого специалиста — от гуманитариев и экономистов до физиков и инженеров*. 2-е изд. М.: URSS, 232 с.
- Послание Президента Федеральному Собранию (2018) [Электронный ресурс]. URL: <https://ria.ru/20180301/1515512123.html> (дата обращения 11.01.2025).
- Ракитянский, Н. М. (2020) *Ментальные исследования глобальных политических миров*. М.: Изд-во Московского университета, 463 с.
- Рассел, Б. (2017) *История западной философии: в 2 т. Т. 2. Кн. 3*. М.: АСТ, 512 с.
- Сет, А. (2024) *Быть собой: Новая теория сознания*. М.: Альпина нон-фикшн, 400 с.
- Список языков по количеству носителей (2024) [Электронный ресурс]. URL: https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_языков_по_количеству_носителей (дата обращения 10.01.2025).
- Тхагапсоев, Х. Г. (2011) Проблема идентичности в когнитивно-эпистемологической системе культурологии. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 26–35.
- Уайт, Л. Э. (2011) Наука о культуре. *Мир культуры и культурология*, № 1, с. 69–78.
- Хантингтон, С. (2003) *Становление цивилизаций*. М.: АСТ, 603 с.
- Харари, Ю. Н. (2018) *Ното Deus. Краткая история будущего*. М.: Синбад, 496 с.
- Шваб, К. (2017) *Четвертая промышленная революция*. М.: Эксмо, 208 с.
- Шпенглер, О. (1993) *Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Т. 1. Геистальт и действительность*. М.: Мысль, 670 с.

References

- Aforizmy o yazykakh [Aphorisms about languages]*. (2025) [Online]. Available at: <https://citysu/yazyki-citysu-i-aforizmy> (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Azhezh, K. (2003) *Chelovek govoryashchij: Vklad lingvistiki v gumanitarnye nauki [The speaking human: The contribution of linguistics to the humanities]*. Moscow: Editorial URSS Publ., 304 p. (In Russian)
- Bagdasaryan, N. G. (2013) Kul'turologiya v sistemakh obrazovaniya: poznavatel'naya znachimost' i metodologicheskij potentsial [Culturology in education systems: Cognitive significance and methodological potential] *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 183–189. (In Russian)
- Bell, D. (2004) *Gryadushchee postindustrial'noe obshchestvo. Opyt sotsial'nogo prognozirovaniya [The coming post-industrial society: A venture in social forecasting]*. 2nd ed. Moscow: Academia Publ.; CLXX+ Publ., 788 p.
- Betelin, V. B. (2022) Gorizonty tsifrovogo budushchego strany zavtra — eto modeli ee obrazovaniya i ekonomiki segodnya [Horizons of the country's digital future tomorrow are models of its education and economy today]. In: G. G. Malinetskiy (ed.). *Proektirovanie budushchego. Problemy tsifrovoy real'nosti [Designing the future. Problems of digital reality]*. Moscow: Keldysh Institute of Applied Mathematics Publ., pp. 30–35. <https://doi.org/10.20948/future-2022-2> (In Russian)
- Bondarev, A. V. (2019) Prikladnoj potentsial kul'turologii v reshenii problem natsional'noj bezopasnosti: programmiryushchie, regulativnye i motiviryushchie funktsii kul'tury [Applied potential of cultural studies in solving national security problems: Programming, regulatory and motivating functions of culture]. In: *Mirovoe razvitiye: problemy predskazuemosti i upravlyaemosti: XIX Mezhdunarodnye Likhachevskie nauchnye chteniya [World development: problems of predictability and manageability: XIX International Likhachev Scientific Readings]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg University of Humanities and Social Sciences Publ., pp. 313–314. (In Russian)
- Brodskij, I. (1972) *Nabrosok [Sketch]*. [Online]. Available at: <https://rupoem.ru/brodskij/xoluj-tryasetsya-rab.aspx> (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Delyagin, M. G. (2023) *Mir posle informatsii. Stabil'nost' [s] toj storony [The world after information. Stability [on] the other side]*. Moscow: Institute of Globalization Problems Publ., 218 p. (In Russian)
- Dondurej, D. B. (1995) O konstruktivnoj roli mifotvorchestva [On the constructive role of myth-making]. In: T. I. Zaslavskaya (ed.). *Kuda idet Rossiya?.. Al'ternativy obshchestvennogo razvitiya [Where is Russia going?.. Alternatives of social development]*. Moscow: Aspekt-Press Publ., 511 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1992) *Ot Rusi k Rossii. Ocherki etnicheskoj istorii [From Rus' to Russia. Essays on ethnic history]*. Moscow: Ekopros Publ., 336 p. (In Russian)
- Hantington, S. (2003) *Stanovlenie tsivilizatsij [The clash of civilizations and the remaking of world order]*. Moscow: AST Publ., 603 p. (In Russian)
- Harari, Yu. N. (2018) *Homo Deus: Kratkaya istoriya budushchego [Homo Deus: A brief history of tomorrow]*. Moscow: Sinbad Publ., 496 p. (In Russian)
- Ivanov, V. V., Malinetskiy, G. G. (2024) Rossiya: XXI vek. Strategiya proryva. Tekhnologii. Obrazovanie. Nauka [Russia: XXI century. Breakthrough strategy: Technologies. Education. Science]. Moscow: URSS Publ., 304 p. (In Russian)
- Kagan, M. S. (2011) Sinergetika i kul'turologiya. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 91–101. (In Russian)

- Kapitsa, S. P., Kurdyumov, S. P., Malinetskij, G. G. (2020) *Sinergetika i prognozy budushchego: Obrazovanie. Demografiya. Problemy prognoza. Kn. 2 [Synergetics and future forecasts: Education. Demography. Forecasting problems. Book 2]*. 4th ed. Moscow: URSS Publ., 384 p. (In Russian)
- Kara-Murza, S. G. (2005) *Poteryannyj razum [The Lost Mind]*. Moscow: Eksmo Publ., 735 p. (In Russian)
- Kostina, A. V. (2011) Istorija i perspektivy podgotovki spetsialistov kul'turologov [History and prospects of training culturologists]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 242–250. (In Russian)
- Lefevr, A. (2000) *Konfliktuyushchie struktury [Conflicting Structures]*. 3rd ed. Moscow: Institute of Psychology Russian Academy of Sciences Publ., 136 p. (In Russian)
- Lem, S. (2021) *Summa tekhnologii [Summa Technologiae]*. Moscow: AST Publ., 736 p. (In Russian)
- Lotman, Yu. M. (2010) Chemu zhe uchatsya lyudi? [What do people really learn?]. In: *Chemu uchatsya lyudi? Stat'i i zametki [What Do People Learn? Articles and Notes]*. Moscow: Rudomino All-Russia State Library for Foreign Literature Publ., pp. 13–17. (In Russian)
- Malinetskij, G. G. (2024) *Postindustrial'nyj vyzov i novaya gumanitaristika: Vzglyad na problemy cheloveka cherez prizmu samoorganizatsii [The post-industrial challenge and new humanities: A view on human problems through the lens of self-organization]*. Moscow: URSS Publ., 232 p. (In Russian)
- Mamardashvili, M. K. (1992) Mysl' pod zapretom (Besedy s A. Epel'baum) [Thought Under Ban (Conversations with A. Epelbaum)]. *Voprosy filosofii — Questions of Philosophy*, no. 4, pp. 70–72. (In Russian)
- Markaryan, E. S. (2011) Kul'tura kak sposob sotsial'noj samoorganizatsii [Culture as a way of social self-organization]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 79–90. (In Russian)
- Mezhdunarodnaya programma po otsenke obrazovatel'nykh dostizhenij uchashchiksya [Programme for International Student Assessment]*. (2025) [Online]. Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная программа по оценке образовательных достижений учащихся](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Международная_программа_по_оценке_образовательных_достижений_учащихся) (accessed 11.01.2025). (In Russian)
- Moiseev, N. N. (2021) *Matematika stavit eksperiment. O postroenii matematicheskikh modelej: Sdelat' matematiku neotsenimym pomoshchnikom lyubogo spetsialista — ot gumanitariev i ekonomistov do fizikov i inzhenerov [Mathematics sets an experiment. on building mathematical models: Making mathematics an invaluable tool for every specialist — from humanists and economists to physicists and engineers]*. 2nd ed. Moscow: URSS Publ., 232 p. (In Russian)
- Poslanie Prezidenta Federal'nomu Sobraniyu [Presidential Address to the Federal Assembly]*. (2018) [Online]. Available at: <https://ria.ru/20180301/1515512123.html> (accessed 11.01.2025). (In Russian)
- Rakityanskij, N. M. (2020) *Mental'nye issledovaniya global'nykh politicheskikh mirov [Mental studies of global political worlds]*. Moscow: Moscow University Publ., 463 p. (In Russian)
- Rassel, B. (2017) *Istorija zapadnoj filosofii: v 2-kh t. T. 2. Kn. 3 [A history of western philosophy. In 2 vols. Vol. 2. Book 3]*. Moscow: AST Publ., 512 p. (In Russian)
- Set, A. (2024) *Byt' soboj: Novaya teoriya soznaniya [Being You: A New Theory of Consciousness]*. Moscow: Al'pina Non-Fiction Publ., 400 p. (In Russian)
- Shpengler, O. (1993) *Zakat Evropy. Ocherki morfologii mirovoj istorii. T.1. Geshtal't i dejstvitel'nost' [The Decline of the West. Vol. 1: Form and Actuality]*. Moscow: Mysl' Publ., 670 p. (In Russian)
- Shvab, K. (2017) *Chetvertaya promyshlennaya revolyutsiya [The fourth industrial revolution]*. Moscow: Eksmo Publ., 208 p. (In Russian)
- Spisok yazykov po kolichestvu nositelej [List of languages by number of native speakers]* (2024) [Online]. Available at: [https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список языков по количеству носителей](https://ru.m.wikipedia.org/wiki/Список_языков_по_количеству_носителей) (accessed 10.01.2025). (In Russian)
- Thagapsoev, H. G. (2011) Problema identichnosti v kognitivno-epistemologicheskoy sisteme kul'turologii [The problem of identity in the cognitive-epistemological system of cultural studies]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 26–35. (In Russian)
- White, L. A. (2011) Nauka o kul'ture [The science of culture]. *Mir kul'tury i kul'turologiya — World of Culture and Culturology*, no. 1, pp. 69–78. (In Russian)

Сведения об авторе

Георгий Геннадьевич Малинецкий, SPIN-код: 5684-2049, e-mail: GMalin@Keldysh.ru

Доктор физико-математических наук, профессор, главный научный сотрудник, заведующий отделом моделирования нелинейных процессов Института прикладной математики им. М. В. Келдыша РАН, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области образования

Author

Georgy Gennadievich Malinetsky, SPIN: 5684-2049, e-mail: GMalin@Keldysh.ru

Doctor of Sciences (Physics and Mathematics), Professor, Principal Researcher, Head, Department of Nonlinear Processes, The Keldysh Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences, Moscow University for the Humanities

Теория и история культуры, искусства.
Раздел «Междисциплинарные связи
и интегративные тенденции
в исследованиях природных
и социокультурных систем»

УДК 001.8

EDN QGKLEY

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-23-32>

Живая наука. Сферный подход В. И. Вернадского

И. Н. Вольнов ¹

¹ Московский политехнический университет, 107023, г. Москва, ул. Большая Семёновская, д. 38.

Аннотация. Рассмотрена смена типов рациональности в науке, предложенная академиком В. С. Степиным: классика -> неклассика -> постнеклассика. Показано, что в переходе классика -> неклассика происходит переосмысление научных оснований, а в переходе неклассика -> постнеклассика — нет. С позиции синергетики смены типов рациональности есть точки бифуркации, в которых обязательно должен быть выбор между несколькими альтернативами. Однако в описании данных переходов историками науки упоминание альтернатив, как правило, игнорируется. Предложено рассматривать учения В. И. Вернадского о биологическом пространстве-времени и живом веществе альтернативной отношению пространству-времени А. Эйнштейна в переходе классика -> неклассика. Показано что оба перехода не соответствуют теории научных революций Т. Куна, в которой важным признаком революции является сопротивление ей со стороны нормального большинства научного сообщества. Данные переходы практически не сопровождались указанным сопротивлением, в то время как новизна многих идей Вернадского настолько сильна, что они до сих пор не принимаются научным сообществом.

Сделан акцент на некоторые аспекты этой новизны и, в частности, на неприменимость современной аналитической математики к описанию поведения живой материи и на необходимость построения научного мировоззрения на основании, состоящем из двух полюсов: первый — материя-энергия; второй — жизнь. Наука на таком основании является сообразной жизни или живой наукой.

Смены типов рациональности рассмотрены в линейной схематизации элементов познания (субъект, метод, объект). Показано отсутствие в данной схеме прогностического потенциала. Предложен другой тип схематизации — треугольного баланса, в котором удастся выразить прогностический потенциал. Предложены четыре (3+1) типа синтетического мировоззрения, которые в целом названы сферным подходом. Приведены примеры каждого типа синтеза, взятые за пределами современной науки. Для процесса познания введены модусы «больше себя самоё» и «меньше себя самоё». Живая наука сферного подхода характеризуется симметрией этих принципов, тогда как вся предыдущая научная рациональность запрещает модус «больше себя самоё». Показано, что сферный подход, приходит на смену системному подходу, при этом не продолжая старую логику развития, но предлагая новую.

Ключевые слова: сферный подход, искусственный интеллект, пространство, время, В. И. Вернадский, живая наука, синтез, классика, неклассика, постнеклассика

Для цитирования: Вольнов, И. Н. (2025) Живая наука. Сферный подход В. И. Вернадского. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 23–32.

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-23-32> EDN QGKLEY

Получена 12 января 2025; прошла рецензирование 30 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © И. Н. Вольнов (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВU-NC 4.0.

Living science. V. I. Vernadsky's sphere approach

I. N. Volnov ¹

¹ Moscow Polytech, 38 Bolshaya Semyonovskaya Str., Moscow 107023, Russia

Abstract. This article elaborates on the change of rationality types in science as proposed by the academician V. S. Stepin: classics → non-classics → post-non-classics. It shows that the classical → non-classical transition involves a rethinking of scientific foundations, which is absent from the non-classical → post-non-classical transition. From the point of view of the synergetics of the changing types of rationality, there are bifurcation points in which there must be a choice between several alternatives. However, when describing these transitions, historians of science tend to neglect the mention of alternatives. We propose considering the teachings of V. I. Vernadsky on biological space-time and living matter as an alternative to the relative space-time of A. Einstein in the classical → non-classical transition. We show that neither of the two transitions corresponds to T. Kuhn's theory of scientific revolutions, in which an important sign of a revolution is the resistance it meets from the normal majority of the scientific community. These transitions have virtually lacked such resistance, while the novelty of many of Vernadsky's ideas is so strong that they are still rebutted by the scientific community.

We place an emphasis on some aspects of this novelty, in particular on the inapplicability of modern analytical mathematics to a description of the behavior of living matter and on the need to build a scientific worldview based on two poles: matter-energy and life. Science rooted in this basis is consistent with life or living science.

This paper takes a look at the changes of the rationality types from the point of view of a linear schematization of cognition elements (subject, method and object), also showing that this scheme lacks a predictive potential. It proposes another type of schematization — a triangular balance, in which the predictive potential can be expressed. We present four (3+1) types of synthetic worldview under the common name of the sphere approach, providing examples for each type of synthesis, taken beyond the boundaries of modern science. The modes 'more than oneself' and 'less than oneself' are introduced for the process of cognition. The living science of the sphere approach is characterized by a symmetry of these principles, whereas the entire previous scientific rationality forbids the mode of 'more than oneself'. We show that the sphere approach, which replaces the systems one, does not continue the old logic of development, offering a new one instead.

Keywords: sphere approach, artificial intelligence, space, time, V. I. Vernadsky, living science, synthesis, classics, non-classics, post-non-classics

For citation: Volnov, I. N. (2025) Living science. V. I. Vernadsky's sphere approach. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 23–32. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-23-32> EDN QGKLEY

Received 12 января 2025; прошла рецензирование 30 января 2025; принята 30 января 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © I. N. Volnov (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Каким будет основание науки будущего?

Согласно академику В. С. Стёпину, с появлением в начале XX века специальной теории относительности и позже — квантовой механики наука перешла из классического этапа своего развития в неклассический (Стёпин 2009). Некоторым обобщением данного перехода можно считать следующее рассуждение. В связи с изменением статуса законов классической физики и, в частности, законов механики Нью-

тона, от их абсолютного значения к относительному, потребовалось пересмотреть сами научные основания: в качестве таковых следовало выбрать то, что сохраняло свою независимость от принципов относительности. Законы классической физики уже не отвечали этому принципу, но ему отвечали начала термодинамики. Таким образом был осуществлен переход от законообразной классической рациональности к началообразной неклассической.

С появлением во второй половине XX века общей теории систем и синергетики и понимания

Познать научную истину нельзя логикой,
можно лишь жизнью.

В. И. Вернадский

невозможности полностью исключить влияние на научные результаты сознания человека, в науке начался еще один переход к новому типу рациональности, который академик Стёпин назвал постнеклассическим. Этот переход продолжается до сих пор, а события, его сопровождающие, весьма драматичны. Дальнейшее развитие науки сегодня видится в двух противоположных тенденциях. С одной стороны, идет поиск новой научной картины мира (парадигмы), на которую, по академику Стёпину, претендует глобальный (универсальный) эволюционизм, составленный из трех частей: космологии, эволюционизма и синергетики (общей теории систем). Человек, жизнь и разум включены здесь в научную картину мира как неотъемлемые части. С другой стороны, набирает все большую силу трансгуманистический или постнаучный сценарий развития, где человек полностью отстраняется от процесса познания, а его место занимает искусственный интеллект (ИИ). Последний сценарий можно интерпретировать как реванш на новой технологической основе классической рациональности с ее идеалом объективного знания, т. е. такого знания, в котором человек полностью отсутствует. Отметим здесь, что оба сценария, имея общий «корень», развиваются в прямо противоположных направлениях. Первый направлен в будущее, второй — в прошлое. Действительно, если познавательная функция передается от человека к ИИ, работающему на больших данных, а последние, в свою очередь, полностью замкнуты в прошлом, то происходит редукция времени как такового к одному из его модусов — к прошлому (Вольнов 2024а). Настоящее и будущее здесь могут пониматься только как продолженное прошлое.

Окончательный выбор между этими сценариями пока не сделан, оба они развиваются параллельно, при этом сценарий постнауки, в связи с растущей популярностью и широким применением ИИ во многих областях жизнедеятельности человека и без принципиальных ограничений на его распространение (Вольнов 2024а), явно начинает доминировать над первым.

Вернемся к постнеклассике, при переходе к которой в приведенной логике также должно произойти изменение в основании научного знания аналогичное тому, которое имело место при переходе от классики к неклассике. При этом на вопрос, чему будет сообразна постнеклассическая рациональность сегодня, ответа нет. Точнее, ответ остается тем же, что и в неклассике. Сообразность началам термодинамики в неклассической рациональности переносится

на постнеклассику, что очевидно не соответствует глубине происходящих изменений. В настоящей статье предложен другой ответ на данный вопрос, который выведен из работ выдающегося российского и советского ученого-натуралиста, академика В. И. Вернадского.

Биологическое пространство-время В. И. Вернадского и относительное пространство-время А. Эйнштейна

Проблема времени и пространства является камнем преткновения для классической науки. На языке синергетики это можно назвать точкой бифуркации, на которой происходит изменение хода дальнейшего ее развития. Вместе с этим в точке бифуркации всегда имеет место выбор из нескольких сценариев развития. Однако, в переходе к неклассике альтернатива специальной теории относительности Эйнштейна практически не упоминается, так что возникает ложное убеждение в том, что данный переход был безальтернативным. Если все же придерживаться представлений о вариативности изменений в точке бифуркации, то следует обозначить эту альтернативу. Как отмечает биограф В. И. Вернадского Г. И. Аксенов (Аксенов 2022), учение о биологическом пространстве-времени В. И. Вернадский создает как альтернативу и в противовес представлениям об относительном пространстве-времени А. Эйнштейна. Сложно объяснить, почему начало XX века для многих историков науки отмечено кардинальными изменениями, связанными со всем известными именами отцов-основателей теории относительности и квантовой механики, при этом не менее (и как будет показано ниже — более) революционные изменения в учениях В. И. Вернадского остаются или практически незамеченными, или «в тени» упомянутых теорий. Некоторые аспекты принципиально другого понимания времени и пространства описаны в (Вольнов 2024б), здесь отметим некоторые дополнительные аспекты тех радикальных изменений, которые были предложены в учениях Вернадского.

Неприменимость языка аналитической математики к описанию живого вещества

Математика со времен Декарта, Ньютона и Лейбница становится языком науки, а все ее последующее развитие фиксируется в этом языке, включая специальную теорию относительности и ее математическую основу — преобразования Лоренца. Вместе с наукой развивается

и язык математики, иногда опережая ее саму, так что к моменту некоторых ключевых изменений в физике математика уже имеет аппарат для фиксации в нем этих изменений. При этом структура математического аппарата часто предопределяет путь дальнейшего развития физической теории. Может даже возникнуть мысль о «непостижимой эффективности математики в естественных науках»*.

Однако лишь Вернадский, будучи не только блестящим натуралистом, но и глубоким историком науки, в своем осознании путей ее развития от прошлого к будущему обратил внимание на принципиальную ограниченность современного аппарата аналитической математики и, в частности, на неприменимость интегрально-дифференциального исчисления к описанию живого вещества. Это удивительное по глубине и смелости заявление сделано Вернадским, когда фокус внимания большинства его коллег, обеспечивавших переход от классики к неклассике, был полностью сосредоточен на поиске таких формулировок изменений физических теорий, которые можно было выразить в старом языке аналитической математики без его кардинальных изменений. В качестве примера приведем хорошо известный спор А. Эйнштейна и Н. Бора по поводу квантовой механики: о том, есть ли в мире место случайности, «играет ли Бог в кости» и «наше ли дело предписывать Богу, как ему следует управлять миром?». В разное время и в разных стратах физиков дается разный ответ на вопрос, кто оказался прав в данном споре. Однако с точки зрения Вернадского, языком данного спора является аналитическая математика, а она, как уже было сказано, неприменима не только к рассуждениям о Боге, но даже о живом веществе. Вернадский предсказывает создание в будущем новой математики, способной адекватно описывать живое вещество и источником создания которой будет не косное, «мертвое», а живое вещество (Аксенов 2022).

Жизнь как общий случай движения материи

Наука развивается путем от простого к сложному. Например, в термодинамике это выражено переходом от равновесной к неравновесной термодинамике и определением последней частным случаем первой. То есть наука стремится вывести сложное из простого, сконструировать его, а там, где это не получается, она

допускает определенное упрощение сложного ровно до тех пор, чтобы можно было это сделать. Постнеклассическая рациональность включает в свою структуру жизнь и разум. Жизнь — это свойство материи и ее движения. Возникает она, с точки зрения современной науки, путем самозарождения из косной, мертвой материи, и в этом смысле является частным случаем этого движения. То же самое говорится о разуме в отношении жизни.

Подход Вернадского прямо противоположный. Как историк науки, он понимает, что проблема жизни сопровождала науку на всем пути ее развития, оставаясь при этом неразрешимой средствами этой науки. В истории мы имеем большое число попыток создания искусственной жизни, которые в большинстве случаев оказывались неудачными. В тех редких случаях, где все же это происходило, имеет место явный выход за границы научных представлений. Примерами здесь могут выступать: в древнегреческой мифологии — бронзовый автоматон Талос**; в еврейской мифологии — мифическое существо Гóлем***; в Средневековье и Новом времени — искусственный человек Гомункул, которого алхимики создавали лабораторным способом.

Вернадский делает решительный шаг: он объявляет феномен жизни фундаментальным и предлагает уравнивать его с другими фундаментальными понятиями в основании науки, такими как материя и энергия. Он объявляет живое вещество общим случаем организации вещества, а косное его состояние — частным случаем живого. Вернадский здесь опирается на принцип Реди — эмпирическое обобщение, утверждающее, что переход от живого к косному возможен и наблюдается, а обратный переход от косного к живому не наблюдается и, следовательно, невозможен. Из принципа Реди следует вывод: жизнь безначальная и вечна и по этим признакам она совпадает с материей и энергией. Таким образом, Вернадский не идет путем конструктивизма науки, создавая сложное из простого. Он саму жизнь принимает как целое, кладет его основанием всех научных представлений и предлагает именно на этом основании создавать новое естествознание (Аксенов 2022).

** Талос — создан Гефестом по просьбе Зевса, чтобы защитить супругу Зевса — Европу от людей, которые хотели ее похитить. Аргонавты победили Талоса, вытащив пробку из его ноги, из отверстия вытекала эфироподобная жидкость — жизненно важный ИХОР, — что оставило Талоса неодошевленным.

*** Гóлем — мифическое существо в еврейской мифологии, созданное праведным раввином Лёвом из глины или грязи для защиты еврейского народа. Исполнив свое задание, голем превращается в прах.

* Статья 1960 года физика Юджина Вигнера.

Подчеркнем, что вслед за Вернадским подобное действие совершает о. П. Флоренский в своей работе «Мнимости в геометрии» (Флоренский 1991). Он предлагает в качестве меры пространства или единицы объема принимать не единицу длины, возведением которой в третью степень получается объем, а сразу в качестве меры объема принимать куб и из него уже выводить единицу длины извлечением из объема кубического корня. По Флоренскому, это позволит взять трехмерное пространство как оно есть, в целом, не потеряв при этом ничего в нем самом, в том числе того, что сегодня еще нам неизвестно и что неизбежно теряется, если это пространство конструируется третьей степенью единицы длины.

Новое естествознание, предсказанное Вернадским, до сих пор не создано. Наука по-прежнему идет путем конструктивизма, который, как мы понимаем, для нее является путем более простым, понятным и привычным. Однако по прошествии более 100 лет последовательного развития мы получаем в качестве естественного результата этого процесса целый комплекс противоречий и конфликтов: отдельного человека и человечества в целом с ИИ; человека с окружающей средой, человека с себе подобными; человека с самим собой; человека с культурой и ее извечными устоями жизни. При этом ни один из упомянутых сценариев развития постнеклассики не дает оснований думать, что комплекс данных противоречий может быть разрешен.

Итогом этих рассуждений является ответ на поставленный выше вопрос: сообразно чему должна стать новая наука, новое естествознание, так чтобы отразить всю полноту и глубину происходящих изменений и дать шанс на разрешение упомянутого комплекса противоречий? Она должна стать сообразной жизни как таковой, или жизнеобразной. Ряд изменений научной рациональности теперь мог бы выглядеть следующим образом: классика — законообразность, неклассика — началообразность, постнеклассика — жизнеобразность. Однако сделаем здесь несколько дополнительных замечаний с точки зрения теории научных революций Т. Куна (Кун 2009).

Развитие научного знания, по Куну, происходит через ряд революционных сдвигов с радикальным переосмыслением предыдущих фундаментальных предположений, которые сопровождаются обязательным сопротивлением этим изменениям со стороны научного сообщества. Отметим, что специальная теория относительности Эйнштейна является исключением

из этого правила. Она была принята научным сообществом практически без сопротивления, а народная популярность ее автора сравнялась с популярностью Чарли Чаплина. То же самое можно сказать про переход от неклассической к постнеклассической рациональности, если под последней подразумевать глобальный эволюционизм. Он также не вызывает в научном сообществе сильного сопротивления. Следовательно, оба этих перехода не в полной мере соответствуют признакам научной революции, скорее они соответствуют кумулятивному процессу накопления знания так называемой нормальной науки. При этом прямое и косвенное сопротивление многим радикально новым представлениям В. И. Вернадского со стороны научного сообщества продолжается до сих пор. Так, его учение о биологическом пространстве времени было запрещено к публикации в СССР вплоть до 1975 года (Аксенов, 2022). Ненаблюдаемость самозарождения жизни по-прежнему игнорируется, а безуспешные попытки создания математической биологии на основе интегрально-дифференциального исчисления продолжают. Данный список может быть продолжен.

Сделаем предположение, что наука свою точку бифуркации в начале XX века могла пройти по-другому, через принятие учений В. И. Вернадского, а переход от законообразности мог быть совершен сразу к жизнеобразности новой науки. Переходы к началообразной неклассике и постнеклассике в данном контексте понимаются как промежуточные переходы, в которых появляются лишь некоторые признаки жизнеобразия. В качестве примера можно привести признак необратимости времени, который одинаково справедлив для термодинамического и биологического времени.

Введем в данном контексте определение новой жизнеобразной науки как *живой науки*.

Нарушение симметрии как принцип объединения пространства и времени

Подчеркнем еще один аспект преткновения классической науки о проблеме времени и пространства. При переходе к неклассической рациональности была создана модель единого четырехмерного пространственно-временного континуума Г. Минковского, в которой время было редуцировано к пространству. Оно стало пониматься в той же логике, что и пространство: два предмета не могут занимать одного места пространства и два момента времени не могут быть наложены друг на друга во времени. Время как таковое перестает существовать, остается

только пространство. Время становится четвертой пространственной координатой.

Вернадский настаивает на принципиальном отличии времени и пространства, сохранении уникальности каждого и ином способе их объединения в единое биологическое пространство-время. Объединяются они на принципе нарушения живым веществом симметрии. В пространстве этот феномен известен как дисимметрия Л. Пастера, а во времени он определяется необратимостью, нарушающей симметрию прошлого и будущего. Отметим, что модель Минковского редуцирует несимметричное время к симметричному пространству, что является логической ошибкой. Снять эту ошибку можно, отказавшись от необратимости времени, т. е. модель Минковского логически не противоречива только для обратимого времени классической механики.

Двойственное основание реальности

Тенденция редукции многих представлений к одному-единственному основанию (времени к пространству, живого к косному, будущего и настоящего к прошлому и т. д.) начинает широкое распространение в науке начиная с конца XIX века, после известного эксперимента Майкельсона—Морли в 1887 году, результаты которого были интерпретированы как независимость скорости света от направления и среды своего распространения. Этот эксперимент стал обоснованием отказа от эфира, представления о котором удерживались всю историю существования и развития науки. Согласно древнегреческому философу Демокриту, все состоит из Атомов и Пустоты, а Вселенная в своем основании имеет два начала, которые одинаково выражены во всех построениях религии, философии, искусства, науки. В культуре вообще и в науке в частности, выразителем Пустоты являлся эфир. С отказом от последнего наука вступила в беспрецедентный как для самой себя, так и для культуры в целом этап своего существования. Она попыталась перестроить весь корпус своего знания исходя только из одного начала — Атомов.

Это событие действительно обозначает окончание классического этапа развития науки, который восходит к Ф. Бекону и его программе познания Творца через Творение. Теперь в Творении больше нет не только самого Творца, но даже следов его пребывания, а это значит, что его познание больше не осуществляется. Здесь не может не возникнуть естественный вопрос: а возможно ли само познание Творения,

если в нем отсутствует Творец? Оценивая с позиции сегодняшнего дня происходящий системный кризис науки, а также усиление тренда постнауки, сложно не склониться к отрицательному ответу.

Отказ от двойственного начала можно считать разрушением связи между Демокритовыми Атомами и Пустотой. Согласно естественнонаучной аналогии следствием этого разрушения должно стать высвобождение энергии данной связи. Именно так можно объяснить сильный всплеск социальной активности в конце XIX и начале XX века во всех ее формах в науке, технике, философии, религии, искусстве. Сегодня общий системный кризис цивилизации подтверждает ту точку зрения, что данный энергетический всплеск был именно энергией распада связи фундаментальных начал. Эта энергия сегодня продолжает затухать практически по всем направлениям своего распространения. Историки науки сходятся во мнении, что со времени создания теории относительности и квантовой механики в науке не создано ничего, сопоставимого по значимости с этими теориями. А самым сильным аргументом здесь будет фиксация большинством футурологов ситуации потери цивилизацией определенности и предсказуемости будущего.

Отметим, что в других формах творчества: в искусстве, религии и философии — отказа от начала Пустоты не происходило. Напротив, была сделана попытка компенсировать утрачиваемую в науке связь этих начал. В искусстве, например, возникает импрессионизм, который вывел художников из своих мастерских на воздух, на пленэр, предложил выразительные средства для изображения пустоты пространства, а в рамках пуантилизма и вовсе актуализировал пустоту между разведенными в пространстве холста цветными точками или мазками. Так как в искусстве, религии и философии не было разрыва связи между Атомами и Пустотой, в них также не было и выделения энергии этой связи. В результате значимость этих форм творчества на фоне подъема науки ослабла, они были поставлены в подчиненное науке положение. Со стороны науки были предприняты неоднократные попытки построения научных теорий искусства, религии и философии, создание которых привело бы к смерти последних. До сих пор этого сделать не удалось, но эти попытки не остановлены. Сегодня они связываются с ИИ и симуляцией с его помощью художественного, религиозного и философского процессов.

Учения Вернадского можно рассматривать как попытку восстановления в научном

мировоззрения утраченного двойственного основания. Это прямо следует из уже приводимого тезиса Вернадского о необходимости дополнить существующее основание науки, в качестве которого принимается материя-энергия, еще одним основанием — жизни. Повторим, что жизнь, по Вернадскому, не имеет начала и не возникает путем самозарождения из косной, мертвой материи, она вечна и неуничтожима, также как материя-энергия, а ее тайна, так же, как и тайна материи-энергии, лежит вне познавательных возможностей научного метода. Новая наука и новое естествознание будут опираться на оба основания: материи-энергии и жизни. Эта живая наука сможет полностью пересмотреть весь корпус научного знания и способов отношения с реальностью и вывести человечество из тех тупиков, в которых оно оказалось.

Сферный подход

Покажем двойственность основания живой науки через схематизацию процесса познания в элементах: субъект, метод, объект. Академик Степин использует линейную схематизацию этих элементов, на которой он определяет типы научной рациональности (Степин 2009). Классическая рациональность полностью реализуется в схеме «субъект->объект». Неклассическая рациональность имеет схему «субъект->(метод->объект)», с зависимостью объекта от метода его изучения, наконец, постнеклассическая рациональность определяется схемой «(субъект->метод->объект)», с зависимостью объекта как от метода, так и от самого субъекта. Подчеркнем, что линейную схематизацию нельзя считать удачной, так как ее прогностический потенциал полностью исчерпывается тремя типами рациональности и новых смыслов из нее получить не удастся. Но если использовать схематизацию треугольного баланса, то ситуация меняется. Покажем появление новых предсказательных возможностей такой схемы, которые возникают не из анализа отношений элементов познания, а из их синтеза.

Приведем примеры трех вариантов синтеза элементов, но перед этим сделаем замечание о том, что два из них будут взяты вне современного научного контекста. И взяты они так лишь потому, что примеры синтеза в научном контексте практически отсутствуют. Причина этого будет объяснена ниже.

На рис. 1 показан треугольный баланс элементов познания. По каждой грани треугольника будем попарно объединять элементы познания

так, что между этой гранью и противоположащей ей вершиной возникнет новое отношение, открывающее новые познавательные возможности. На рис. 1 показан первый вариант такого синтеза по грани метод-объект, приводящий к «преображению» субъекта. Пример такого синтеза возьмем из работ о. П. Флоренского по метафизике иконы, подразумевая при этом под субъектом — молитвенника перед иконой, под методом — саму икону, а под объектом — Первообраз иконы, образом которого она является. Итак: «...икона всегда или больше себя самоё, когда она — небесное видение, или меньше, если она некоторому сознанию не открывает мира сверхчувственного и не может быть называема иначе как расписанной доской» (Флоренский 2010). В ипостаси иконы «больше себя самоё» икона отождествляется с тем, что она изображает, со своим Первообразом. Возникает синтез метода и объекта, а он, в свою очередь, инициирует в субъекте особое состояние восприятия. Во второй ипостаси иконы «меньше себя самоё» икона просто расписанная доска, и никакого синтеза не происходит. Та или иная ипостась проявится в иконе в зависимости от того настроения, в котором молитвенник к ней обращается. Если он имеет высокий настрой, икона открывается ему «больше себя самоё» и наоборот. Переносим эту ситуацию на современное научное мировоззрение, не сложно видеть, что последнее построено таким образом, чтобы метод познания всегда был в ипостаси «меньше себя самоё», а ипостась «больше себя самоё» запрещена к использованию. Иначе эту ситуацию можно назвать нарушением симметрии ипостасей путем запрета одной из них.

Сделаем следующий логический ход, распространим возможность двух ипостасей на все вершины треугольника. Теперь и субъект, и объект могут быть не только в ипостаси «меньше себя самоё», но и «больше себя самоё».

Выполним аналогичный синтез по другим граням треугольника. Пример синтеза субъект-метод приведем из научного контекста, но относимого к будущему науки. Речь идет о теореме о невозможности сильного ИИ нобелевского лауреата Р. Пенроуза, в доказательстве которой он делает следующие утверждения (Панов 2013):

а) мозг человека обладает невычислимым компонентом или активностью;

б) современная физика, как классическая, так и квантовая, будучи вычислимой по построению, не может описывать невычислимость мозга и, следовательно, не является достаточным средством для его изучения;

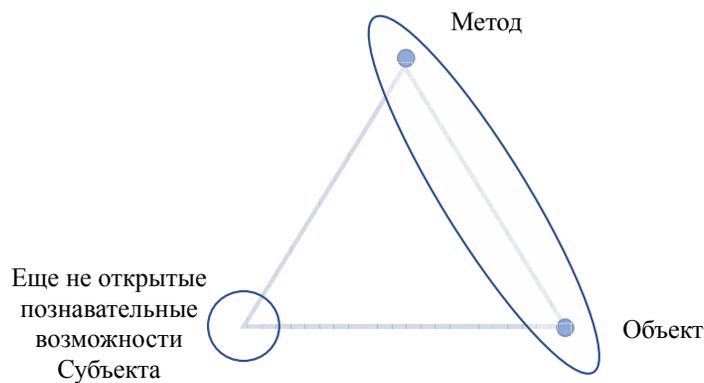

Рис. 1. Предсказание новых познавательных возможностей субъекта при синтезе метода и объекта

Fig. 1. Prediction of new cognitive capabilities of a subject in the synthesis of a method and an object

в) в будущем должна возникнуть новая невычислимая физика, которая сможет изучать невычислимость мозга;

г) главным инструментом для создания будущей невычислимой физики является мозг человека.

Таким образом через невычислимость мозга человека, которая в нашем контексте есть ипостась «больше себя самоё», происходит синтез субъекта и метода в единое целое, и их синтез открывает возможность для обнаружения и построения новой, невычислимой физики будущего и других новых объектов познания, сегодня недоступных и скрытых для нас самим разделением элементов познания.

Пример третьего варианта синтеза по грани треугольника субъект-объект приведем в продолжении примера из метафизики иконы о. П. Флоренского, рассмотренного теперь не со стороны молитвенника, а со стороны иконописца. К последнему в процессе написания иконы предъявляется требование «...быть смиренны и кротки, соблюдать чистоту, как душевную, так и телесную, пребывать в посте и молитве» (Флоренский 2010). Этим своим высоким состоянием он создает условия для настоящих создателей икон — святых отцов: «Это Они творят искусство, ибо они созерцают то, что надлежит изобразить на иконе». Иконописец — субъект в ипостаси «больше себя самоё» объединяется со святыми отцами — объектом, в результате чего порождается новая икона-метод.

Если теперь выделить полученный синтез по граням исходного баланса в новые вершины и соединить их ребрами так, как показано на рис. 2, то получим второй треугольник, направленный вершиной вниз. Это есть объединенная схема аналитического и будущего син-

тетического познания, в которой имеют место обе ипостаси: «меньше себя самоё» и «больше себя самоё». Это и есть два основания живой науки: нижний треугольник — метод анализа современной экспериментальной науки, в основании которого материя-энергия, косное вещество и Демокритовы Атомы; верхний треугольник — метод синтеза новой науки, в основании которого жизнь, живое вещество и Демокритова Пустота.

Следующий ход — это полный синтез субъекта, метода и объекта, который одновременно указывает на новые, еще не открытые объекты познания, его методы и познавательные возможности субъекта (см. рис. 2). Эта последняя схема получила название сферного подхода живой науки (Вольнов 2024b). Добавим, что примером такого полного синтеза является культура. Можно сказать, что в сферном подходе культура получает еще одно свое определение, такое которое сопровождается геометрической интерпретацией.

Сферный подход является следующим шагом развития науки после системного подхода, оформившегося в 40-е годы прошлого века в трудах Бераланфи. Как уже ясно, он не продолжает предыдущую логику развития в виде дальнейшего совершенствования механицизма, а, наоборот, пресекает ее. Вместо механицизма с его принципами «понять значит упростить» или «понять значит найти механический аналог», сферный подход утверждает другую логику развития, где понимание возможно без упрощения, как принятие понимаемого в его целостности и полноте с нахождением не механического (мертвого), а организмического (живого) аналога.

Вводится новый тип идеализации представлений о действительности в ряду объект, среда,

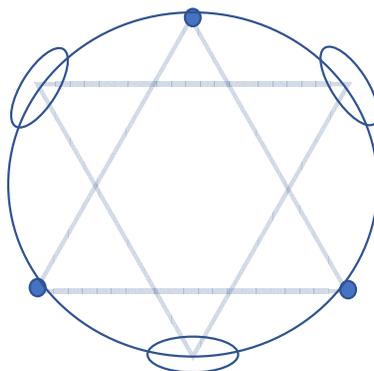

Рис. 2. Полная схема сферного подхода

Fig. 2. Overall diagram of the sphere approach

система — сфера. Сферный подход неявно был сформулирован В. И. Вернадским в его учениях о Биосфере и Ноосфере. Сегодня сферный подход формулируется в явном виде, в его сопоставлении с объектным, системным и средовым подходами. Эта работа могла быть выполнена много раньше, но, как уже было сказано, цивилизация уклонилась от ноосферного будущего. Повторим, что историческое развитие научной рациональности могло быть другим. Из классического этапа наука могла перейти не в неклассический и постнеклассический, которые сегодня привели цивилизацию к кризису и постнауке, а в сферную рациональность, в которой такого рода кризис не возникает, а технология ИИ не приводит к постнауке и трансгуманизму.

Не упоминаемое до сих пор учение Вернадского о Ноосфере еще сильнее подчеркивает важность представлений о жизни утверждением того, что живое вещество — Биосфера, всегда имеет разумность, которая, развиваясь в процессе эволюции, достигает планетарного масштаба, по мощности сопоставимого с геологическими процессами нашей планеты, и далее становится феноменом космического

масштаба — Ноосферой (Вернадский 1988). Концепция ноосферного будущего сегодня представлена в спектре современных образов будущего, но сильно уступает мейнстриму ускоренного технологического развития и конструированию на этой основе образа желаемого будущего.

Человек в своей природе удерживает два начала: Землю и Небо. Он ногами стоит на Земле, а голова его в Небе. Человек собою соединяет Землю и Небо. И до тех пор, пока он не откажется от этой своей конституции, он будет оставаться человеком, способным работать с Демокритовой Пустотой: ходить туда, не зная куда и приносить то, не зная что.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Аксенов, Г. П. (2022) *В. И. Вернадский о природе времени и пространства*. М.: Ленанд, 368 с.
- Вернадский, В. И. (1988) *Философские мысли натуралиста*. М.: Наука, 520 с.
- Вольнов, И. Н. (2024а) Атомы, пустота, воображение и искусственный интеллект. *Наука и инновации*, № 9 (259), с. 31–35.
- Вольнов, И. Н. (2024б) Синтез сферного подхода В. И. Вернадского. В кн.: И. А. Герасимова (ред.). *С заботой о планете. К 160-летию со дня рождения В. И. Вернадского*. Курск: Университетская книга, с. 206–225.
- Кун, Т. (2009) *Структура научных революций*. М.: АСТ, 317 с.
- Панов, А. Д. (2013) Технологическая сингулярность, теорема Пенроуза об искусственном интеллекте и квантовая природа сознания. *Метафизика*, № 3 (9), с. 141–187.
- Степин, В. С. (2009) Классика, неклассика, постнеклассика: критерии различия. В кн.: *Постнеклассика: философия, наука, культура*. СПб.: Мирь. с. 249–295.

Флоренский, П. А. (1991) *Мнимости в геометрии*. М.: Лазурь, 96 с.
Флоренский, П. А. (2010) *Иконостас*. СПб.: Азбука-классика, 224 с.

References

- Aksenov, G. P. (2022) *V. I. Vernadskij o prirode vremeni i prostranstva [V. I. Vernadsky on the nature of time and space]*. Moscow: Lenand Publ., 368 p. (In Russian)
- Florensky, P. A. (1991) *Mnimosti v geometrii [Imaginarities in geometry]*. Moscow: Lazur' Publ., 96 p. (In Russian)
- Florensky, P. A. (2010) *Iconostas [Iconostasis]*. Saint Petersburg: Azbuka- Klassika Publ., 224 p. (In Russian)
- Kuhn, T. (2009) *Struktura nauchnykh revolyutsij. [The structure of scientific revolutions]*. Moscow: AST Publ., 317 p. (In Russian)
- Panov, A. D. (2013) Tekhnologicheskaya singulyarnost', teorema Penrouza ob iskusstvennom intellekte i kvantovaya priroda soznaniya [The technological singularity, Penrose theorem about artificial intelligence and quantum nature of consciousness]. *Metafizika*, no. 3 (9), pp. 141–187. (In Russian)
- Stepin, V. S. (2009) Klassika, neklassika, postneklassika: kriterii razlicheniya [Classics, non-classics, post-non-classics: Distinction criteria]. In: *Postneklassika: filosofiya, nauka, kul'tura [Post-non-classics: Philosophy, science, culture]*. Saint Petersburg: Mir Publ., pp. 249–295. (In Russian)
- Vernadskij, V. I. (1988) *Filosofskiye mysli naturalista [Philosophical thoughts of a naturalist]*. Moscow: Nauka Publ., 520 p. (In Russian)
- Vol'nov, I. N. (2024a) Atomy, pustota, vobrazheniye i iskusstvennyj intellekt [Atoms, emptiness, imagination, and artificial intelligence]. *Nauka i innovatsii — The Science and Innovation*, no. 9 (259), pp. 31–35. (In Russian)
- Vol'nov, I. N. (2024b) Sintez sfernogo podkhoda V. I. Vernadskogo [Synthesis of V. I. Vernadsky's spherical approach]. In: I. A. Gerasimova (ed.). *S zabotoj o planete. K 160-letiyu so dnya rozhdeniya V. I. Vernadskogo [Taking care of the Planet. On the 160th Anniversary of the Birth of V. I. Vernadsky's]*. Kursk: Universitetskaya kniga Publ., pp. 206–225. (In Russian)

Сведения об авторе

Илья Николаевич Вольнов, SPIN-код: 2491-7142, ORCID: 0000-0002-3968-5436, e-mail: ilja-volnov@yandex.ru
Кандидат технических наук, доцент кафедры «Машины и технология литейного производства».

Author

Ilya N. Volnov, SPIN: 2491-7142, ORCID: 0000-0002-3968-5436, e-mail: ilja-volnov@yandex.ru
Candidate of Sciences (Engineering), Associate Professor, Moscow Polytech

Теория и история культуры, искусства.
Раздел «Междисциплинарные связи
и интегративные тенденции
в исследованиях природных
и социокультурных систем»

УДК 39

EDN VZBREF

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45>

Между естествознанием и этнографией: к вопросу о соотношении биологического, этнического и социального

В. Ю. Ермолаев ¹

¹ Независимый исследователь, 190000 г. Санкт-Петербург, ул. Почтамтская, 1, а/я 12

Для цитирования:

Ермолаев, В. Ю. (2025) Между естествознанием и этнографией: к вопросу о соотношении биологического, этнического и социального. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 33–45.
<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45> EDN VZBREF

Получена 10 декабря 2024; прошла рецензирование 20 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © В. Ю. Ермолаев (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Проблема соотношения биологического, этнического и социального исторически актуальна для пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилева. Она продолжает оставаться таковой и сегодня. Современная этнография, в том числе в Санкт-Петербургском государственном университете, сохраняет прежнее непонимание сути гумилевской парадигмы в этой части; вместе с тем она пытается сформулировать псевдолояльное отношение к гумилевскому наследию. Эту псевдолояльность вполне доказывает тезис этнографов о тождестве цивилизации и суперэтнуса по Гумилеву, тогда как цивилизация представляет собой лишь временную социальную оболочку суперэтнуса. Автор показывает таким образом, что современные этнографы и культурологи по существу находятся за пределами того естественнонаучного (натуралистического) взгляда на этногенез, который внес и отстаивал Гумилев. Исходя из этого, в статье обсуждается возможность выработки непротиворечивого взгляда на соотношение биологического, этнического и социального на основе представлений о кооперативном поведении людей, внесенных синергетикой. Основой для такого взгляда является понимание природы этнической системы по Гумилеву как локального случая синергетической адаптации к среде при помощи кооперативного поведения. При этом автор отстаивает представление о кооперативном поведении людей как странном аттракторе, отвечающем за перенос вещества, энергии и информации между тремя несовпадающими уровнями структурной организации. Подобное представление позволяет объяснить, в частности, периодически наблюдаемые несоответствия между тяжелыми социальными условиями жизни цивилизации и тем высоким уровнем культуры, который она способна поддерживать. Исходя из этого, теория этногенеза Гумилева должна рассматриваться и использоваться прежде всего как внешний инструмент культурологических исследований. Как представляется, в этом качестве она может способствовать выработке современной синергетической парадигмы для культурологии.

Ключевые слова: социальное и этническое, теория этногенеза Гумилева, культурология, этнография, Санкт-Петербургский государственный университет

Between natural science and ethnography: On the relationship between the biological, ethnic and social

V. Yu. Ermolaev ¹

¹ Independent researcher, Post office box 12, 1 Pochtamtskaja Str., Saint Petersburg 190000, Russia

For citation: Ermolaev, V. Yu. (2025) Between natural science and ethnography: On the relationship between the biological, ethnic and social. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 33–45. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-33-45> EDN VZBREF

Received 10 December 2024;
reviewed 20 January 2025;
accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © V. Yu. Ermolaev (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. Correlation between the biological, ethnic and social has been of historical importance to L. N. Gumilev's passionarity theory of ethnogenesis and remains so today. Modern ethnography, including at Saint Petersburg State University, continues to misunderstand the essence of this part of the Gumilev paradigm while attempting to form a pseudo-loyal attitude to Gumilev's legacy. This pseudo-loyalty is well demonstrated by ethnographers' thesis about the equivalence of civilisation and super-ethnos according to Gumilev, whereas civilisation is actually only a temporary social shell of super-ethnos. This paper shows that modern ethnographers and culturologists essentially stay beyond the scientific (naturalistic) approach to ethnogenesis introduced and defended by Gumilev. It therefore discusses the possibility of developing a consistent view of the relationship between the biological, ethnic and social based on the concepts of cooperative human behaviour put forward by synergetics. This perspective taps into Gumilev's understanding of the nature of the ethnic system as a local case of synergetic adaptation to the environment through cooperative behaviour. We argue for viewing cooperative human behaviour as a strange attractor responsible for the transfer of matter, energy and information between three divergent levels of structural organisation. This view specifically explains the periodic discrepancies between the harsh social conditions of civilisation and the high level of culture it is able to maintain. Given this as a basis, Gumilev's theory of ethnogenesis should be primarily seen and used as an external tool applied in culturology. As such, it can contribute to the development of a modern synergetic paradigm for culturology.

Keywords: the social and the ethnic, Gumilev's theory of ethnogenesis, culturology, ethnography, Saint Petersburg State University

Критическое значение для развития научно-го знания в любой области имеет определение основных понятий. Как только их определенность нарушается, вместе с ней нарушается целостность научной парадигмы. Как следствие, предмет науки размывается, а сама наука потихоньку прекращает свое существование, превращаясь в очередную разновидность нерелигиозной рефлексии.

Убедительной иллюстрацией тому служит история классической кибернетики. Как известно, Норберт Винер определил ее как науку об управлении в животном и машине. Но однажды с легкой руки У. Р. Эшли было выдвинуто утверждение о том, что кибернетика, собственно, не наука, а стиль мышления. И это утверждение оказалось в подлинном смысле слова роковым для судеб молодой кибернетической науки. Увлеченные люди начали подтаскивать под стиль мышления все, что ни попадя. В базовый словарь «новой кибернетики» вошли рекурсивность как самозависимость информационных сообществ, групповое взаимодействие на разных иерархи-

ческих уровнях, редукция как способ разрешения противоречий между ними и т. д., и т. п.

Как и всегда в жизни, делалось все это как из самых лучших, так и не самых достойных побуждений. Но отнюдь не этические мотивации людей предопределили конечный результат. Ко второй половине 1980-х предмет классической науки оказался настолько неопределенным, что стал очевиден ее кризис. В результате весь накопленный багаж, все усилия поневоле переместились в инженеррию. Главной задачей кибернетики стали полагать автоматизацию вначале управления, а затем и всего умственного труда (Глушков 1986, 384–469). А развитие кибернетики как науки об управлении практически прекратилось. Сегодня кибернетика де-факто поглощена теорией самоорганизации сложных систем.

Вопрос о закономерности, или плодотворности этого поглощения, конечно, лежит за пределами нашей темы. Вспоминая о кибернетике, мы хотели обратить внимание на опасность, которую несет трансформация базовых научных

понятий. Такая опасность кратно возрастает там, где речь идет о новых, еще неустоявшихся областях научного знания.

Само собой разумеется, что эта трансформация не может быть сведена только к мнениям отдельных людей. Не в отдельных людях как таковых, а в специфике человеческого восприятия содержательных рамок лежит источник деградации понятийного аппарата. Доказательство тому представляет сегодняшняя ситуация вокруг пассионарной теории этногенеза Льва Николаевича Гумилева.

Si la crème est comme ça...

В становлении теории этногенеза Гумилева взаимосвязь биологического, этнического и социального представляет исторически болезненный сюжет. Основная претензия, предъявляемая гумилевской теории в советское время, касалась как раз создания Гумилевым «биолого-географической концепции» этногенеза, т. е. отказа от взгляда на этнос как на социальное образование (Бромлей 1981, 10; 1983, 20; Козлов 1974, 72–83; 1979, 14). Сегодня давняя претензия обрела иную, псевдолояльную форму. Эта псевдолояльность настолько показательна, что ее стоит рассмотреть подробнее.

Справедливости ради надо сразу отметить, что в вопросе о соотношении биологического, этнического и социального гумилевская теория этногенеза 1980-х годов оставалась весьма уязвима. Последнее вполне естественно. Гумилев, вырабатывая свой несоциальный взгляд на историю, физически не мог проработать и детализировать все сразу. Он стремился показать и доказал главное: этнос — это не социум, не популяция и не раса; этнос — это реальное адаптационное звено между обществом и природой (Гумилев 1990, 40–42, 50–51, 180–182, 224–226). Но конкретные механизмы взаимодействия биологического, этнического и социального, конечно, остались за рамками гумилевского трактата. А значит — осталось, увы, пространство для элементарного непонимания и предвзятых толкований гумилевского подхода.

Особенно показательно, что такие деформации и ныне благополучно существуют не где-нибудь, а в Санкт-Петербургском государственном университете, т. е. там, где Лев Николаевич много лет преподавал и где впервые увидел свет его основной печатный труд (Гумилев 1989а). Например, в последнем по времени университетском обзоре развития этнографии и антропологии основное научное достижение Гумилева описывается так: «...концептуальные

закономерности циклического существования как отдельных этносов, так и их конгломератов — суперэтносов, которые в науке чаще принято называть цивилизациями» (Кропачев и др. 2024, 836; курсив мой. — В. Е.). Таким образом, в понимании соавторов суперэтнос, по Гумилеву, есть иначе названная цивилизация, и только! При этом высокий статус соавторов дает все основания полагать, что приведенный тезис представляет устоявшуюся, официально выражаемую точку зрения, которая продолжает гумилевскую университетскую традицию.

Но помилуйте: разве тождество или различие объектов изучения определяется их названиями?! По Гумилеву, сходства и различия систем определяются не наименованиями, а характером системных связей между структурными элементами (Гумилев 1990, 102–103). Именно в этом смысле Гумилев считал одним из источников пассионарной теории этногенеза системный подход Л. фон Берталанфи.

Системные связи цивилизации представляют собой разнообразные политические, экономические, культурные и прочие сознательные отношения людей. В широком смысле слова все это и есть социальные отношения. К. П. Иванов еще в 1980-х годов убедительно показал, что как таковые социальные отношения неотделимы от человеческого сознания. В частности, в итоговых выводах он блестяще суммировал: «...социальное от несоциального отличается только сознательным отношением человека. Там, где нет сознательного отношения, там не может быть и социального, там — природное, в том числе и общественное» (Иванов 2002, 48; курсив мой. — В. Е.).

При этом Гумилев никогда не понимал системные связи суперэтноса как сознательные связи между людьми. Напротив, Лев Николаевич неоднократно подчеркивал, и подчеркивал вполне справедливо, что системная связь в этнической системе суть *ощущение комплиментарности*, лежащее вне пределов сознания (Гумилев 1990, 232). Именно поэтому можно сознательно сменить, например, гражданство как политическое отношение к государству, а вот принадлежность к этнической системе сознательно убрать никак не получится (Ермолаев 2024, 125). Российские предприниматели и представители т. н. «креативного класса», не так давно бежавшие за рубеж, убедились в этом на собственном опыте. Они как были суперэтнически чужими за границей, так ими и остались, причем хоть на Западе, хоть на Востоке.

«Цивилизация» это отнюдь не сам суперэтнос, а лишь его этносоциальная форма, т. е.

временная социальная оболочка. Поэтому-то так часто имеет место смена «цивилизации» при сохранении суперэтнуса как потока кооперативного поведения. Российский суперэтнос последовательно имел этносоциальные формы великого княжества Московского, Московского царства, Российской империи и Советского Союза. Все эти «цивилизации» благополучно уходили в прошлое, а российский суперэтнос продолжал существовать! Последняя смена его этносоциальной системы произошла на наших глазах. Крах СССР, который его адепты часто называют «советской цивилизацией», тоже не стал концом российского суперэтнуса. Живым доказательством тому — война на Украине, в ходе которой граждане Российской Федерации в кооперативном поведении отстаивают наше исторически сложившееся суперэтническое своеобразие.

Следовательно, прокламируемое университетскими этнографами и искусствоведами тождество цивилизации и суперэтнуса находится в явном противоречии с реальной картиной поведения. Как они умудряются этого противоречия не видеть — непонятно. Поэтому мы рискуем очередным обвинением в органицизме и иллюстрации ради опустимся с уровня суперэтнуса на очевидный уровень личности. Вот генерал заслужил и носит китель с золотым шитьем и орденами. Но китель-то это все-таки не сам генерал с его своеобразным поведением! При удаче генерал может сменить китель на дорогой пиджак сенатора, а при неудаче — на казенный ватник. Тому, кто этого не учитывает, можно лишь посочувствовать.

Торжество наивного этнографического номинализма в Санкт-Петербургском университете тем более удивительно, поскольку один из соавторов ранее писал: «Базовой аксиомой учения Л. Н. Гумилева является утверждение, что этнические системы — природные феномены» (Новожилов 2012, 170). Насчет собственно природной феноменологии сказано верно, но... Ведь из этого самого утверждения как раз и следует, что суперэтнос и цивилизация суть несопадающие множества с системными связями разной природы.

А вот в части аксиоматики мы встречаемся с явной деформацией границы понятия. Гумилев никогда не постулировал природный характер этнической системы, а, напротив, многократно доказывал его (Гумилев 1989b, 37–38, 44–45, 298; 1990, 174–175, 272–274). Аксиомой же гумилевской теории выступал всеобщий характер этнической принадлежности: «Несомненно одно — вне этноса нет ни одного человека на Земле»

(Гумилев 1990, 22). Это положение Лев Николаевич действительно принял сразу: без доказательства в силу очевидности. Впоследствии аксиома всеобщности была дополнена Гумилевым и автором этих строк свойством уникальности: «Каждый принадлежит к какому-нибудь этносу *и только к одному*» (подр. см.: Гумилев, Ермолаев 1992, 8; *курсив мой.* — В. Е.).

Именно аксиоматика всеобщей определенности этнического ощущения раскрывает нам подход к изучению этнического. Допустите, что Гумилев прав и каждый из нас принадлежит к какому-то одному определенному этносу. Значит, любые человеческие коллективы без изъятия представляют собой этнические структуры порядка (подр. см.: Ермолаев 1990). Соответственно для исследователя этногенеза все кооперативное поведение каждой структуры порядка и вся совокупность порождаемых этим поведением исторических событий есть этническая история отдельного суперэтнуса. *Вот почему в рамках гумилевского подхода все поведение человека понимается как этническое по своей природе. Необходимо особо подчеркнуть: этот способ понимания представляет собой допущение. Названное допущение отнюдь не означает, конечно, что реальное поведение человека является только и исключительно этническим.* Ведь те же самые события, которые мы полагаем событиями этнической истории, для социолога будут событиями социальной истории, а для биолога — историей эволюции вида. Задача каждого здесь состоит в том, чтобы с ясным пониманием неполноты предпринимаемого им описания анализировать ряды исторических событий на своем уровне структурной организации.

Поэтому всякий выход за пределы рассмотрения событий поведения в едином этническом аспекте означает одновременно выход за пределы гумилевской аксиоматики этнической истории, а значит — и за пределы пассионарной теории этногенеза. Легко показать, что классические этнографы пребывают за пределами гумилевской теории даже тогда, когда искренне полагают, будто они развивают ее отдельные положения.

Так, отвергая предложенный в свое время автором этих строк опыт оценки пассионарности для субэтнуса и суперэтнуса (Ермолаев 2002a, 2002b), наш критик предельно ясно утверждал: «Ни у какой партии не может быть своего специфического кормящего ландшафта, поскольку партия — по определению часть политической системы. Следовательно, она не может быть этническим коллективом» (Новожилов 2012,

170). Думается, что автора столь категорического взгляда несколько подвело гуманитарное восприятие сюжета^{*}. Ведь кормящий ландшафт этнических систем не ограничивается природными пейзажами с традиционной архитектурой типа *Setumaa!* У российских коммунистов кормящий ландшафт тоже имелся, причем как раз специфический. Это был искусственный ландшафт стремительно растущих в численности промышленных городов. И усилия на адаптацию к этому ландшафту коммунисты тратили поистине неимоверные. Л. Д. Троцкий без обиняков растолковывал, что политическая роль пролетариата (читай — правящей коммунистической партии. — В. Е.) тем значительнее, чем более город господствует над деревней (подр. см.: Троцкий 1917). В. И. Ленин в своем выступлении на X съезде РКП (б) 8 марта 1921 года так объяснял смысл политики «военного коммунизма»: «Крестьянин должен несколько поголодать, чтобы тем самым избавиться от полного голода фабрики и города» (Протоколы 1933, 39). При производстве партийных переписей 1920-х годов их основных исполнителей — регистраторов набирали только в городах, и лишь в самых крайних случаях привлекали деятелей из сельской местности (Воробьев 2003, 38 со ссылкой на: ЦДООСО. Ф. 76. Оп. 1. Д. 470. Л. 77).

Что же касается политической системы... Стесняемся спросить — а малые группы сету, вожан, ижоры разве не являются фрагментом политикума Российской Федерации? Они ведь имеют российские паспорта, ходят на выборы, платят налоги. Поэтому как граждане они всяко составляют «часть политической системы» России. Но тогда все эти малые группы уж никак «не могут быть этническими коллективами»! Что же в таком случае много лет изучали этнографы на Северо-Западе?

Допустим, в понимании этнографов существуют как минимум несовпадающие коллективы политические (партии) и этнические (народы). Если руководствоваться этой логикой, то необходимо быть последовательным и начать вы-

делять другие несовпадающие коллективы — экономические (госкорпорации), культурные (творческие союзы), военные (армия и флот), социальные (сообщества волонтеров) и проч., и проч. Но сколько бы коллективов ни насчитать, все равно возникнут неудобные вопросы. Во-первых, исследователь должен будет как-то разграничивать эти коллективы между собой. Какими критериями оценки нужно при этом руководствоваться? Нет ответа. Ясно только, что критерии в любом случае окажутся субъективны, поскольку будут устанавливаться самими этнографами. Во-вторых, несовпадающие коллективы придется как-то выявлять в конкретно-историческом материале. И вот случился, по-модному говоря, реальный кейс. Трое якутов (все, как один, члены «Единой России») заказали себе по традиционному *хотохону* и подписали контракты с Министерством обороны России. И пока они едут в Донбасс на войну, у этнографов остается время подумать — к какому именно типу коллектива этих отважных мужиков нужно отнести. Ведь ячейка из трех членов партии тоже часть политической системы, а она, как мы помним, «не может быть этническим коллективом». По этнографической логике выходит — трое партийных якутов к якутскому народу не относятся вовсе...

Посему само сугубо произвольное деление на коллективы политические и коллективы этнические есть доказательство реального пребывания этнографов вне гумилевской парадигмы. Ибо если мы следуем Гумилеву в постулате о принадлежности каждого к одному определенному этносу, то для нас не может быть никаких других коллективов, кроме этнических коллективов разных уровней иерархии — от отдельного человека до суперэтнуса. Иначе говоря, наблюдатель либо находится в пределах гумилевских аксиом, и тогда рассматривает поведение любых групп людей как эксцесс этногенеза с образованием структур порядка в этносфере, либо находится вне пределов гумилевских аксиом, а значит — изучает свой предмет с применением какого-то иного, но уже заведомо негумилевского подхода. В первом случае он получает возможность развивать пассионарную теорию этногенеза как в целом, так и в частностях; во втором случае он такой возможности с необходимостью лишается. Лишается, ибо развитие «отдельных положений теории» с применением иной, извне заимствованной аксиоматики являет собой нонсенс. Перейти к постулатам культурологии и одновременно, исходя из культурологических постулатов, пытаться развивать отдельные

^{*} Так, в одной статье (Новожилов 2012) было воспринято за шутку (!) наше утверждение о желательности измерения пассионарного потенциала в джоулях. Отчего же? По Гумилеву, пассионарность это геобиохимическая энергия живого вещества (Гумилев 1990, 15). Но если так, то она и должна измеряться в джоулях, т. е. в единице измерения, установленной в Международной системе единиц для измерения энергии, работы и количества теплоты. Тот факт, что на сегодня мы не умеем ее исчислить в явном энергетическом эквиваленте, никак не отменяет этого долженствования. *Количественное измерение энергии пассионарности в физических единицах есть пусть сколь угодно далекая, но обязательная цель развития пассионарной теории этногенеза.*

положения теории движения литосферных плит ни у кого не получится. И не потому, что будут смеяться геоморфологи, а потому, что предметом являются разные уровни структурной организации вещества, энергии и информации. Для каждого из таких уровней нужна своя, несовпадающая аксиоматика.

Вот этого несовпадения как чего-то им неподведомственного наши классические этнографы признавать категорически не желают. Отсюда и проистекает их стремление обустроить себе некую «срединную землю» между гумилевской теорией и этнографией. Житейски такая мотивация вполне понятна: хочется и лояльность соблюсти по отношению к общепринятой социально-культурной парадигме, и к себе перенести те отдельные положения пассионарной теории этногенеза, которые выглядят особенно аппетитно... Но, к несчастью для наших оппонентов, такая попытка «сидеть на двух стульях» обречена на неудачу, ибо содержательный выбор делать все равно приходится. Например, обширный список научных трудов нашего критика за 1999–2022 годы (Новожилков... 2025b) зримо свидетельствует, что подавляющее большинство из них — это типичные социокультурные или социально-экономические работы. То небольшое, что представляется как «развитие отдельных положений пассионарной теории этногенеза», жидется, как мы показали, на явном использовании гумилевской терминологии при неявном отказе от гумилевской аксиоматики. Справедливости ради необходимо подчеркнуть, что в этом отношении вышеназванный автор отнюдь не являет собой некоего специального, и тем паче злонамеренного исключения. Он интересен именно как типичский пример среди довольно многих историков, этнографов, социологов и философов.

Такого рода примеры, кстати сказать, явно доказывают тщету надежд на принятую у нас западную модель развития так называемой университетской науки. Еще десять лет назад специалисты Российской академии наук предупреждали: университетские научные сотрудники банально не имеют времени на научную работу. Ведь они прежде всего преподаватели и профессора, которые призваны обучать студентов. При этом их загрузка несопоставимо больше, чем у коллег в США или Евросоюзе (Малинецкий 2014). Автора этих строк по понятным причинам нельзя заподозрить в избыточных симпатиях к научным структурам РАН. Но трудно не признать, что в понимании места и значения пассионарной теории этногенеза сегодняшние университеты с очевидностью

проигрывают даже реформированным, сильно ослабленным академическим учреждениям (Ермолаев, Малинецкий 2024, 2025).

Впрочем, о развитии пассионарной теории этногенеза в Санкт-Петербургском государственном университете вряд ли можно говорить, ибо на официальном университетском сайте универсанта Лев Гумилев числится по разделу «Деятели искусств» — вместе с мистиком Николаем Рерихом и певицей Дианой Арбениной (Выдающиеся универсанты 2025). Следовательно, на самом деле наша *alma mater* публично отказывается наследию Гумилева во всяком соответствии критериям научности.

И направленность действий университетских этнографов вполне согласуется с этим мелочным выпадом, сознательно унижающим покойного Гумилева. Ведь прокламируемое ими развитие «отдельных положений пассионарной теории этногенеза» на самом деле представляет собой возвращение назад. Этнографы двигаются от гумилевской теории как частного случая современной теории самоорганизации сложных систем к гуманитарной этнографии прошлого века, пусть и освобожденной от марксистско-ленинских речитативов времен Бромлея и К°. Увы, вместе с ними туда же дрейфует и Санкт-Петербургский университет. Такая траектория движения являет собой отказ от самого главного в гумилевском наследии — естественнонаучного взгляда на историю. Нас движение по подобной траектории не прельщает. Ибо можно смириться даже с ограниченностью наших способностей, но нельзя извинить нашего отступления.

Поведение как странный аттрактор

А каков может быть конструктивный гумилевский подход к проблеме соотношения социального, этнического и биологического? Для начала мы должны принять неприемлемую для монистического социального подхода, но очевидную для синергетики мысль. Применительно к человеку и социологи, и мы, и биологи на самом деле изучаем один и тот же предмет — человеческое кооперативное поведение! Вполне осознавая это, Гумилев писал: «...каждый человек (или человечество в целом) является и физическим телом, и организмом, и верхним звеном какого-либо биоценоза, и членом общества, и представителем народности, и т. п. В каждом из перечисленных примеров предмет (в данном случае человек) изучается соответствующей научной дисциплиной, что не отрицает других аспектов исследования» (Гумилев 1990, 39).

Следовательно, любой акт поведения, видимый в истории как событие, отражает в одно и то же время и социальную, и этническую, и биологическую динамику. А все потому, что человеческое поведение пока слишком сложно для человеческой науки. Она не имеет (по крайней мере, сейчас) даже прообраза инструментов для универсального описания поведения *Homo sapiens*. Поневоле приходится прибегать к расчлененным описаниям: вот вам, дорогие читатели, социум, вот этнос, а тут у нас опыт построения модели для трофических цепей. В таком разделении ничего зазорного нет — оно представляет собой просто этап, который стадially предшествует формированию единой поведенческой картины мира. Зазорна, как нам представляется, поразительная склонность представлять коллегам и публике свои частные описания в качестве окончательной истины.

Отсюда проистекают постоянные и неконструктивные дискуссии на тему: «Что первично?» Эти споры, наряду с профессиональным честолюбием их участников, питаются и провальными попытками кодификации событий. В самом деле, если любое событие в человеческом поведении одновременно отражает и социальный прогресс, и этническую адаптацию, и биологическое воспроизводство, то привязать конкретное событие к определенному уровню структурной организации в принципе невозможно.

В природе не существует и не может существовать объективного критерия, позволяющего кодифицировать событие в качестве только социального, исключительно этнического или полностью биологического. Известно, например, что гусарские полки в XVIII веке набирали преимущественно из малороссов (Шильдер 1901, 277). Почему? Гусары представляли собой хоть и регулярную, но легкую конницу, которая по тактике своих действий была близка казакам. Понятно, что малороссийские рекруты несли известную и привычную им службу с куда большим удовольствием. Но извлекало свою пользу из такого решения и государство российское. Ведь направляя рекрутов из ахтырцев или изюмцев в гусары, военное ведомство не должно было их особо подготавливать: выдавали форму, учили регулярному строю и сравнительно быстро получали вполне боеспособный контингент. *Учет и разумное использование стереотипов этнического поведения сэкономили этносоциальной системе время, силы и деньги.*

Но для классификации такого события, как мобилизация малороссов в гусары, не имеется никаких предпосылок. На каком объективном основании мы можем прелиминарно утверждать:

«это часть политической системы», или «это часть этнической системы»? В контексте кооперативного поведения нет такого основания! Мы можем только наблюдать, как именно разные типы системных связей («биологические», «этнические» и «социальные») взаимодействуют в реальном поведении. Вот почему заведомо тупиковым является стремление специалистов вроде этнографа Новожилова также искусственно классифицировать видимые структуры порядка на коллективы «политические», «этнические» etc. Само стремление к такой классификации идет от глубокого непонимания универсального характера кооперативного поведения. А непонимание это порождается в том числе неприятием гуманитариями натурфилософской, синергетической природы этногенеза.

Таким образом, исходный выбор для получения знания о поведении человека оказывается таков, что исследователь может занять одну из трех позиций. Можно рассматривать поведение как социальное явление, лежащее в том же ряду, что технологическая инновация или фондовый рынок, т. е. понимать его как продукт сознательных отношений людей. Можно, вслед Гумилеву, рассматривать поведение в контексте адаптации к среде, которая обеспечивается благодаря естественным ощущениям комплиментарности, существовавшим у человека задолго до появления сознания. Наконец, можно вслед за биологами и физиологами рассматривать поведение как средство воспроизводства вида. Здесь системными связями будут выступать не отношения и ощущения, а генные и физиологические механизмы организма.

Если мы принимаем социальный подход, то предполагаем, что по сравнению с сознательными отношениями все природные — биологические и этнические — влияния становятся для нас внешними ограничениями. Вот почему западные и наши либералы с таким нетерпением дожидаются смерти Путина и так желают сделать Россию «цивилизованной страной», т. е. лишить ее исторически сложившегося суперэтнического своеобразия.

Если мы отдаем предпочтение этническому подходу, то вслед за Гумилевым считаем, что по отношению к этническому поведению внешними ограничениями выступают все социальные, сознательные отношения и биологические субстраты. Например, широкое распространение виртуальных информационных технологий или пандемии вроде «испанки» 1917 г. или COVID-19 принудительно влияет на кооперативное поведение любых этнических систем как внешний источник, вызывающий смещение.

Если мы выбираем биологический подход, то нормальное функционирование организмов и популяций искажается для нас сигналами из социальной и этнической среды. Биологи не сомневаются, что американская политика сознательного одобрения сексуальных извращений как нормы, равно как и карибская привычка с утра курить крэк ускоряют гибель людей и сообществ, в которых приняты подобные стереотипы поведения.

Подход каждый волен выбрать по своему усмотрению. Только не стоит думать, будто наше исследовательское допущение определит реальный характер поведения. Между тем абсолютное большинство социологов именно в это заблуждение и впадает. Выбрав социальную координату, люди как-то быстро приходят к странному выводу. Собственный выбор в пользу социального взгляда на поведение они принимают за доказательство того, что все остальные подходы неправомочны, а поведение может и должно быть управляемо исключительно социальными мерами.

Однако, выбирая подход, мы всегда выбираем лишь один из возможных инвариантов описания поведения. Наш выбор не означает несостоятельности иного подхода, он лишь фиксирует его положение в системе «нашего» описания как дополнительное.

Поэтому адекватное описание поведения требует не одномерной, а как минимум трехмерной системы координат. Эту систему координат образуют разные уровни структурной организации: биологический, этнический и социальный. Соответственно на каждом из этих уровней идут процессы принципиально разной природы.

На биологическом уровне происходит видовое воспроизводство организма; на этническом — его поведенческая кооперативная адаптация к среде обитания; на социальном — сознательное создание технологий и нарастающее накопление навыков (компетенций), связанных с их утилитарным использованием.

Именно в этой системе координат и формируется человеческое поведение как одновременная функция трех интегральных состояний:

- биологического состояния как уровня биологического здоровья популяции и ее репродуктивных возможностей;
- этнического (пассионарного) состояния как текущей фазы этногенеза этнической системы;
- социального состояния как уровня технологического развития социума.

Подчеркнем, что ни биологическую, ни этническую, ни социальную системы мы в истории непосредственно наблюдать не можем. «В чистом виде» биологическое («вид»), этническое («этнос») и социальное («социум») представляют собой обобщения (абстракции), являющиеся результатом нашего анализа. Но сие, разумеется, не означает, что биологическое, этническое и социальное не являются объективной реальностью. В истории происходит постоянное взаимодействие (сопряжение) этих разных уровней структурной организации. И только благодаря этому взаимодействию существуют те реальные феномены, которые действительно наблюдаемы нами в историческом времени.

Таковы: а) пассионарность, возникающая как результат взаимодействия биологического субстрата и этнической системы; б) этносоциальная система, возникающая как результат локального взаимодействия этнической системы и социума; в) отношение к живой природе как результат взаимодействия социума и биологического субстрата.

Отсюда легко усмотреть функциональное значение поведения. ***Поведение обеспечивает перенос вещества, энергии и информации между разными уровнями структурной организации окружающего нас мира. Благодаря этому переносу становится возможна разнообразная человеческая жизнедеятельность.***

Возьмем для примера тот вид энергии, который нас интересует. Только что родившийся человек представляет собой биологическое тело, еще не имеющее ни этнической принадлежности, ни социального положения. При этом биологическое тело имеет внутри себя как клеточные механизмы адсорбции энергии живого вещества, так и нейронные структуры мозга. Первые делают возможным выработку энергии живого вещества внутри организма; вторые — развитие сознания, т. е. такой специфической формы обратной связи, которая обеспечивает затем технологическое (неприродное) накопление.

И мы видим, что с первых дней жизни новорожденные дети, еще не имея социализации, уже отличаются своим биологическим статусом и поведенческими особенностями. Когда 25 июня (6 июля) 1796 года родился будущий император Николай I, все удивлялись красоте младенца и его огромному для того времени росту в «аршин без двух вершков», т. е. около 62 см. Екатерина II прозвала его *chevalier Nicolas* — «рыцарь Николай». Спустя десять дней, 5 июля по ст. ст., она записала: «Рыцарь Николай

уже три дня кушает кашку, потому что беспрестанно просит есть. <...> Он смотрит на всех во все глаза (*il toise tout le monde*), голову держит прямо и поворачивает не хуже моего» (Шильдер 1903, 1–2).

По мере дальнейшего роста благодаря своей пассионарности человек сначала адаптируется в среде через передачу навыков поведения при воспитании и тем самым обретает этническую принадлежность. Затем он социализируется в процессе образования и тем самым получает то или иное социальное положение. Вся эта поведенческая адаптация, в том числе и образовательная, требует затрат пассионарности. Эти затраты определяют идеал (иллюзорную цель) поведения человека, а тем самым влияют и социальные результаты его поведения. Эти социальные результаты откладываются в социуме и в конечном счете определяют тренд отношения человека к той живой природе, продуктом которой он изначально являлся.

Таким образом, кооперативное поведение людей переносит энергию живого вещества от биологического субстрата через пассионарное (фазовое) состояние в этническую систему, а из нее — в соответствующую ей этносоциальную систему. В этносоциальной системе эта энергия живого вещества (пассионарность) непосредственно расходуется на осуществление работы по адаптации, т. е. производство событий. И только потом социальные результаты этой работы откладываются в социуме как знания и технологические навыки и, наконец, вновь возвращаются во внешнюю среду обитания уже как вещные исторические памятники.

Стало быть, кооперативное поведение людей работает как некий странный аттрактор, «закрученный» против часовой стрелки. Последнее вполне закономерно — ведь каждый эксцесс этногенеза понижает энтропию этносферы, а значит — противостоит ходу времени, которое по общему правилу эту энтропию повышает.

Знание механизма переноса, который обеспечивает странный аттрактор, может принести вполне практическую пользу. Например, в культурологии давно и честно констатировали: «Научные и управленческие учреждения образования не выработали стратегической теории воспроизводства российской нации и ее культуры через системное образование, все его уровни и разновидности (Мосолова 2012, 9, курсив в цитате принадлежит Л. М. Мосоловой). Ни в малой мере не хотелось бы заниматься не своим делом и оценивать успехи социокуль-

турного подхода в образовании. Лишь одно методическое соображение, лежащее в контексте пассионарной теории этногенеза, считаем себя вправе высказать. Если ставилась задача создать социокультурную теорию воспроизводства нации в образовании, то для начала необходимо *описать внешние ограничения такого поведения. А для этого нужно предварительно разграничить нацию как социокультурный конструкт с этносом (народом) как внешним по отношению к нации естественным феноменом.* Но у культурологов-то сама постановка задачи в таком виде вызывает безусловный рефлекс отторжения. Ведь и в университете людям внушали, что нация суть исключительно социальное явление, и в ст. 3 Конституции Российской Федерации говорится про ее «многонациональный народ». Стало быть, народ, даже состоящий из многих социальных наций, тоже есть явление социальное... Какое уж тут разграничение?! Признать же, что в университете тебя успешно научили повторять глупость, — охотников немного. А уж оспаривать эту глупость как конституционную норму... Между тем без учета внешних ограничений создать социальную теорию воспроизводства, описывающую поведение, невозможно. Вот почему системное образование в виде всех его учреждений, уровней и разновидностей не справляется с некорректно поставленной задачей. Иначе и быть не может.

Ибо если не учитывать внешнее влияние этнической системы, то невозможно объяснить даже периодически возникающие несоответствия между состоянием этносоциальной системы («цивилизации») и качеством развития ее культуры. Лев Николаевич в свое время изящно иллюстрировал такое несоответствие: «В эпоху Возрождения человекоубийство было повседневным занятием обитателей Западной Европы, причем имело массовые масштабы» (Гумилев 1990, 411). Не иначе обстояло дело и в России. Апофеоз русской классической литературы пришлось аккурат на социальную реакцию времен Николая I. Эпоха Александра III, который «стеснял печать цензурными установлениями» и вешал террористов, стала временем подлинного расцвета русской реалистической живописи.

Кроме того, сами творцы высокой культуры зачастую выступали как вдохновители кровопролития и активные участники современной им политической борьбы. Так, Петрарка неумеренно восхвалял своего покровителя — миланского тирана Дж. Галеаццо Висконти. При этом тиранию как таковую поэт яростно осуждал.

Представление о реальном умонастроении гуманистов дает одна из инвектив Бокаччо: «Что же? Такого человека буду я называть царем, почитать как монарха, быть ему верным как господину! Ничего подобного. Он враг. Составлять против него заговоры, братья против него за оружие, устраивать ему ловушки, противопоставлять ему силу — есть дело высокого духа, святое и самое необходимое» (Цит. по: Дживелегов 1924, 113; курсив мой. — В. Е.). Неудивительно, что в Италии XIV–XV веков не утихали вооруженные конфликты между городами, папским престолом и имперскими властями.

А разве иначе в той же фазе этногенеза чувствовали люди у нас? 30 октября 1927 года в связи с юбилеем октябрьского переворота И. А. Бунин подчеркивал: «Я лишь могу еще раз всеми силами души присоединиться к великому хору проклятий этому десятилетию...» (Бунин 1998, 259). «Проклятие» здесь отнюдь не проходная литературная гипербола. В конце жизни Бунин написал на портрете того самого А. М. Горького, у которого он издавал свои первые книги: «Полотер, вор, убийца» (Алданов 1998, 157). А там, где подобное эмоциональное противостояние вовсе не окрашивалось интеллигентской культурной рефлексией, писали воззвания вроде следующего. «И будем производить такую короткую расправу, что хуже которой не может быть. Одним словом, будем всех превращать, как говорится, в капусту», — говорилось о коммунистах в одном из обращений Ишимского восстания 1921 года в Тюменской губернии (Крестьянское восстание 2014). Пойманных комиссаров в Сибири действительно не жаловали: их заживо закапывали в землю, рубили топорами и пилили пилами. Но разве более кроткими были революционные матросы 1917 года, когда добивали штыками Главковерха Н. Н. Духонина, живьем спускали под лед офицеров и дробили им головы корабельными кувалдами? (Граф 1922, 283, 295).

Казалось бы, исходя из монистических социальных представлений, такие эпохи плохо подходят для расцвета культуры. От диктатуры тиранов, от массового террора творцы должны поневоле опускать руки, а высокое искусство — пребывать в забвении. Ан нет! В реальном поведении создатели величайших образцов культуры хоть и тяжело, но успешно творят в обстановке, о которой гениально написала А. А. Ахматова: «Слышим лишь ключей постылый скрежет / Да шаги тяжелые солдат». А все потому, что как в Италии XIV–XV веков,

так и в России XIX–XX веков это фазы надлома — сначала надлома скрытого, со стремлением к идеалу знания, а потом надлома явного, связанного со стремлением к идеалу политического успеха. Такое фазовое состояние как раз подразумевает то самое сочетание жестокой политической борьбы с высоким культурным творчеством. Как видим, учет пассионарного состояния суперэтнуса как внешнего ограничения для всякой цивилизации отнюдь не лишает культурологию привычного ей предмета исследования. По отношению к культурологии пассионарная теория этногенеза представляет собой внешний инструмент исследования.

Использование этого инструмента для исследований культуры вполне может дать импульс выработке новой, синергетической парадигмы для культурологии. Но эта благая перспектива станет реальной лишь в том случае, если мы не будем допускать безответственной деформации базовых понятий. Попытки смешения различных парадигм лишь умножат непонимание, а значит — не принесут ничего плодотворного ни культурологии с этнографией, ни пассионарной теории этногенеза.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Благодарности

Автор благодарит профессора Г. Г. Малинецкого (Институт прикладной математики РАН) за те содержательные обсуждения проблем синергетики, благодаря которым появилась эта работа. Признательность автора адресована доктору Александру Титову (Квинс Университет, Белфаст), споры с которым неизменно вдохновляли автора.

Acknowledgements

We extend our gratitude to Professor G. G. Malinetsky (Institute of Applied Mathematics, Russian Academy of Sciences) for the insightful discussions of synergetic problems that made this work possible. Our gratitude also goes to Dr. Alexander Titov (Queen's University, Belfast) for continuously inspiring debates with the author of this paper

Литература

- Алданов, М. А. (1998) «Приблизиться к русскому идеалу искусства». Из литературной переписки М. А. Алданова. *Октябрь*, № 6, с. 142–163.
- Бромлей, Ю. В. (1981) *Современные проблемы этнографии*. М.: Наука, 391 с.
- Бромлей, Ю. В. (1983) *Очерки теории этноса*. М.: Наука, 413 с.
- Бунин, И. А. (1998) *Публицистика 1918–1953 годов*. М.: Наследие, 640 с.
- Воробьев, С. В. (2003) Всероссийская партийная перепись 1922 г.: организация и проблема достоверности источника. В кн.: *Урал индустриальный. Бакунинские чтения. Материалы V региональной научной конференции, декабрь 2002*. Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного университета, с. 37–40.
- Выдающиеся универсанты. (2025) *Санкт-Петербургский государственный университет*, 19 января [Электронный ресурс]. URL: <https://spbu.ru/history/vydayuschiesya-universanty> (дата обращения 19.01.2025).
- Глушков, В. М. (1986) *Кибернетика. Вопросы теории и практики*. М.: Наука, 488 с.
- Граф, Г. К. (1922) *На «Новике». Балтийский флот в войну и революцию*. Мюнхен: Типография Р. Ольденбург, 480 с.
- Гумилев, Л. Н. (1989а) *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Изд-во Ленинградского государственного университета, 496 с.
- Гумилев, Л. Н. (1989б) *Древняя Русь и Великая Степь*. М.: Мысль, 764 с.
- Гумилев, Л. Н. (1990) *Этногенез и биосфера Земли*. Л.: Гидрометеиздат, 528 с.
- Гумилев, Л. Н., Ермолаев, В. Ю. (1992) Горе от иллюзий. *Вестник высшей школы (Alma Mater)*, № 7–9, с. 6–14.
- Дживелегов, А. К. (1924) *Начало итальянского Возрождения*. М.: Государственное издательство, 240 с.
- Ермолаев, В. Ю. (1990) Самоорганизация в природе и этногенез. *Известия Всесоюзного географического общества*, т. 122, № 1, с. 26–32.
- Ермолаев, В. Ю. (2002а) Однородные события в этногенезе: опыт оценки пассионарности субэтноса. В кн. Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 1*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 76–81.
- Ермолаев, В. Ю. (2002б) К проблеме численной оценки уровня пассионарного напряжения суперэтноса. В кн.: Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 2*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 50–58.
- Ермолаев, В. Ю. (2024) Украина. Мнимый выбор: к вопросу о суперэтнической границе. *История и современность*, № 1(51), с. 120–137. <https://doi.org/10.30884/iis/2024.01.06>
- Ермолаев, В. Ю., Малинецкий, Г. Г. (2024) Книгопечатание, искусственный интеллект и перспективы российского образования. *Искусственный интеллект: Теория и практика*, № 2 (6), с. 28–42.
- Иванов, К. П. (2002) Этнос: Категория или бытие? В кн.: Л. А. Вербицкая (ред.). *Учение Л. Н. Гумилева и современность. Т. 2*. СПб.: Изд-во Института химии СПбГУ, с. 23–50.
- Козлов, В. И. (1974) О биолого-географической концепции этнической истории. *Вопросы истории*, № 12, с. 72–85.
- Козлов, В. И. (1979) О классификации этнических общностей (состояние вопроса). В кн.: Ю. В. Бромлей (ред.). *Исследования по общей этнографии*. М.: Наука, с. 5–23.
- Крестьянское восстание 1921 года на Сорокинской земле. (2014) *Портал органов государственной власти Тюменской области*, 14 марта. [Электронный ресурс]. URL: https://sorokino.admtymen.ru/mo/Sorokino/about_ОМСУ/more.htm?id=11165666@cmsArticle (дата обращения 27.01.2025).
- Кропачев, Н. М., Новожилов, А. Г., Ярмош, А. С. (2024) Этнография и антропология в Санкт-Петербургском государственном университете: прошлое и современность. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*, т. 69, № 4, с. 829–848. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.401>
- Малинецкий, Г. Г. (2014) «В науке курс прежний — на развал» *Российская академия наук*, 08 августа [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6a76940a-c422-440e-82d0-5cb51796f4b5&print=1> (дата обращения 19.01.2025).
- Мосолова, Л. М. (2012) Введение. Актуальность и теоретические основания изучения поликультурного пространства России. В кн.: Т. Д. Булгакова, Н. Ю. Костюрина, Н. А. Кривич и др. *Культура Дальнего Востока России: в 7 книгах*. СПб.: Петрополис, с. 8–20.
- Новожилов Алексей Геннадьевич (2025б) *Научные исследования СПбГУ*, 12 января: [Электронный ресурс]. URL: [https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--\(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b\)/publications.html?page=0&pageSize=100](https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b)/publications.html?page=0&pageSize=100) (дата обращения 12.01.2025).
- Новожилов, А. Г. (2012) Проблемы развития пассионарной теории этногенеза Л. Н. Гумилёва. *Вестник Санкт-Петербургского университета. История*. Спец. выпуск, с. 164–176.
- Протоколы X съезда Российской Коммунистической Партия (большевиков)*. (1933) М.: Партиздат, 957 с.
- Троцкий, Л. (1917) *Перспективы русской революции*. Берлин: Изд-во И. П. Ладъжникова, 84 с.
- Шильдер, Н. К. (1901) *Император Павел I. Историко-биографический очерк*. СПб.: Издание А. С. Суворина, 606 с.
- Шильдер, Н. К. (1903) *Император Николай I, его жизнь и царствование. В 2 томах. Т. 1*. СПб.: Издание А. С. Суворина, 800 с.

References

- Aldanov, M. A. (1998) “Priblizit'sya k russkomu idealu iskusstva”. Iz literaturnoj perepiski M. A. Aldanova [“To approach the Russian ideal of art”. From the literary correspondence of M. A. Aldanov]. *Oktyabr'*, no. 6, pp. 142–163. (In Russian)
- Bromlej, Yu. V. (1981) *Sovremennye problemy etnografii [Contemporary problems of ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., 391 p. (In Russian)
- Bromlej, Yu. V. (1983) *Ocherki teorii etnosa [Essays on the theory of ethnos]*. Moscow: Nauka Publ., 413 p. (In Russian)
- Bunin, I. A. (1998) *Publitsistika 1918-1953 godov [Journalism 1918-1953]*. Moscow: Nasledie Publ., 640 p. (In Russian)
- Dzhivelegov, A. K. (1924) *Nachalo ital'yanskogo Vozrozhdeniya [The dawn of the Italian Renaissance]*. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo, 240 p. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (1990) Samoorganizatsiya v prirode i etnogenez [Self-organization in nature and Ethnogenesis]. *Izvestiya Vsesoyuznogo geograficheskogo obshchestva*, vol. 122, no. 1, pp. 26–32. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2002a) Odnorodnye sobytiya v etnogeneze: opyt otsenki passionarnosti subetnosa [Homogeneous Events in Ethnogenesis: An assessment of subethnos' passionarity]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 1 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 1]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 76–81. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2002b) K probleme chislennoj otsenki urovnya passionarnogo napryazheniya superetnosa [On the numerical assessment of superethnos' passionary tension]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 2 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 2]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 50–58. (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu. (2024) Ukraina. Mnimyj vybor: k voprosu o superetnicheskoy granitse [Ukraine. An imaginary choice: On the issue of a super-ethnic border]. *Istoriya i sovremennost' — History and Modernity*, no. 1 (51), pp. 120–137. <https://doi.org/10.30884/iis/2024.01.06> (In Russian)
- Ermolaev, V. Yu., Malinetskij, G. G. (2024) Knigopechatanie, iskusstvennyj intellekt i perspektivy rossijskogo obrazovaniya [Book printing, artificial intelligence and the prospects of Russian education]. *Iskusstvennyj intellekt: Teoriya i praktika*, no. 2 (6), pp. 28–42. (In Russian)
- Glushkov, V. M. (1986) *Kibernetika. Voprosy teorii i praktiki [Cybernetics: Questions of theory and practice]*. Moscow: Nauka Publ., 488 p. (In Russian)
- Graf, G. K. (1922) *Na “Novike”. Baltijskij flot v vojnu i revolyutsiyu [On Board the “Novik”: The Baltic Fleet in War and Revolution]*. Munich: R. Ol'denburg's Publ., 480 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1989a) *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]*. Leningrad: Leningrad State University Publ., 496 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1989b) *Drevnyaya Rus' i Velikaya Step' [Ancient Rus' and the Great Steppe]*. Moscow: Mysl' Publ., 764 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N. (1990) *Etnogenez i biosfera Zemli [Ethnogenesis and the Earth's Biosphere]*. Leningrad: Gidrometeoizdat Publ., 528 p. (In Russian)
- Gumilev, L. N., Ermolaev, V. Yu. (1992) Gore ot illyuzij [The misery of Illusions]. *Vestnik vysshej shkoly (Alma Mater)*, no. 7–9, pp. 6–14. (In Russian)
- Ivanov, K. P. (2002) Etnos: Kategoriya ili bytie? [Ethnos: Category or Being?]. In: L. A. Verbitskaya (ed.). *Uchenie L. N. Gumileva i sovremennost'. T. 2 [The teachings of L. N. Gumilev and modernity. Vol. 2]*. Saint Petersburg: Institute of Chemistry Saint Petersburg State University Publ., pp. 23–50. (In Russian)
- Kozlov, V. I. (1974) O biologo-geograficheskoy kontseptsii etnicheskoy istorii [On the biological-geographical concept of ethnic history]. *Voprosy istorii*, no. 12, pp. 72–85. (In Russian)
- Kozlov, V. I. (1979) O klassifikatsii etnicheskikh obshchnostej (sostoyanie voprosa) [On the classification of ethnic communities (current state of research)]. In: Yu. V. Bromlej (ed.). *Issledovaniya po obshchej etnografii [Studies in general ethnography]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 5–23. (In Russian)
- Krest'yanskoe vosstanie 1921 goda na Sorokinskoj zemle [Peasant uprising of 1921 in Sorokino land]. (2014) *Portal organov gosudarstvennoj vlasti Tyumenskoj oblasti — Portal of state authorities of Tyumen Region*, March 14 [Online]. Available at: https://sorokino.admtyumen.ru/mo/Sorokino/about_OMSU/more.htm?id=11165666@cmsArticle (accessed 27.01.2025). (In Russian)
- Kropachev, N. M., Novozhilov, A. G., Yarmosh, A. S. (2024) Etnografiya i antropologiya v Sankt-Peterburgskom gosudarstvennom universitete: proshloe i sovremennost' [Ethnography and anthropology at saint petersburg state university: Past and present]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Istoriya — Vestnik of Saint Petersburg University. History*, vol. 69, no. 4, pp. 829–848. <https://doi.org/10.21638/spbu02.2024.401> (In Russian)
- Malinetskij, G. G. (2014) “V nauke kurs prezhnij — na razval” [“In science, the course remains the same — towards collapse”]. *Rossijskaya akademiya nauk — Russian Academy of Sciences*, August 08. [Online]. Available at: <http://www.ras.ru/news/shownews.aspx?id=6a76940a-c422-440e-82d0-5cb51796f4b5&print=1> (accessed 19.01.2025). (In Russian)

- Mosolova, L. M. (2012) Vvedenie. Aktual'nost' i teoreticheskie osnovaniya izucheniya polikul'turnogo prostranstva Rossii [Introduction. Relevance and theoretical foundations for studying Russia's multicultural space]. In: T. D. Bulgakova, N. Yu. Kostyurina, N. A. Krivich et al. *Kul'tura Dal'nego Vostoka Rossii: v 7 knigakh [Culture of the Russian far east: In 7 Books]*. Saint Petersburg: Petropolis Publ., pp. 8–20. (In Russian)
- Novozhilov, Aleksej Gennad'evich (2025b) *Nauchnye issledovaniya SPbGU — Scientific Research of Saint Petersburg State University*, January 12. [Online]. Available at: [https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--\(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b\)/publications.html?page=0&pageSize=100](https://pureportal.spbu.ru/ru/persons/--(fc0f3d21-f070-4c6d-b1fb-3a8fa7cde84b)/publications.html?page=0&pageSize=100) (accessed 12.01.2025). (In Russian)
- Novozhilov, A. G. (2012) Problemy razvitiya passionarnoj teorii etnogeneza L. N. Gumileva [Problems in the development of L. N. Gumilev's passionary theory of ethnogenesis]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta — Vestnik of Saint Petersburg University*. Special Issue Dedicated to the 100th Anniversary of L. N. Gumilev's Birth, pp. 164–176. (In Russian)
- Protokoly X s'ezda Rossijskaya Kommunisticheskaya Partiya (bol'shevikov) [Proceedings of the 10th congress of the Russian Communist Party (bolshheviks)]*. (1933) Moscow: Partizdat Publ., 957 p. (In Russian)
- Shil'der, N. K. (1901) *Imperator Pavel I. Istoriko-biograficheskij ocherk [Emperor Paul I: A historical-biographical essay]*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 606 p. (In Russian)
- Shil'der, N. K. (1903) *Imperator Nikolaj I, ego zhizn' i tsarstvovanie. V 2 tomakh. T. 1 [Emperor Nicholas I, his life and reign. In 2 vols. Vol. 1]*. Saint Petersburg: A. S. Suvorin's Publ., 800 p. (In Russian)
- Trotsky, L. (1917) *Perspektivy russkoj revolyutsii [Perspectives of the Russian Revolution]*. Berlin: I. P. Ladyzhnikov's Publ., 84 p. (In Russian)
- Vorob'ev, S. V. (2003) Vserossijskaya partijnaya perepis' 1922 g.: organizatsiya i problema dostovernosti istochnika [The 1922 All-Russian party census: Organization and the problem of source reliability]. In.: *Ural industrial'nyj. Bakuninskie chteniya. Materialy V regional'noj nauchnoj konferentsii, dekabr' 2002 [Industrial Urals. Bakunin Readings. Proceedings of the 5th Regional Scientific Conference, December 2002]*. Ekaterinburg: Liberal Arts University Publ., pp. 37–40. (In Russian)
- Vydayushchiesya universanty [Outstanding University Alumni] (2025) *Saint Petersburg University*, January 19. [Online]. Available at: <https://spbu.ru/history/vydayushchiesya-universanty> (accessed 19.01.2025). (In Russian)

Сведения об авторе

Вячеслав Юрьевич Ермолаев, SPIN-код: [8126-6143](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), ORCID: [0000-0001-8494-1083](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), e-mail: Ermolaev.vs@gmail.com

Кандидат географических наук, независимый исследователь

Author

Viacheslav Yu. Ermolaev, SPIN: [8126-6143](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), ORCID: [0000-0001-8494-1083](https://orcid.org/0000-0001-8494-1083), e-mail: ermolaev.vs@gmail.com

Candidate of Sciences (Geography), independent researcher

Теория и история культуры, искусства.
Раздел «Общества и культуры:
опыт интегративных исследований»

УДК 168.522

EDN EONHOV

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-46-53>

Проблема южнокорейских «женщин для утешения» как маркер межкультурных противоречий

К. Г. Антонян ^{✉1}, А. В. Санжиева ²

^{1,2} Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Антонян, К. Г., Санжиева, А. В. (2025) Проблема южнокорейских «женщин для утешения» как маркер межкультурных противоречий. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 46–53. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-46-53>
EDN EONHOV

Получена 12 января 2025; прошла рецензирование 2 февраля 2025; принята 4 февраля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © К. Г. Антонян, А. В. Санжиева (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях [лицензии ССВУ-NC 4.0](#).

Аннотация. «Женщины для утешения» — название сексуально эксплуатируемых японскими солдатами женщин периода Второй мировой войны. Сексуальное насилие в военное время было широко распространено на протяжении всей человеческой истории. Но в Южной Корее эти женщины стали символом борьбы Кореи за свою свободу от Японии. Долгое время история «женщин для утешения» оставалась вне публичного дискурса. Эти преступления военного времени против женщин со стороны японских солдат никак не освещались. И сами бывшие «женщины для утешения» старались скрывать, что с ними произошло. В 1990-х годах в Корее и Японии началась «эра свидетельских показаний», вызванная желанием покончить с прошлым. Однако предание гласности историй «женщин для утешения» стало настоящей культурной травмой для Южной Кореи. Корейское общество, основанное на традиционных ценностях, оказалось не готово услышать об этом. «Женщинам для утешения» пришлось отстаивать свое право быть услышанными. Также бывшие вианбу столкнулись с сильным сопротивлением и со стороны Японии, которая отказывалась признавать свою юридическую ответственность за совершенные преступления и пересматривать итоги войны. Японское правительство продолжает отрицать какую-либо юридическую ответственность. В течение 2000–2010-х годов эта тема в Южной Корее была предана гласности. Она получила осмысление в научных публикациях и исследованиях, в художественной литературе и кинематографе. Осознание себя как народа-жертвы стало частью национальной идентичности корейцев. А «женщины для утешения» стали символом колониального прошлого, которое остается болезненным и оказывает влияние на настоящее.

Ключевые слова: сексуальное насилие во время войны, «женщины для утешения», вианбу, «станции утешения», корейско-японские отношения

The problem of South Korean ‘comfort women’ as a marker of intercultural contradictions

K. G. Antonyan ^{✉1}, A. V. Sanzhieva ²

^{1,2} Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Antonyan, K. G., Sanzhieva, A. V. (2025) The problem of South Korean ‘comfort women’ as a marker of intercultural contradictions. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 46–53. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-46-53> EDN EONHOB

Received 12 January 2025;
reviewed 2 February 2025;
accepted 4 February 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © K. G. Antonyan, A. V. Sanzhieva (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. ‘Comfort women’ is a term denoting women who were sexually exploited by Japanese soldiers during World War II. Wartime sexual violence has been widespread throughout history, but in South Korea such women have become a symbol of Korea’s struggle for freedom from Japan. For a long time, their stories stayed out of the public discourse, and the wartime crimes committed against women by Japanese soldiers were not covered at all. The women themselves tried to conceal what had happened to them. The 1990s, however, ushered in ‘an era of testimony’ in Korea and Japan, spurred by a struggle to put an end to the past. Bringing the stories of ‘comfort women’ to the surface has become a real cultural trauma for South Korea. Rooted in traditional values, the Korean society was not ready to hear this. ‘Comfort women’ had to defend their right to be heard. They also faced strong resistance from Japan, which refused to assume liability for the crimes perpetrated and review the results of the war. The Japanese government continues to deny any liability. In the 2000s and 2010s, this problem was garnering more and more attention in South Korea. The topic of ‘comfort women’ has been in the focus of various studies and scientific publications in Japan, South Korea and other countries as well as Korean fiction books and cinema. Seeing oneself as a victim has become part of Korean national identity, with ‘comfort women’ viewed as a painful symbol of the colonial past which still bears on the present.

Keywords: wartime sexual violence, comfort women, *wianbu*, comfort stations, Korean–Japanese relations

Сексуальное насилие в условиях конфликта не является чем-то неординарным, однако долгое время этот тип преступлений оставался за пределами научной рефлексии (Жигалева 2017; Wang 2020). Начало целенаправленного интереса политологов к этой проблеме активизировалось в последние два десятилетия (Nordås, Cohen 2021). «Женщины для утешения» («*comfort women*») — буквальный перевод японского термина 慰安婦, по-корейски 위안부 («вианбу») — утвердившееся понятие, которое метафорически обозначает сексуальную эксплуатацию женщин во время войн, которые Япония вела в XX веке, в частности во время Второй мировой войны. Само явление — организация баз, где солдаты могли бы удовлетворить свои потребности — появилось несколько раньше, примерно в 1932 году, а словосочетание «женщины для утешения», ставшее общепринятым, датируется 1939 годом (이칭 — Lee Ching 2024a). Создание «станций утешения» было вызвано необходимостью наладить контроль и установить порядок: минимизировать количество венерических заболеваний среди военных, а также предотвратить стихийные изнасилования, практиковавшиеся солдатами среди граждан-

ского населения (Ward, Lay 2016, 256–257). В таких военных борделях присутствовали кореянки, японки, китайки, филиппинки, голландки (захваченные в плен в Индонезии, которая тогда была голландской колонией) (Sterngold 1993; Ward, Lay 2016). Женщин вербовали для «станций» с помощью обмана, запугиваний, манипуляций и похищений. Последнее по международным законам, которым Япония должна была с необходимостью подчиняться, признавалось незаконным, что стало впоследствии камнем преткновения. Насильственное похищение выводило эти преступления в национальные масштабы, т. е. вина и ответственность ложилась не на отдельные группы, а на все государство в целом, что оспаривалось Японией, поскольку на государственном уровне ей просто не позволили бы легализовать такие «станции».

Вместе с поражением японской армии в 1945 году «станции» расформировывались, а женщин просто оставляли, после чего они были вынуждены выживать на оккупированных территориях, либо их могли убивать (фактически речь идет об «утилизации отходов», если пользоваться объективирующей терминологией). Многие выжившие женщины, получившие после

такой «работы» физические и психические увечья, не справлялись с психологической и культурно-социальной травмой (которая проявляла себя в неспособности рационального осмысления полученного опыта, а вследствие этого невозможности говорения о пережитом как на индивидуальном уровне, так и на общественно-политическом), что приводило их к самоубийствам. Другие не могли в полной мере реализоваться в мирной жизни, поскольку из-за их прошлого становились лишь вторыми женами (Ward, Lay 2016, 257) (для страны с традиционным укладом и патриархальными ценностями замужество — важнейшая составляющая повседневной жизни женщины, обеспечивающая ее статус в социуме).

Женщины, прошедшие через опыт военных борделей, подвергались маргинализации и осуждению внутри своей страны, традиционные ценности которой препятствовали тому, чтобы сам факт подобной травмы был освещен и проработан в публичном общественном пространстве и на официальном государственном уровне. Социокультурная стигма заставляла их молчать и хранить пережитое внутри, скрывать произошедшее от окружения.

Первые шаги к освещению этой темы были предприняты лишь в 1980-х годах (Myadar, Davidson 2020), когда сами бывшие «*comfort women*» начали говорить. В 1985 году вышла в свет автобиография (2-е переработанное издание; 1-е издание книги «Гимн Марии» マリヤの賛歌 вышло в 1971 году) японской «женщины для утешения» Судзукэ Сироты (城田すずこ, 1921–1993), а в 1991 году кореянка Ким Хак Сун (1924–1997) выступила со своей историей, подав в суд на японское правительство (Wang 2020). Поскольку еще в 1965 году между Японией и Ю. Кореей были подписаны совместные договоры, в которых указывалось, что страны не имеют друг к другу претензий по итогам Второй мировой войны, то женщины, работавшие на «станциях утешения», не имели законодательной возможности подать иски о компенсации (Мусинова, Гракова 2020). Договор 1965 года аннулировал все индивидуальные претензии со стороны корейцев. В 1990-е годы данный вопрос в силу активизировавшихся политических отношений между Японией и Ю. Кореей потребовал внимания (Kim 2017, 48) как до сих пор неразрешенный и в целом проблемный. Хотя японские власти в 1993 году признали осуществляемые страной сексуальные преступления военного времени и принесли извинения (Sterngold 1993), этого оказалось недостаточно для урегулирования спорного вопроса. В 2007 году

премьер-министр Японии Абэ Синдзо вернулся к этой полемике, утверждая, что нет доказательств насильственного характера использования женщин, тем самым опровергая основные пункты признания вины, прозвучавшие в 1993 году: «„Дело в том, что нет никаких доказательств, подтверждающих принуждение“, — сказал Синдзо Абэ. „Мы должны исходить из этого“» (Japan's PM denies... 2007). Эти заявления вызвали новую волну протестов.

В 2015 году было принято совместное Соглашение о «женщинах для утешения» (*Agreement on Comfort Women*), по итогам которого министры иностранных дел Японии и Ю. Кореи выступили с заявлениями. Министр Кисида Фумио в частности заявил о решении учреждения фонда (Фонд примирения и исцеления создан в 2015, расформирован в 2018 г.), занимающегося оказанием поддержки бывшим «женщинам для утех», единовременное финансирование которого взяло на себя правительство Японии, вследствие чего: «...правительство Японии подтверждает, что этот вопрос решен окончательно и бесповоротно... Кроме того, вместе с правительством РК правительство Японии воздержится от обвинений или критики друг друга по этому вопросу в международном сообществе...» (Announcement by Foreign... 2015). Хотя южнокорейский министр иностранных дел Юн Бён Се подтвердил, что «вопрос решен окончательно и бесповоротно» (Announcement by Foreign... 2015), тем не менее соглашение было раскритиковано южнокорейской общественностью — оппозиционными по отношению к действующей власти силами и некоторыми еще живыми «женщинами для утешения». Критика заключалась в игнорировании мнения самих жертв и заключение сделки, удобной для власти, минуя публичные обсуждения (Matsuo 2020). Выделенные жертвам деньги являлись фактически гуманитарной помощью, а не компенсацией за пережитое, тем самым этот жест носил исключительно финансово-экономический характер. В то время, как южнокорейские общественники хотят извинений наподобие тех, «которые правительство США принесло японо-американцам, отправленным в лагеря для интернированных во время Второй мировой войны. Эти извинения были одобрены Конгрессом и подписаны в 1988 году президентом Рональдом Рейганом» (Japan's PM denies... 2007). Японское правительство же не признало систематический государственный характер преступления (Ward, Lay 2016, 256, 258, 264), формализовав свои извинения (т. е. не повинившись непосредственно перед самими женщинами, которые

оставались на тот момент в живых, а сделав этот процесс официально-формальным и поверхностным) и выплаты. Бывшие вианбу хотят, чтобы Япония приняла юридическую ответственность (в частности, было выдвинуто требование включения главы о сексуальных преступлениях японцев в учебники для предотвращения подобного в будущем (Ward, Lay 2016, 258)) и предложила официальные репарации.

В 2011 году перед посольством Японии в Сеуле был установлен памятник вианбу. Он является частью перформативной акции «*the Wednesday Demonstration*», проходящей каждую среду перед посольством Японии в Сеуле. Акция проводится, начиная с 8 января 1992 года, когда накануне приезда премьер-министра Японии Киити Миядзавы были выдвинуты основные требования: «Японское правительство должно признать, что оно насильно призывало корейских женщин в качестве военных женщин для утех, и официально извиниться за это; Япония должна сама раскрыть весь масштаб злодеяний; построить мемориал жертвам; выплатить компенсация выжившим и их семьям; чтобы избежать повторения этих ошибок, учить этому факту посредством исторического образования; наказать виновных» (이칭 — Lee Ching 2024b). С 2010 года памятники вианбу появляются в различных городах США, стране, выступающей посредником урегулирования сложных взаимоотношений Кореи и Японии по этому вопросу, а также в других странах. Такой же памятник был установлен гражданской группой в декабре 2016 года на тротуаре напротив Генерального консульства Японии в Пусане (Japan's Efforts... 2024).

Проблема, связанная с этим символическим мемориальным памятником, заключается в том, что внутри Японии тема «женщин для утешения» также актуальна и вызывает дискуссии в контексте корейско-японских исторических отношений. Внутри нее также происходит раскол, часть общества считает ожидания Кореи слишком завышенными и не видит необходимости в выполнении требований вианбу. Кроме того, значительная часть японцев положительно оценивает колониальную политику своих властей, сравнивая ее с завоеваниями западной цивилизации. В качестве одного из аргументов выступает то, что Корея и Тайвань добились современного уровня развития и прогресса не в последнюю очередь благодаря японскому влиянию. Многие японцы отрицают необходимость покаяния, ставя под сомнение и жестокое обращение с «женщинами для утешения» (Ward, Lay 2016, 263), и даже тот факт, что их можно

назвать таковыми (поскольку, возможно, некоторые из них имели добровольные отношения с японскими солдатами (Wang 2020)). Оппозиция выступает за необходимость удаления памятников вианбу перед своими посольствами и консульствами в Корею, критикуя свое правительство за неспособность повлиять на этот процесс.

Корея находилась под колониальным управлением, начиная с 1910 года и вплоть до 1945 года, когда Япония потерпела военное поражение. Взаимоотношения двух стран в течение всего XX века были неоднозначными и напряженными. Уже с конца XIX века Корея выбрала противопоставление себя Японии и антияпонизм в качестве важной составляющей своей национальной идентичности (Асмолов, Пугачева 2024, 118), после Второй мировой войны антияпонские настроения только укрепились. Проблема «женщин для утешения» явилась частью этого перманентного конфликта, примирение в котором на данный момент, по-видимому, невозможно. Обе страны не одно десятилетие пытаются найти подходы к ее решению.

Интерпретация прошлого всегда проблематична и вписывается в герменевтический круг, предполагающий, что всякий раз новый пересмотр дела происходит в контексте исторического времени, в котором находится интерпретатор. Прошлое не неизменно, оно представляет собой комплекс представлений о событиях, которые освещаются ценностным отношением к ним. В 1995 году японский профессор, историк левых взглядов Ёсими Ёсиаки выпустил книгу «Военные женщины для утешения» (從軍慰安婦), основанную на собранных им документах и свидетельствах (в 2000 году переведена на английский язык), которая оказала влияние на освещение этой темы в академическом и политическом дискурсе. Однако книга подверглась критике со стороны «правых», опровергающих официальное участие Японии в организации системы «станций утешения» (Wang 2020). Внутри самой Японии это прошлое также воспринимается неоднозначно.

Вышедшая в Японии в 2014 году книга корейки Пак Ю Ха «„Женщины для утешения“ Японской империи: колониальное правление и борьба за память» (Pak Yu-ha «Comfort Women of the Japanese Empire: Colonial Rule and the Battle over Memory») также вызвала множество дебатов и юридических исков, нацеленных на изъятие части текста (Kim 2017, 47), что показывает, насколько данная тема продолжает оставаться болезненной. Автор предлагала расширенное рассмотрение проблемы «*comfort women*» как маркера колониальных отношений

(в частности, она отмечала, что вербовка зачастую осуществлялась прояпонски настроенными корейцами, и в целом Корея была японской колонией, следовательно «женщины для утешения» не могут рассматриваться в категориях агрессора и жертвы, они были «жертвами империи» (Lee 2019, 84), что позволяет их рассматривать в качестве «секс-работниц» (Lee 2019, 85)), патриархальной системы корейского общества, социокультурных табу и цензурирования, практик мемориализации (которые включают в себя в частности пересмотр официальной истории (Гун 2018, 48)) и т. д. Сам факт того, что Пак Ю Ха подвергла сомнению однозначные трактовки феномена «женщин для утешения» и постаралась представить его как более сложное явление, рационализовав его, вызвало лавину критики.

До 1993 года японское правительство, вербовавшее женщин для эксплуатации в военных борделях, настаивало на отсутствии доказательств принудительного характера такой вербовки. Попытки ревизии, утвердившейся в общественном сознании за последние несколько десятилетий представлений проблемы вианбу, продолжают появляться. Исследования, в которых приводятся факты и допущения добровольного участия отдельных женщин в сексуальных отношениях с японскими солдатами, получая от последних какие-то материальные выгоды, как правило, всегда получают негативную международную реакцию ученых, общественных организаций, активистов, которые считают, что такие публикации представляют собой «... часть продолжающихся научных усилий по легитимации японского имперского прошлого и продвижению крайне правой идеологии как в Японии, так и за ее пределами» (Yang, Asahina 2024, 129). В самой же Японии эти работы получают признание и поддержку. Так, книга Pak Yu-ha (сама автор обучалась в японских вузах, где также получила ученую докторскую степень) была удостоена нескольких японских наград.

История взаимоотношений Японии и Южной Кореи по теме «женщин для утешения» далеко не закончена — это живая травма, которая каждый раз заново запускает механизм памяти, состоящий из обвинений, оправданий и извинений. Каждая новая попытка подвести итог, чтобы нормализовать отношения двух стран, поднимает волну эмоций, сопровождаемую акциями и обменом мнениями. Самих вианбу с каждым годом по мере отдаления исторических событий становится все меньше. Часть из них проживает в доме престарелых *House of Sharing* в Кванджу, который функционирует с 1992 года как место, объединяющее «женщин для утеше-

ния», также он включает в себя *The Museum of Sexual Slavery by Japanese Military*, открытый для посещения. Но в последние несколько десятилетий выпускаются книги (переведенная на русский язык графическая книга Ким-Жандри Кымсук «Трава. История „женщин для утешения“». Из воспоминаний Ли Оксон», 2018, роман корейско-американской писательницы Нора Окья Келлер «Женщина для утешения», 1997, Park (имя не разглашается, поскольку сама книга считается действительным документом эпохи от очевидца, участвовавшего в работе «станции» в 1943–1944 годах) «Дневник начальника японской военной «станции утешения» («Diary of a Japanese Military Comfort Station Manager»), 2013 и др.), снимаются документальные и художественные фильмы по этой теме.

Репрезентация культурной травмы, связанной с вианбу, в кинематографе связана с такими фильмами, как «Возвращение на родину» («Gwihyang») 2016 года, реж. Чо Джоннэ, «Снежная дорога» 2017 года, реж. Ли Начжон, «Ее история» («Herstory») 2018 года, реж. Мин Гюдон. Фильм «Возвращение на родину» («Gwihyang», что в переводе означает «возвращение духов домой») был выпущен в 2016 году. Режиссером фильма выступил Чо Джоннэ. Фактически, данный фильм является первым произведением массовой культуры, посвященным вианбу. Изначально показ фильма был отложен из-за отсутствия кинотеатров, готовых к его демонстрации. Премьера состоялась 1 марта, в годовщину движения за независимость Кореи. В фильме присутствуют жестокие и даже кровавые сцены, однако в последующих картинах насилие будет использоваться в более метафорических формах или вообще оставаться за кадром. Особенностью данного фильма является изображение корейского шаманизма, который играет ключевую роль в разрешении внутреннего конфликта главной героини. В период японского империализма корейская культура подвергалась жестоким репрессиям, и многие традиции были практически уничтожены. Однако главная героиня находит в своей культуре и национальных традициях силы для преодоления своих внутренних противоречий. В то же время правительственный аппарат республики предстает одним из антагонистов картины, так как подвергает жертв виктимизации на государственном уровне, стирая их след в истории.

Кинолента «Снежная дорога» вышла в прокат годом позже, в 2017-м, в ту же символическую дату 1 марта. Это единственный фильм о вианбу, снятый женщиной-режиссером Ли Начжон. История усложнена за счет присутствия персонажей разных социальных групп,

которых объединяет случившаяся с ними трагедия. Одна из девушек из состоятельной семьи, она посещает школу в Корее, но мечтает поехать в Японию, чтобы получить образование и вернуться в родной городок преподавателем. Вторая девушка из бедной семьи, она только мечтает о возможности посещения школы, чтобы выучиться читать, ее главное желание — выйти замуж за брата первой героини. Изначально очень разные и по жизненным целям, и ментально, они становятся жертвами военной машины. По всем канонам фильмов о японском империализме, созданных не только в Южной Корее, но и в Китае, первая девушка, фактически японка, «искупает» свой коллаборационистский грех, жертвуя собой ради подруги из бедной, но «настоящей» корейской семьи. Корейская героиня спасается из плена захватчиков, вынужденно присваивая себе имя первой ради выплат от государства. Однако прошлое ее не отпускает, полноценной жизни мешает перманентное чувство вины, которое постоянно присутствует с ней в виде «призрака» спасительницы. Фильм наполнен метафорами (например, сделан акцент на обуви, показывающей путь, проделанный вместе еще совсем молодыми девушками).

Кинокартина «Ее история» (*«Herstory»*) вышла в мировой прокат в 2018 году. Обращаясь к теме вианбу, режиссер отказался от воссоздания на экране исторического прошлого, целиком сосредоточившись на настоящем — 1990-х годах, когда проблема «женщин для утешения» только начала публично подниматься. Здесь есть деловая женщина, которая сдает свои помещения в коммерческих целях женской ассоциации, но постепенно узнает истории вианбу и начинает активную помощь в предании огласке их историй. Режиссер показывает стигматизацию «женщин для утешения» как со стороны Японии, так и внутри Южной Кореи в те годы. Шестилетний судебный процесс с японским правительством служит фоном, на котором демонстрируются вианбу, разные по привычкам и характерам, а также сложный процесс признания исторического прошлого со стороны Южной Кореи и Японии.

История колониальных отношений не заканчивается вместе с официальным признанием независимости страны, они находят отражение в ментальности народа, наглядным свидетельством чему является обсуждение и репрезентация проблемы «женщин для утешения» в корейском обществе и культуре. Прошло не одно десятилетие, прежде чем эта тема была озвучена и попала как в политический и академический, так и медийный дискурс.

Бывшая в подчинении страна — Южная Корея — активно занималась самоопределением и самоосмыслением, и национально-культурное противопоставление Японии заняло важное место в этом процессе. Несмотря на то, что сексуальные преступления в условиях военного конфликта повсеместное явление, «женщины для утешения» — это совершенно самостоятельный феномен, который сама корейская нация воспринимает как национальную трагедию угнетенного народа.

Южная Корея только в последние три десятилетия смогла абсорбировать тему «женщин для утешения» как часть своей национальной идентичности. Такое позднее признание нашло выражение в художественных репрезентациях: литературе, кинематографе, фотографии, а также в академических трудах. Прошлое подвижно, его ценностно-символические смыслы изменяются в соответствии с «повесткой дня», ангажированностью и готовностью общества воспринять те или иные факты и их истолкование. То, что в общественном сознании «женщины для утешения» стали видимы, маркирует происходящие трансформации в осознании Южной Кореей своего колониального прошлого, которое требует внимания, поскольку продолжает активно влиять на настоящее. Репрезентации предоставляют возможность проследить, как современное поколение корейцев формируют национальную идентичность, обращаясь к истории.

Конфликт интересов

Авторы заявляют об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Вклад авторов

Антонян К. Г. — культурно-исторический контекст, выстраивание логики и структуры текста. Санжиева А. В. — раздел, посвященный репрезентации анализируемой проблемы в кинематографе.

Author Contributions

K. G. Antonyan — cultural and historical context, work on the logic and the structure of the text. A. V. Sanzhieva — section on the representation of the analyzed phenomenon in cinematography.

Литература

- Асмолов, К. В., Пугачева, О. С. (2024) Политика Юн Сок Ёля в отношении Японии: причины изменения подхода и перспективы. *Японские исследования*, № 3, с. 113–132. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-113-132>
- Гун, Г. Е. (2018) Процессы мемориализации в современной культуре. *Вестник культуры и искусств*, № 2 (54), с. 46–52.
- Жигалева, Ю. Е. (2017) Сексуальное насилие в условиях конфликтов: проблема виктимизации женщин. *Juvenis Scientia*, № 4, с. 32–35.
- Мушинова, И. А., Гракова, Ю. В. (2020) Роль неправительственных организаций в решении проблемы «станций утешения» на примере корейского Совета по делам женщин, привлеченных Японией к сексуальному рабству в военное время. *Современные востоковедческие исследования*, т. 2, № 1, с. 71–79.
- Announcement by foreign ministers of Japan and the Republic of Korea at the joint press occasion (2015) *Ministry of foreign affairs of Japan*, 28 December. [Online]. Available at: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (accessed 14.12.2024).
- Japan's efforts on the issue of comfort women. *Ministry of foreign affairs of Japan*. [Online]. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/postwar/page22e_000883.html (accessed 14.12.2024).
- Japan's PM denies "comfort women" coerced (2007) *NBC News*, 1 March. [Online]. Available at: <https://www.nbcnews.com/id/wbna10625961> (accessed 14.12.2024).
- Kim, M. H. (2017) Dilemma of historical reflection in East Asia and the issue of Japanese military "Comfort Women": Continuing colonialism and politics of denial. *S/N Korean Humanities*, vol. 3, № 1, pp. 43–68. <https://doi.org/10.17783/IHU.2017.3.1.43>
- Lee, H. (2019) Comfort women of the Empire and the politics of memory. *Seoul Journal of Japanese Studies*, vol. 5, № 1, pp. 81–110.
- Matsuo, T. (2020) The comfort women agreement 5 years on. *KEI*, 8 December. [Online]. Available at: <https://keia.org/the-peninsula/the-comfort-women-agreement-5-years-on/> (accessed 14.12.2024).
- Myadar, O., Davidson, R. A. (2020). Remembering the "comfort women": Geographies of displacement, violence and memory in the Asia-Pacific and beyond. *Gender, Place & Culture*, vol. 28, № 3, pp. 347–369. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2020.1715351>
- Nordås, R., Cohen, D. K. (2021) Conflict-related sexual violence. *Annual Review of Political Science*, vol. 24, № 1, pp. 193–211. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102620>
- Sterngold, J. (1993) Japan admits army forced women into war brothels. *The New York Times*, 5 August. [Online]. Available at: <https://www.nytimes.com/1993/08/05/world/japan-admits-army-forced-women-into-war-brothels.html> (accessed 14.12.2024).
- Ward, T. J., Lay, W. D. (2016) The comfort women controversy: Not over yet. *East Asia*, vol. 33, pp. 255–269. <https://doi.org/10.1007/s12140-016-9260-z>
- Wang, Q. E. (2020). The study of "comfort women": Revealing a hidden past—introduction. *Chinese Studies in History*, vol. 53, № 1, pp. 1–5. <https://doi.org/10.1080/00094633.2019.1691414>
- Yang, M., Asahina, Y. (2024) Strange bedfellows: Why right-wing intellectuals in South Korea chose to cooperate with their country's former coloniser. *Nations and Nationalism*, vol. 30, № 1, pp. 128–143. <https://doi.org/10.1111/nana.12984>
- 이칭 (2024a) 군위안부(軍慰安婦), 종군위안부(從軍慰安婦), 성노예. *한국민족문화대백과사전*. [Online]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0050509> (accessed 14.12.2024).
- 이칭 (2024b) 일본군 '위안부' 문제 해결을 위한 정기 수요시위. *한국민족문화대백과사전*. [Online]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0079680> (accessed 14.12.2024).

References

- Announcement by foreign ministers of Japan and the Republic of Korea at the Joint press occasion (2015) *Ministry of foreign affairs of Japan*, 28 December. [Online]. Available at: https://www.mofa.go.jp/a_o/na/kr/page4e_000364.html (accessed 14.12.2024). (In English)
- Asmolov, K. V., Pugacheva, O. S. (2024) Politika Yun Sok Elya v otnoshenii Yaonii: prichiny izmeneniya podhoda i perspektivy [Yoon Suk Yeol's policy towards Japan: Reasons for changing approach and prospects]. *Yaponskie issledovaniya — Japanese Studies in Russia*, no. 3, pp. 113–132. <https://doi.org/10.55105/2500-2872-2024-2-113-132> (In Russian)
- Gun, G. E. (2018) Protsessy memorializatsii v sovremennoj kul'ture. [Memorialization processes in modern culture]. *Vestnik kul'tury i iskusstv — Culture and Arts Herald*, no. 2(54), pp. 46–52. (In Russian)
- Japan's efforts on the issue of comfort women. *Ministry of foreign affairs of Japan*. [Online]. Available at: https://www.mofa.go.jp/policy/postwar/page22e_000883.html (accessed 14.12.2024). (In English)
- Japan's PM denies "comfort women" coerced (2007) *NBC News*, 1 March. [Online]. Available at: <https://www.nbcnews.com/id/wbna10625961> (accessed 14.12.2024). (In English)

- Kim, M. H. (2017) Dilemma of historical reflection in East Asia and the issue of Japanese Military “Comfort Women”: Continuing colonialism and politics of denial. *S/N Korean Humanities*, vol. 3, no. 1, pp. 43–68. <https://doi.org/10.17783/IHU.2017.3.1.43> (In English)
- Lee, Ch. (2024a) 군위안부(軍慰安婦), 종군위안부(從軍慰安婦), 성노예 [Military comfort women]. *한국민족문화대백과사전 [Encyclopedia of Korean Ethnic Culture]*. [Online]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0050509> (accessed 14.12.2024). (In Korean)
- Lee, Ch. (2024b) 일본군 “위안부” 문제 해결을 위한 정기 수요시위 [Regular demand demonstrations to solve the Japanese military «comfort women» problem]. *한국민족문화대백과사전 [Encyclopedia of Korean Ethnic Culture]*. [Online]. Available at: <https://encykorea.aks.ac.kr/Article/E0079680> (accessed 14.12.2024). (In Korean)
- Lee, H. (2019) Comfort women of the Empire and the politics of memory. *Seoul Journal of Japanese Studies*, vol. 5, no. 1, pp. 81–110. (In English)
- Matsuo, T. (2020) The comfort women agreement 5 years on. *KEI*, 8 December. [Online]. Available at: <https://keia.org/the-peninsula/the-comfort-women-agreement-5-years-on/> (accessed 14.12.2024). (In English)
- Musinova, I. A., Grakova, Yu. V. (2020) Rol' nepravitel'stvennykh organizatsij v reshenii problemy “stantsij utesheniya” na primere korejskogo Soveta po delam zhenshchin, privilechennykh Yaponiej k seksual'nomu rabstvu v voennoe vremya. [The role of NGOs in addressing the problem of “comfort stations” for example, the Korean council for justice and remembrance for the issues of military sexual slavery by Japan]. *Sovremennye vostokovedcheskie issledovaniya — Modern oriental studies*, vol. 2, no. 1, pp. 71–79. (In Russian)
- Myadar, O., Davidson, R. A. (2020). Remembering the “comfort women”: Geographies of displacement, violence and memory in the Asia-Pacific and beyond. *Gender, Place & Culture*, vol. 28, no. 3, pp. 347–369. <https://doi.org/10.1080/0966369X.2020.1715351> (In English)
- Nordås, R., Cohen, D. K. (2021) Conflict-related sexual violence. *Annual Review of Political Science*, vol. 24, no. 1, pp. 193–211. <https://doi.org/10.1146/annurev-polisci-041719-102620> (In English)
- Sterngold, J. (1993) Japan admits army forced women into war brothels. *The New York Times*, 5 August. [Online]. Available at: <https://www.nytimes.com/1993/08/05/world/japan-admits-army-forced-women-into-war-brothels.html> (accessed 14.12.2024). (In English)
- Ward, T. J., Lay, W. D. (2016) The comfort women controversy: Not over yet. *East Asia*, vol. 33, pp. 255–269. <https://doi.org/10.1007/s12140-016-9260-z> (In English)
- Wang, Q. E. (2020). The study of “comfort women”: Revealing a hidden past-introduction. *Chinese Studies in History*, vol. 53, no. 1, pp. 1–5. <https://doi.org/10.1080/00094633.2019.1691414> (In English)
- Yang, M., Asahina, Y. (2024). Strange bedfellows: Why right-wing intellectuals in South Korea chose to cooperate with their country's former coloniser. *Nations and Nationalism*, vol. 30, no. 1, pp. 128–143. <https://doi.org/10.1111/nana.12984> (In English)
- Zhigaleva, Yu. E. (2017) Seksual'noe nasilie v usloviyakh konfliktov: problema viktimizatsii zhenshchin. [Sexual violence in conflict settings: Problem of women's victimisation]. *Juvenis Scientia*, no. 4, pp. 32–35. (In Russian)

Сведения об авторах

Карина Георгиевна Антонян, SPIN-код: 6916-2425, Scopus AuthorID: 57219606185, ResearcherID: Y-3527-2019, ORCID: 0000-0001-9877-7624, e-mail: tursa@list.ru

Кандидат культурологии, доцент, доцент кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Алтан Витальевна Санжиева, SPIN-код: 6820-6144, e-mail: shizik-san@mail.ru

Магистрант кафедры теории и истории культуры Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Authors

Karina G. Antonyan, SPIN: 6916-2425, Scopus AuthorID: 57219606185, ResearcherID: Y-3527-2019, ORCID: 0000-0001-9877-7624, e-mail: tursa@list.ru

Candidate of Sciences (Culturology), Associate Professor, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Altana V. Sanzhieva, SPIN: 6820-6144, e-mail: shizik-san@mail.ru

Master's student, Department of Theory and History of Culture, Herzen State Pedagogical University of Russia

Литературы народов мира.
Раздел «Кросскультурные исследования
в литературоведении»

УДК 83-3

EDN BBLPGR

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-54-61>

Отношение Н. Лескова к творчеству и личности Г. Гейне

Г. В. Стадников

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования: Стадников, Г. В. (2025) Отношение Н. Лескова к творчеству и личности Г. Гейне. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 54–61. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-54-61> EDN BBLPGR

Получена 10 декабря 2024; прошла рецензирование 20 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Г. В. Стадников (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. В шестидесятые годы XIX века Генрих Гейне был одним из самых известных в России зарубежных писателей. Интересен он был и Н. Лескову, в художественной прозе и эпистолярной которого не раз появлялись мотивы и образы из творчества немецкого поэта, что показано в статье на целом ряде примеров. При этом особого внимания заслуживает отсылка Лескова к имени Гейне в романе «Некуда». В скрытой форме она обращает читателя к остро обсуждаемой в критике проблеме — духовного обращения немецкого поэта в конце его жизни. Актуальность этой статьи в том, что данный вопрос, как и в целом характер отношений Лескова к Гейне, еще специально не изучался. Также и комментаторы рассмотренную в статье сцену из романа, как правило, оставляют без внимания.

Ключевые слова: образ, мотив, проза, эпистолярная, сатира, роман

N. Leskov and his attitude to the creative output and personality of H. Heine

G. V. Stadnikov

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Stadnikov, G. V. (2025) N. Leskov and his attitude to the creative output and personality of H. Heine. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 54–61. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-54-61> EDN BBLPGR

Received 10 December 2024; reviewed 20 January 2025; accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © G. V. Stadnikov (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. In the 1860s, Heinrich Heine was one of the most famous foreign writers in Russia. He was also of interest to N. Leskov, whose prose fiction and collection of letters repeatedly harked back to the motifs and images found in the German poet's body of work, as shown in this article by a whole range of examples. Worthy of special attention is Leskov's mention of Heine's name in his novel *No Way Out*. It implicitly brings up the issue vigorously discussed in criticism — the German poet's spiritual conversion in his twilight years. What makes this article relevant is that neither this topic nor Leskov's overall attitude to Heine have been specifically studied yet. Furthermore, commentators tend to attach no importance to the scene explored in this article.

Keywords: image, motif, prose, collections of letters, satire, novel

Одним из самых интересных зарубежных писателей для Н. Лескова был Генрих Гейне. Однако Лесков не оставил каких-либо определенных суждений о личности Гейне, как и оценок его творчества. А вот на стихи и прозу Гейне ссылался в течение всей своей творческой жизни. И, конечно же, был заинтересованным читателем Гейне. Ведь не случайно, впервые отправившись за границу, Лесков среди самых необходимых вещей захватил и томик стихов Гейне. Вспоминая об этом, Лесков писал: «В моем чемодане нашли словарь, избранные стихотворения Гейне... Вертели, шептались и положили назад» (Катков 1856). Сомнения таможенников — дозволить или нет — были вполне понятны: и в России, и за границей Гейне считался писателем неблагонадежным. А то, что в дорожном чемодане Лескова была именно книжка стихотворений Гейне, позволяет предполагать, что первоначально его заинтересовала лирика немецкого поэта. Однако по мере возрастания в творчестве Лескова критических нот его внимание все больше переключалось на Гейне-сатирика, а книгой немецкого поэта, к которой чаще других отсылал Лесков, была «язвительная» поэма «Атта Тролля. Сон в летнюю ночь». Но не только самую поэму, но и предисловие к ней хорошо знал Лесков. При этом особенно заинтересовали Лескова строки предисловия, которыми Гейне осмеял «бесполезный туман энтузиазма» современных верноподданных поэтов, похожих на американского матроса, «который однажды прыгнул с верха мачты в море, крикнув при этом: „Я умираю за генерала Джексона!“» (Гейне 1957, 182). Эту фразу Лесков привел в работе «Русское общество в Париже» (Лесков 1873, 517), уместной она оказалась в публицистическом обзоре «Русские общественные заметки» (1869), в романе «Островитяне» (Лесков 1957а, 59). Причем каждый раз Лесков этими строчками намекал на современные нравы. Имея ввиду и свое окружение, он писал: сколько на самом деле есть «разных генералов Джексонов, и на сколько ладов каждый человек умудряется умереть за своего Джексона» (Лесков 1957а, 59).

Очень интересен был Лескову и образ самого Атта Тролля. Знакомая, заросшая шерстью фигура несравненного медведя привиделась Лескову в лице героя сатирической повести «Смех и горе», священнике Иване. Его «заросшее бородой под самые глаза лицо напоминало о лохматом Атта Тролле» (Лесков 1957b, 57). Вспомнился Атта Тролля писателю, когда он «с злостью и раздражением» дописывал роман «На ножах» (Лесков 1958с, 300). Не забыт был

образ Атта Тролля и в других, казалось бы, совсем неожиданных жизненных ситуациях: и когда Лесков читал рассказ Л. Толстого (Афонин 1977, 137), и когда был вовлечен в танец на краковском рынке «бойкой полячкой» (Лесков 1984, 230).

В поле внимания Лескова оставались и другие герои поэмы Гейне. Так, избегая прямой критической оценки нигилиста из романа «Некуда», Лесков просто изображает его похожим на героя поэмы «швабского поэта», превращенного ведьмой в мопса. И точно так же, как бедный швабский поэт с усердием «кипятил настой ведьмы», нигилист в подпольной типографии, похожей на берлогу, трудился над изготовлением ведьминога настоя (Лесков, 1956, 403). И, напротив, желая вызвать сочувствие к уже другому герою, художнику, как скелет, мужичку из рассказа «Инквизитор», Лесков отослал читателя к одному из персонажей поэмы «Атта Тролля». Этим героем был встреченный Гейне на границе Франции «музыкант в плаще дырявом, нищета гнездилась в дырах, нищета из глаз глядела» (Гейне 1957, 206). Эпизод этот, свидетельствующий об искреннем сочувствии Гейне к бедным и отверженным, Лесков решил донести до русского читателя и своими словами: «Гейне видел в Пиренеях над бездной нищего испанца, который был покрыт лохмотьями и „у него гляделась бедность в каждую прореху; из очей глядела бедность, но исхудалыми перстами он щипал свою гитару. И описание этой бедности разрывало душу людей чувствительных и добрых...“» (Лесков 1958а, 334).

Есть среди героев Лескова и страстный любитель поэзии Гейне — художник Истомин из романа «Островитяне». Свою грусть и свою радость Истомин выражал обычно тем, что декламировал или напевал стихи Гейне: в трудные минуты жизни — слова песни «С толпой безумною не стану», в радостные — «Трубят голубые гусары». Но особенно трогательные чувства вызывала у Истомина судьба маленькой Вероники. Раннюю смерть этой чудной девушки из книги «Идеи. Книга Ле Гран», Истомин воспринимал как личную трагедию и, не скрывая своих чувств, признавался: «Я все читаю об этой „невыплаканной слезинке“. Эх, господи, как люди писать-то умеют! что это за прелесть, эта крошка Вероника! ее нет, а между тем ее чувствуешь» (Лесков 1957а, 79).

Заметим, что книга «Идеи. Книга Ле Гран» была и лично очень близка Лескову. В один из особенно трудных дней именно слова этой книги помогли писателю образно выразить свои горькие переживания. В исповедальном письме

к В. М. Бубновой (январь 1883), признаваясь, что «измучен нервами... болен прескверно и, может быть, безнадежно» Лесков назвал свое состояние «зубной болью в сердце» (Лесков 1984, 283). И точно так же Гейне, завершая книгу «Идеи. Книга ле Гран», писал, что в несчастье испытывал «зубную боль в сердце и это была самая скверная боль» (Гейне 1957, 157).

Примеры подобного рода не единичны: Лесков не раз, чтобы подкрепить свою мысль, призывал на «помощь» Гейне. Так, в очерке «Дух госпожи Жанлис», характеризуя существующее мнение о «всесовершенной красоте и невинности княгини», Лесков с иронией заметил, что вопрос этот столь же «неодолимо трудный», как тот, что безуспешно решали богословы в стихотворении Гейне «Диспут» (Лесков 1957с). Начиная рассказ «Тупейный художник», Лесков заметил, что «художником» может быть назван любой, кто достиг высшего мастерства в своем деле, и тут же сослался на Гейне, который писал в книге «Идеи. Книга ле Гран» о портном, который был «художником» и «имел идеи» (Лесков 1957d, 220). В рецензии «О рассказах и повестях А. Ф. Погосского» свои критические замечания Лесков подкрепил ссылкой на шутивную характеристику англичанок и француженок, содержащуюся в повести Гейне «Из мемуаров господина фон Шнабелвопского» (Лесков 1958d, 241). Причем, не раз ссылаясь на прозу Гейне, Лесков заметил, что она для него, как и проза Герцена, «пример, которому хотел бы следовать» (Лесков 1958b, 282). А в ироническом отзыве о романе В. Крестовского «Петербургские тайны», Лесков использовал слова из стихотворения «Трубят голубые гусары», первым переводчиком которого на русский язык был Н. Добролюбов (1857). Но широкую известность стихотворение получило благодаря переводу М. Михайлова. Переложил стихотворение на музыку Ц. Кюи, и оно стало популярной песней. В семье Лескова ее часто исполняли во время дружеских посиделок.

Даже эти, немногие примеры, свидетельствуют о том, что стихи и проза Гейне постоянно заявляли о себе в творчестве Лескова. При том некоторые цитаты из произведений Гейне, а иногда и просто упоминание его имени, имели большое смысловое значение. Особо показателен эпизод из романа «Некуда», который был написан именно в те годы, когда интерес к личности Гейне и его творчеству был особенно высок в русском обществе.

Кончина Гейне в феврале 1856 года вызвала громкий отклик в прессе. Подробно сообщалось о последних мучительных годах жизни поэта, которые, по его собственным словам, прошли

в «матрачной могиле». Журнал «Сын отечества», используя многочисленные зарубежные публикации о страданиях поэта в последние годы жизни, сообщал: «Уже десять лет из груди его вырывались только стоны и жалобы. Пригвожденный к постели, он походил на труп, обреченный всеожжению. В этом болезненном томлении жизни было для него как бы чистилище, он восклицал: „Я жажду страданий“» (Обзор французской литературы... 1856, 34). Личная трагедия поэта не могла не отразиться на его творчестве, которое в те годы, как замечал Михайлов, казалось каким-то «странным криком боли и отчаяния» (Михайлов 1856, 101).

При этом отметим, что во всех публикациях подобного рода обычно затрагивался вопрос о религиозных взглядах поэта, о его духовном обращении. Особую актуальность этот вопрос имел уже потому, что еще в тридцатые годы в определенной среде критиков сложилось мнение о Гейне, как о «кошунственном уничтожителе всего святого». Так, к примеру, утверждал немецкий литератор В. Менцель в статье, которая в переводе на русский язык появилась в журнале «Телескоп» в 1831 году (Менцель 1831, 159). В первой русской биографической справке о Гейне, опубликованной в 1839 году, немецкий поэт осуждался за свои безнравственные мнения о религии и политике, «за наглость в суждениях, за грубое неуважение к святыне и смешную страсть прослыть германским Вольтером» (Генрих Гейне 1838, 421). В той же тональности на страницах «Московского наблюдателя» утверждалось, что в душе Гейне поселился Мефистофель «вступивший в борьбу с божеством поэзии» (Кеннинг 1838, 472). И даже В. Жуковский в статье, опубликованной в журнале «Москвитянин» в 1848 году, имея в виду Гейне, называл подобного рода поэта «хулителем всякой святыни», а его поэзию «демонической, обезобразившей перед нами Божий лик» (Жуковский 1985, 330).

Однако эту точку зрения разделяли не все. И в первую очередь талантливым переводчик и биограф Гейне М. Михайлов, возможно, стараниями которого или близких ему литераторов, на страницах журнала «Русский вестник» появились отрывки из «Завещания» Гейне. Отвечая своим недоброжелателям, поэт писал: «вот уже четыре года, как я сложил с себя высокомерие философа и снова обратился к религиозным идеям; я умираю с верой в единого Бога, создателя всего сущего, и молю его милосердия для моей бессмертной души. Я раскаиваюсь в том, что говорил иногда без уважения в сочинениях моих о священных предметах, но я был побужден к тому, скорее, духом времени, чем моими

внутренними стремлениями... Господи, молю тебя, и прошу людей простить меня» (Катков 1856). А спустя несколько лет в журнале «Век» (1861) появился перевод последней книги Гейне «Признание», в которой поэт писал о своем духовном обращении, произошедшем в последние годы жизни (Гейне 1861a, Гейне 1861b, Гейне 1861c, Гейне 1861d). Заметим, что ранее, в 1855 году, эта книга в составе тома сочинений Гейне, изданного в Гамбурге на немецком, была запрещена цензурой «за неуважение к религии и безбожье» (Федоров 1935, 600). Или по воле переводчика, или по желанию редакции журнала, в состав которого в это время входил Лесков, книга Гейне была переименована и названа «Исповедь». Это соответствовало и содержанию, и тональности книги, отличавшейся глубокой искренностью и углубленным психологизмом. Гейне и в этой книге, как и в «Завещании», не отрицал, что временами действительно мог писать такое, за что его могли упрекнуть в атеизме. Но это, не всегда обдуманное, слово обычно было написано в пылу полемики, и за это он готов был теперь покаяться. Однако главным было все-таки то, что религиозное чувство никогда его не покидало. Атеизм, а значит и расщудочно-утилитарное отношение к миру, всегда было чуждо его творчеству. Не случайно, что, начиная свою книгу, поэт сразу же заявил: «Делая опустошительные набеги против романтики, я был им в большей мере, нежели думал сам» (Гейне 1861a, 878). А его религиозное чувство, особенно в последние годы жизни, укрепляла Библия — «святая книга... столь же источник спасения, сколько предмет благоговейного удивления» (Гейне 1861b, 954).

Книга «Исповедь» была хорошо известна Лескову. Причем особенно привлекали его те страницы, где Гейне писал о положении народа (Зенкевич 2022). Гейне не идеализировал народ и даже мог назвать народ «злым» и «невежественным». Но причины этого видел не в самом народе, а в неправом устройстве общества. Злым народ был, ибо он голоден, «невежествен», ибо лишен возможности получить образование. Все могло бы быть по-иному в других социальных условиях. Мысль эту Гейне выразил образно, а Лесков, полностью ее разделяя, почти дословно не раз повторил в своих работах: «Бедный народ не прекрасен, наоборот, он очень безобразен. Но безобразие это возникло от грязи и исчезнет вместе с нею, когда мы построим общественные бани, где его величество народ будет иметь возможность мыться бесплатно» (Лесков 1984, 459).

Однако «Исповедь» привлекала Лескова не только этими проблемами. Не мог остаться

без внимания для него и вопрос о религиозности Гейне. Тем более, что споры об этом не затихали, и немало было тех, кто слова исповеди Гейне считал притворством, эпатажем, игрой — а в лучшем случае минутным колебанием убежденного атеиста.

Публикация «Исповеди» в журнале «Век» (1861) по времени почти совпала с работой Лескова над романом «Некуда», опубликованном в журнале «Библиотека для чтения» в 1864 году. Так что можно предполагать, что одна из сцен этого романа была и откликом Лескова на дискуссию о духовном прозрении Гейне. Но включился Лесков в эту дискуссию, используя прием «внешней объективизации», к которому, как отмечал Б. Егоров, часто прибегали критики шестидесятники: назывался только факт, но отсылал он к многозначному смыслу (Егоров 1980, 293).

Однако несколько слов о героях этой сцены романа. Хорошо известно, что роман «Некуда» сразу же после выхода в свет был подвергнут суровой критике, Лескова обвиняли в том, что он зло окарикатурил «новых людей». Особым нетерпимым критиком Лескова был Д. Писарев, утверждавший, что в лице героев романа писатель изобразил своих близких и знакомых, но придал им такие черты, что они стали похожи на «отъявленных мошенников» (Писарев 1956, 2010).

Лесков не отрицал, что многих нигилистов, героев романа, изображал резко критично. Но при этом заметил, что в его романе есть «единственные во всей русской литературе безупречные и чистые нигилисты» (Фаресов 1904, 406). Лесков даже назвал их поименно, особенно подчеркнув, что его отношение к «новым людям» далеко не так однозначно, как это утверждают некоторые критики. «Выявляя низкие типы нигилистов, — писал Лесков, — я дал однако в „Некуда“ Лизу, Райнера и Помаду, каких не написал ни один апологет нигилизма (Лесков 1958g, 574).

Первым в ряду положительных героев Лесков назвал Лизу, образ которой в романе резко отличен от ее возможного прототипа. В реальной жизни, как утверждал К. Чуковский, прототипом героини романа была молодая нигилистка Маша Коптева, «избалованная, изящная московская барыня, дочь богатых родителей — ленивая, насмешливая, очень неглупая — приставшая к нигилизму случайно... особа с нескрываемым презрением к черни» (Чуковский 1934, 230).

Что же касается Лизы, то Лесков изобразил ее так, что она стала одним из привлекательных образов русской литературы XIX века. Даже

самые строгие критики романа не могли не признать это. Так, ведущий критик журнала «Русское слово», революционный демократ Н. Шелгунов, в целом отрицательно отзываясь о романе «Некуда», выделил образ Лизы как истинный тип девушки шестидесятых годов: «Она рвет все путы и имеет такой громадный запас активной силы, что будет пробиваться чрез все препятствия жизни одна, если не окажется охотников идти с ней вместе». Шелгунов сближал образ Лизы с тургеневским Базаровым, замечая, что они «изображают собою порыв положительного мышления к тому, что еще невозможно в осуществлении для большинства» (Шелгунов 1974, 201, 202).

Жизнь Лизы Бахеревой, как она изображена в романе, типична для многих девушек того времени. Дочь состоятельных родителей, она воспитывалась в семье, где строго соблюдались установления дворянского сословия. Девушка находилась под строгим надзором и ни в чем не могла проявить свою волю. И только после долгих раздумий и сомнений, несмотря на решительный запрет родителей, Лиза решила порвать с семьей и примкнуть к «новым» людям. Но став членом «Коммуны», она не нашла там своего места. Известие о казни одного из своих близких товарищей потрясает Лизу, и она заболевает и умирает.

В романе «Некуда» смерть Лизы — одна из самых художественно убедительных и драматических сцен. Умиравшую Лизу близкие умоляют исповедоваться и причаститься. Однако Лиза, еще находясь во власти своих недавних атеистических воззрений, решительно отказывается. Даже слезные просьбы ее старой няни: «Ты ведь христианского отца с матерью дитя: пожалей свою душеньку» — ничего не меняют в ее, казалось, непоколебимом решении. И тогда врач Розанов, также призывая Лизу одуматься, приводит самый убедительный аргумент: «Лизавета Егоровна! Гейне, умирая, поручил свою бессмертную душу богу, отчего же вы не хотите этого сделать, хоть для этих женщин, которые вас так любят... Хорошо, — произнесла с видимым усилием Лиза» (Лесков 1956, 690).

Обратим внимание, в самые трагические минуты, когда перед смертью человеку нужно

решиться на исповедь и причастие, в качестве авторитетного примера человека, истинно верующего в бога, называется имя Гейне. Так не была ли эта сцена своеобразным откликом на споры о религиозных взглядах Гейне, включившись в которые, Лесков полностью стал на сторону немецкого поэта? Но эта же сцена позволяет и судить, какое место в ряду интеллектуальных интересов «новых людей» занимал Гейне. Ведь Розанов произносит его имя без дополнительных пояснений, как хорошо всем известное. Также и у Лизы имя Гейне не вызывает никаких вопросов, как ей знакомое и авторитетное... При этом Гейне был интересен «новым людям» не только как поэт, если вспомнить, что упоминает о нем Розанов и в одном из споров, касающихся национального вопроса (Лесков 1956, 352).

Кратко подводя итоги темы, заявленной в заглавии статьи, можно утверждать, что у Лескова было очень доброжелательное и сочувственное отношение к Гейне, имя которого совсем не случайно прозвучало в одной из самых драматических сцен романа «Некуда».

И остается пожалеть, что обычно сцену смерти Лизы Бахеревой, где упомянуто имя Гейне, комментаторы романа «Некуда» оставляют без внимания.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Финансирование

Исследование не имело финансовой поддержки.

Financing

The study had no financial support.

Источники

Катков, М. Н. (ред.). (1856) Вести из Парижа. *Русский вестник*, т. 2, № 7 (апрель), кн. 1., с. 233–239.

Гейне, Г. (1957) Атта Троль. В кн.: *Собрание сочинений в 10 т. Т. 2*. М.: Художественная литература, с. 181–253.

Гейне, Г. (1861a) Исповедь. Пер. П. Н. Обнинского. *Век*, № 28, с. 878–882.

- Гейне, Г. (1861b) Исповедь. Пер. П. Н. Обнинского. *Век*, № 30, с. 924–928.
- Гейне, Г. (1861c) Исповедь. Пер. П. Н. Обнинского. *Век*, № 31, с. 952–956.
- Гейне, Г. (1861d) Исповедь. Пер. П. Н. Обнинского. *Век*, № 33, с. 1005–1009.
- Лесков, Н. С. (1873) *Русское общество в Париже*. СПб.: Типография Скрябина, 206 с.
- Лесков, Н. С. (1956) Некуда. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 2*. М.: Художественная литература, с. 7–708.
- Лесков, Н. С. (1957a) Островитяне. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 3*. М.: Художественная литература, с. 5–193.
- Лесков, Н. С. (1957b) Смех и горе. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 3*. М.: Художественная литература, с. 382–571.
- Лесков, Н. С. (1957c) Дух госпожи Жанлис. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 7*. М.: Художественная литература, с. 79–92.
- Лесков, Н. С. (1957d) Тупейный художник. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 7*. М.: Художественная литература, с. 220–242.
- Лесков, Н. С. (1958a) Импровизаторы. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 9*. М.: Художественная литература, с. 322–339.
- Лесков, Н. С. (1958b) Письмо к С. А. Юрьеву, 18 декабря 1870. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*. М.: Художественная литература, с. 280–283.
- Лесков, Н. С. (1958c) Письмо П. К. Щебальскому, 16 апреля 1871. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 10*. М.: Художественная литература, с. 306–311.
- Лесков, Н. С. (1958g) Письмо М. О. Меньшикову от 12 февраля 1894 года. В кн.: *Собрание сочинений в 11 томах. Т. 11*. М.: Художественная литература, с. 574

Литература

- Афонин, А. Н. (1977) Книги из библиотеки Лескова в государственном музее И. С. Тургенева. В кн.: *Литературное наследство. Из истории русской общественной мысли 1860–1890 гг. Т. 87*. М.: Наука, с. 130–158.
- Егоров, Б. Ф. (1980) *О мастерстве литературной критики. Жанр. Композиция. Стиль*. Л.: Советский писатель, 318 с.
- Генрих Гейне (1838) В кн.: *Энциклопедический лексикон. Т. 13*. СПб.: тип. А Плюшара, С. 424 с.
- Жуковский, В. А. (1985) О поэте и современном его значении. Письмо к Гоголю. В кн.: *Эстетика и критика*. М.: Искусство, с. 328–339.
- Зенкевич, С. И. (2022) «Гейне был прав». Из комментария к одному из суждений Н. С. Лескова. В кн.: *Мир романтизма*. Тверь: Изд-во Тверского государственного университет, с. 178–187.
- Кеннинг, Г. (1838) О теперешнем состоянии немецкой литературы. *Московский наблюдатель*, апрель, ч. 9, кн. 62, с. 422–472.
- Лесков, А. (1984) *Жизнь Николая Лескова. В 2-х томах. Т. 1*. М.: Художественная литература, 479 с.
- Менцель, В. (1831) Взгляд на прошедшее пятнадцатилетие немецкой литературы. *Телескоп*, № 1-5, с. 145–170.
- Михайлов, М. (1856) Генрих Гейне. *Русский вестник*, март, с. 101–109.
- Обзор французской литературы. О смерти Гейне. (1856) *Сын отечества*, № 2, 15 апреля, с. 34.
- Писарев, Д. (1956) Прогулки по садам российской словесности. В кн.: *Сочинения: в 4 томах. Т. 3*. М.: Художественная литература, с. 251–306.
- Фаресов, А. И. (1904) *Против течения. Лесков Н. С. Его жизнь, сочинения, полемика и воспоминания*. СПб.: Типография М. Меркушева, 411 с.
- Федоров, А. (1935) Генрих Гейне в царской цензуре. В кн.: *Литературное наследство. Т. 22–24*. М.: Наука, с. 635–678.
- Чуковский, К. (1934) *Люди и книги шестидесятых годов*. Л.: Издательство писателей в Ленинграде, 308 с.
- Шелгунов, Н. В. (1974) Люди сороковых и шестидесятых годов. В кн.: *Литературная критика*. М.: Художественная литература, с. 39–210.

Sources

- Heine, H. (1957) Atta Troll. In: *Sobranie sochinenij v 10 tomakh. T. 2 [Heinrich Heine. Collected Works in 10 Vols. Vol. 2]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 181–253. (In Russian)
- Heine, H. (1861a) Ispoved' [Confessions]. *Vek [Century]*, no. 28, pp. 878–882. (In Russian)
- Heine, H. (1861b) Ispoved' [Confessions]. *Vek [Century]*, no. 30, pp. 924–928. (In Russian)
- Heine, H. (1861c) Ispoved' [Confessions]. *Vek [Century]*, no. 31, pp. 952–956. (In Russian)
- Heine, H. (1861d) Ispoved' [Confessions]. *Vek [Century]*, no. 33, pp. 1005–1009. (In Russian)
- Leskov, N. (1873) *Russkoe obshchestvo v Parizhe [The Russian society in Paris]*. Saint Petersburg: Skryabin's Publ., p. 206. (In Russian)

- Leskov, N. (1956) Nekuda [Nowhere]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 2 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 2]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 7–708. (In Russian)
- Leskov, N. (1957a) Ostrovityane [The Islanders]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 3 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 3]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 5–193. (In Russian)
- Leskov, N. (1957b) Smekh i gore [Laughter and grief]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 3 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 3]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 382–571. (In Russian)
- Leskov, N. (1957c) Dukh gospozhi Zhanlis [The Spirit of Mrs. Janlis]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 7 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 7]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 79–92. (In Russian)
- Leskov, N. (1957d) Tupejnyj khudozhnik [The toupee artist]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 7 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 7]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 220–242. (In Russian)
- Leskov, N. (1958a) Improvizatory [Improvisers]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh T. 9. [Collected works in 11 Volumes. Vol. 9]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 322–339. (In Russian)
- Leskov, N. (1958b) Pis'mo k S. A. Yur'evu, 18 dekabrya 1870 [Letter to S. A. Yuryev, December 18, 1870]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 10. [Collected works in 11 Volumes. Vol. 10]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 280–283. (In Russian)
- Leskov, N. (1958c) Pis'mo P. K. Shchebal'skomu, 16 aprelya 1871 [Letter to P. K. Shchabol'sky, 16 April 1871]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 10 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 10]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 306–311. (In Russian)
- Leskov, N. (1958g) Pis'mo k M. O. Menshikovu [Letter to M. O. Menshikov]. In: *Sobranie sochinenij v 11 tomakh. T. 10 [Collected works in 11 Volumes. Vol. 11]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., p. 574 (In Russian)
- Katkov, M. N. (ed.). (1856) Vesti iz Parizha [News from Paris]. *Russkij vestnik*, vol. 2, no. 7 (April), bk. 1, pp. 233–239. (In Russian)

References

- Afonin, L. N. (1977) Knigi iz biblioteki Leskova v gosudarstvennom muzee I. S. Turgeneva [Books from the Leskov's Library in the State I. S. Turgenev Museum]. In: *Literaturnoe nasledstvo. Iz istorii russkoj obshchestvennoj mysli 1860–1890 gg. T. 87 [Literary Heritage. From History of Russian Social thought 1860–1890. Vol. 87]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 130–158. (In Russian)
- Chukovskij, K. (1934) *Lyudi i knigi shestidesyatykh godov [People and books of the sixties]*. Leningrad: The Writers' Publishing House in Leningrad, 308 p. (In Russian)
- Egorov, B. F. (1980) *O masterstve literaturnoj kritiki. Zhanr. Kompozitsiya. Stil' [On the craft of literary criticism. Genre. Composition. Style]*. Leningrad: Sovetskij pisatel' Publ., 318 p. (In Russian)
- Faresov, A. I. (1904) Protiv techenija. *Leskov N. S. Ego zhizn', sochineniya, polemika i vospominaniya [Against the Current. Leskov N. S. His life, works, polemics and memoirs]*. Saint Petersburg: M. Merkushev's Publ., 411 p. (In Russian)
- Fedorov, A. (1935) Genrikh Gejne v tsarskoj tsenzure [Heinrich Heine in Tsarist censorship]. In: *Literaturnoe nasledstvo. Tom. 22-24 [Literary heritage. Vol. 22-24]*. Moscow: Nauka Publ., pp. 635–678. (In Russian)
- Heinrich Heine (1838) In: *Entsiklopedicheskij leksikon. T. 13 [The encyclopedic lexicon. Vol. 13]*. Saint Petersburg: Tipografiya A Plyushara Publ., p. 424. (In Russian)
- Kenning, G. (1838) O tepereshnim sostoyanii nemetskoj literatury [On the current state of German literature]. *Moskovskij nablyudatel'*, pt. 9, book 62, pp. 422–472. (In Russian)
- Leskov, A. (1984) *Zhizn' Nikolaya Leskova. V 2-kh t. T. 1 [The Life of Nikolai Leskov. In 2 vols. Vol. 1]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., 479 p. (In Russian)
- Mentsel', V. (1831) Vzglyad na proshedshee pyatnadsatiletie nemetskoj literatury [A view of the past fifteen years of German literature]. *Teleskop*, no. 1-5, pp. 145–170. (In Russian)
- Mikhajlov, M. (1856) Geinrich Heine [Heinrich Heine]. *Russkij vestnik*, pp. 101–109. (In Russian)
- Obzor frantsuzskoj literatury. O smerti Geine [Review of French literature. About Heine's death]. (1856) *Syn otechestva [Son of the Fatherland]*, no. 2, April 15th, pp. 34. (In Russian)
- Pisarev, D. (1956) *Progulki po sadam rossijskoj slovesnosti [Walking through the gardens of Russian literature]*. In: *Sochineniya: v 4 tomakh. T. 3 [Works: In 4 vols. Vol. 3]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 251–306. (In Russian)
- Shelgunov, N. V. (1974) Lyudi sorokovykh i shestidesyatykh godov [People of the forties and sixties]. In: *Literaturnaya kritika [Literary criticism]*. Moscow: Khudozhestvennaya literatura Publ., pp. 39–210. (In Russian)
- Zenkevich, S. I. (2022) "Heine byl prav" Iz kommentariya k odnomu iz suzhdenij N. S. Leskova ["Heine was wright". From a commentary on one of N. S. Leskov's judgments] In: *Mir romantizma [World the romanticism]*. Tver: Tver State University Publ., pp. 178–187. (In Russian)
- Zhukovskij, V. A. (1985) O poete i sovremennom ego znachenii. Pis'mo k Gogolju [On the poet and his contemporary significance. Letter to Gogol]. In: *Estetika i kritika [Aesthetics and criticism]*. Moscow: Iskusstvo Publ., pp. 328–339. (In Russian)

Сведения об авторе

Геннадий Владимирович Стадников, SPIN-код: 3383-4706, ORCID 0000-0003-2562-9983, e-mail: briefe@inbox.ru
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Author

Genadiy V. Stadnikov, SPIN: 3383-4706, ORCID 0000-0003-2562-9983, e-mail: briefe@inbox.ru
Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia

Литературы народов мира.
Раздел «Кросскультурные исследования
в литературоведении»

УДК 82(91)

EDN CXGVNS

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68>

«Das Archetypische» der Sprache: поэзия В. Хлебникова в переводах П. Целана

А. Л. Вольский ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Вольский, А. Л. (2025)
„Das Archetypische“ der Sprache:
поэзия В. Хлебникова в переводах
П. Целана. *Журнал интегративных
исследований культуры*, т. 7, № 1,
с. 62–68. [https://www.doi.org/
10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68](https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68)
EDN CXGVNS

Получена 20 декабря 2024; прошла
рецензирование 20 января 2025;
принята 27 января 2025.

Финансирование: Исследование
выполнено за счет внутреннего
гранта РГПУ им. А. И. Герцена
(проект № 54-ВГ).

Права: © А. Л. Вольский (2025).
Опубликовано Российским
государственным педагогическим
университетом им. А. И. Герцена.
Открытый доступ на условиях
[лицензии ССВУ-NC 4.0.](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)

Аннотация. В 1969 году П. Целан перевел для издания произведений В. Хлебникова на немецком языке несколько его стихотворений. Переводы В. Хлебникова хронологически завершают его диалог с русской поэзией. Одновременно они занимают в истории этого диалога особое место. Хлебников интересовал П. Целана как философ языка, который ищет первоисток (das Archetypische) языка в поэзии.

Такой подход сближает поэзию и поэтику Хлебникова как представителя русского футуризма с герменевтической традицией в немецкой философии языка и эстетике, которая усматривала происхождение и сущность языка в поэзии. В статье осуществляется попытка связать положения теории заумного языка Хлебникова с рассуждениями немецких философов о языке как «родном языке человеческого рода» (И. Г. Гаман), «энергии духа» (В. фон Гумбольдт), «доме бытия» (М. Хайдеггер), а также с идеей «чистого языка» (В. Беньямин), по-новому поставившего проблему переводимости. С нашей точки зрения, философия языка и поэзия В. Хлебникова подтверждают поэтическую теорию языка. На примере перевода стихотворения «Воздушистый воздухан» предпринимается попытка показать, какими путями идут В. Хлебников и П. Целан в раскрытии поэтического истока языка.

Семантической основой стихотворения Хлебникова является прием реализации негативной внутренней формы, благодаря которой поэт создает поле напряжения между языковым значением и поэтическим смыслом текста. В своем переводе П. Целан создает семантическую перекличку различных исторических слоев и социолектов немецкого языка как аналог языкотворчеству русского поэта.

Ключевые слова: П. Целан, В. Хлебников, поэтический исток языка, перевод, герменевтика

«Das Archetypische» der Sprache: V. Khlebnikov's poetry in translations by P. Celan

A. L. Volskiy ✉¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Volskiy, A. L. (2025) „Das Archetypische“ der Sprache: V. Khlebnikov's poetry in translations by P. Celan. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 62–68. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-62-68>
EDN CXGVNS

Received 20 December 2024;
reviewed 20 January 2025;
accepted 27 January 2025.

Funding: The research was supported by an internal grant of the Herzen State Pedagogical University of Russia (project No. 54-VG).

Copyright: © A. L. Volskiy (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC
License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. In 1969 P. Celan translated a number of V. Khlebnikov's poems for a German edition of his works. In chronological terms, Khlebnikov's translations bring Celan's dialog with Russian poetry to completion. Meanwhile, they play a special role in the history of this dialog. Celan primarily took an interest in Khlebnikov as a philosopher of language who searches for the primary source (*das Archetypische*) of language in poetry.

In this article, we attempt to build a link between the tenets of Khlebnikov's theory of abstruse language and German philosophers' views of language as the 'mother tongue of the human race' (J. G. Hamann), the 'energy of the spirit' (W. v. Humboldt), the 'house of being' (M. Heidegger) and the idea of 'pure language' of W. Benjamin, who opened a new dimension in the translatability of lyric poetry. We believe that Khlebnikov's philosophy of language and poetry confirm the hypothesis about the poetic origin and essence of language, which was developed in Germany by the hermeneutic tradition and shared by P. Celan. By bringing the translation of the poem 'Luftiger Luftold' into focus, we attempt to show the paths that Khlebnikov and Celan followed in revealing the poetic origin of language.

Forming the semantic basis of Khlebnikov's poem is the technique of implementing a negative internal form, through which the poet creates a field of tension between the linguistic and the poetic meaning of the text. In his translation, P. Celan creates a semantic interplay of various historical layers and sociolects of the German language in a way similar to the Russian poet's linguistic creativity.

Keywords: P. Celan, V. Khlebnikov, poetic origin of language, translation, hermeneutics

В 2022 году, к столетию со дня смерти В. Хлебникова, немецкое издательство Rowohlt выпустило в свет однотомник его произведений. Это издание не было новым. Оно воспроизводило первое издание 1972 года к пятидесятилетию со дня смерти и второе издание 1985 года, приуроченное к столетию поэта. Помимо круглых хлебниковских дат эти издания вольно или невольно отразили важные вехи немецко-российских отношений. Первое издание вышло в свет на фоне политики разрядки, инициированной Московским договором 1970 года между СССР и ФРГ, фоном второго была горбачевская перестройка, фоном третьего — новейший излом российско-немецких отношений, получивший в Германии название «Zeitenwende».

П. Целан был участником первого проекта по переводу произведений В. Хлебникова, который был инициирован в 1967 году славистом и писателем Петером Урбаном, редактором издательства Suhrkamp. Наряду с Целаном в нем участвовала целая плеяда знаменитых поэтов, среди которых — Ф. Майрёкер, О. Пастиор, Э. Яндл и Х. М. Энценсбергер. Целан перевел

для издания шесть стихотворений: «Воздушный воздухан», «Кузнечик», «Кому сказатеньки», «Черный любирь», «Семеро», «Единая книга» (Ivanović 1993; 1997).

Эти переводы, сделанные в предпоследний год жизни Целана, завершая его диалог с русской поэзией, занимают в нем особое место. В отличие от Есенина, Блока или Мандельштама Хлебников интересовал Целана не только как поэт, но и как философ, для которого поэзия была способом проникновения в то, что сам он называет «das Archetypische» — в первоисток языка (Ivanović 1997, 234).

Этот философский интерес, с одной стороны, сближает Хлебникова и Целана, а с другой, сближает их обоих с немецкой герменевтической традицией, которая усматривает исток и сущность языка в поэзии, а саму поэзию понимает как языковую форму толкования бытия.

Идея о том, что язык имеет поэтическое, т. е. творческое происхождение, восходящее к библейскому рассказу о первотворчестве имен, первично оформилась в богословии (Бл. Августин), откуда перешла в философию и эстетику

(Гучинская 1997, 109–118; 2002, 64–66). В Германии у истоков поэтической теории языка стоял И. Г. Гаман, сформулировавший знаменитый тезис: «поэзия есть родной язык человеческого рода»*. Согласно Гаману, язык был дан человеку Богом, как сотворцу Бога. Подобно тому, как Бог творит бытие, человек творит имена, которыми называет все сущее (Hamann 1921).

Свое развитие теория Гамана получила у И. Г. Гердера. В «Трактате о происхождении языка» (1772) Гердер говорит о человеческом языке как творческом подражании языку природы: он создавал имена, эмоционально откликаясь на природные явления и воспроизводя их при помощи артикулированного звука. Первый этап развития языка, согласно Гердеру, был поэтическим: «Чем был первый язык, как не собранием элементов поэзии?» (Herder 1966, 32).

В «Берлинских лекциях» в разделе «О языке» Авг. Шлегель развивает идею о том, что изначальный язык был поэтическим, т. е. образным. В процессе практического употребления он постепенно утратил изначальную образность и превратился в средство передачи сообщений и «собрание произвольных конвенциональных знаков» (*eine Sammlung willkürlicher conventiöner Zeichen*). Для восстановления образности языка требуется поэзия как искусство (Pohlheim 1972, 23–34).

Идеи Гамана, Гердера и романтиков о поэзии как праязыке человечества продолжили исследования В. фон Гумбольдта. Его философия языка представляет собой философски-филологическое обобщение умозрительных и художественных идей романтиков, переформулировку таковых в русле науки о языке. Главный теоретический труд «О различии строения человеческих языков и его влияния на духовное развитие человеческого рода» задумывался Гумбольдтом не как самостоятельное сочинение, а как предисловие к лингвистическому исследованию малайско-полинезийских языков.

Философское рассмотрение различных языков побуждает Гумбольдта создать умозрительную категорию языка как такового и рассмотреть ее генетически. На вопрос о происхождении языка ответить невозможно, он — мистический. Важно, что он не есть ни продукт человеческой

деятельности, ни результат соглашения — ведь то и другое уже предполагают существование языка. Как соотносятся дух и язык?

Язык можно считать внешним явлением духа народов; язык есть дух и дух есть язык, степень их тождества переоценить невозможно (Humboldt 1994, 414–415).

Связав язык и дух в их генезисе, Гумбольдт обращается к сущности языка, давая свое знаменитое определение языка:

Язык в его внутренней сущности есть не произведение (эргон), а деятельность (энергия). Он есть вечно повторяющаяся работа духа по воплощению мысли в артикулированный звук (Humboldt 1994, 418).

Главный вопрос философии М. Хайдеггера есть вопрос о сущности бытия. Этот вопрос, по мнению Хайдеггера, европейская метафизика предала забвению. Опасное свойство забвения состоит, по Хайдеггеру, в том, что метафизика более не вопрошает о бытии, считая данную проблему так или иначе решенной. Различные философские системы (Платон, Аристотель, Кант, Гегель, Ницше и проч.), давая свой ответ на этот вопрос, только усугубляли забвение бытия, ибо подменяли вопрошание о бытии вопрошанием о сущем.

Хайдеггер предлагает идти к истоку бытия иным путем: через «высветление сущности языка, обусловленное ее поглощенностью сущностью языка». Эта идея наиболее отчетливо выражена в эссе Хайдеггера «Письмо о гуманизме»: «Язык есть дом бытия».

Называя язык «домом бытия» Хайдеггер подразумевает прежде всего язык в его сущностной связи с поэзией. Раскрытию этой связи посвящены книги Хайдеггера «На пути к языку» и «Толкования поэзии Гёльдерлина» (Heidegger 1959; 1963).

Изначальное единство бытия и языка Хайдеггер усматривает в мифе (*Sage*), который «временит себя» как «звон тишины» (*sich zeitigt als das Geläut der Stille*). При этом сущность языка аналогична сущности художественного творения. Хайдеггер десубъективирует философию языка, выдвигая знаменитый тезис: «Язык язычит» (*Die Sprache spricht*). Это означает, что человек не есть субъект речи. Через свою вовлеченность в сущность языка как мифа он «со-ответствует» (*ent-spricht*) самому языку, который проговаривает все «до него» и «через него».

Поиск сущности языка, а через него и сущности бытия, идет двумя путями. Первый путь использует этимологию немецких, латинских и греческих слов в поисках изначального, т. е.

* См.: Hamann I. G. Schriften. Leipzig, 1921. Прежде всего работу «Последнее волеизъявление рыцаря ордена розенкрейцеров о божественном и человеческом происхождении языка», в которой Гаман говорит о связи слова и вещи в «первозыке» — мифе. Близкие мысли развивали романтические философы. Человек по сущности своей — творец, проявляющий себя в искусстве: «Как человек творит в искусстве, так Бог искусен в творении» (Pohlheim 1972, 163).

«бытийного» смысла слова. Этимологической интерпретации-деструкции подвергаются основные метафизические понятия: логос, мышление, истина, основание, воля и др. Надо при этом отметить, что этимологизация у Хайдеггера носит *поэтический* характер: свои этимологические исследования он «достраивает поэтически» (Гучинская 1997, 48).

Второй путь ведет через язык поэзии как искусства. Поэзия как «словесное творчество бытия» (*worthafte Stiftung des Seins*) (Heidegger 1963, 40) есть воссоздание мифа с помощью средств современного языкотворчества. Обратившись сначала к греческой поэзии (интерпретация хора из «Антигоны» Софокла), Хайдеггер выстраивает целую традицию немецкой поэзии, в которой раскрывается сущность бытия.

Поэтическую теорию языка Гамана, Гердера, романтиков и Гумбольдта продолжает философия языка русского авангарда, в частности, философия языка Велимира Хлебникова. В книге воспоминаний о русском авангарде «Полтораглазый Стрелец» Бенедикт Лившиц описывает свои впечатления от поэзии Хлебникова: «Дыхание довременного слова пахнуло мне в лицо... Гумбольдтовское понимание языка как искусства находило себе красноречивейшее подтверждение в произведениях Хлебникова, с той только потрясающей оговоркой, что процесс, мыслившийся до сих пор как функция коллективного сознания целого народа, был воплощен в творчестве одного человека» (цит. по: Старкина 2005, 74–75).

Теоретической основой лингвофилософских построений Хлебникова стало, как известно, противопоставление бытового слова чистому самовитому слову, умного языка языку заумному. Теорию заумного языка, достаточно изученную в науке, мы не будем здесь снова воспроизводить. Ограничимся некоторыми цитатами. В эссе «Наша основа» Хлебников пишет:

Слово делится на чистое и бытовое. Можно думать, что в нем скрыт ночной звездный разум и дневной солнечный. Это потому, что какое-нибудь одно бытовое значение слова так же закрывает все остальные его значения, как днем исчезают все светила звездной ночи. ...Самовитое слово отращается от призраков данной бытовой обстановки и на смену самоочевидной лжи строит звездные сумерки (Хлебников 1933, 229).

В своих переводах Целан постарался акцентировать идею первоистока языка и первоистока культуры. На нее указывает уже сам подбор текстов. В поэме «Семеро», основываясь на античном мифе о браке амазонок и скифов, Хлеб-

ников воспекает свободу и простоту архаической культуры, возвращение культуры в природное состояние, призывает «хребтом и обличем стать подобным коню».

В поэме «Единая книга» речь идет о том, как религиозные книги человечества — Веды, Евангелие, Коран и великие книги монголов сами воздвигают костер и сами ложатся в него. Из пепла исторических религиозных текстов должна родиться единая книга, читателем которой должно стать объединенное человечество. *Das Geschlecht der Menschen ist dieses Buches Leser.*

Наряду с текстами, в которых единение человечества выражается содержательно, наибольший интерес Целана проявляется в переводе языкотворческих текстов Хлебникова, в которых Целан проявляет эквивалентное оригиналу языкотворчество.

Воздушистый воздух

Воздушистый воздухан
Воздхее воздхеи,
Воздхее воздхуни.
Сидушистый сидухан
Сидхее сидхуни,
Сидхее сидхуеи.
Кольшистый кольхан
Кольхее кольхуни,
Кольхее кольхеи.
Едушистый едухан
Едхее едхуеи.
Видушистый видухан
Видхее видхуеи,
Видхее видхуни.
1921

Luftiger Luftold
Luchtiger als alle Luchten
Luftender als alle Luftinie
Sitziger Setzold
Gesetzter als alles Gesäß
Der Großgesetzelten Grötzter
Oldung gegolderer
Holde Olderer
Gegoldester Doller
Äsender Ätzling
Linglichster Aasmatz
Gesehlicher Sehnt
Sahrer Seherer
Sehsehrigster.
1969 (*Celan 2000, 294–295*)

Русское стихотворение можно разделить на пять частей соответственно варьируемому корню (возд- сид- кол-, ед-, вид-). Однокоренные суффиксальные неологизмы обыгрывают одну грамматическую модель, в которой субстанциальный признак субъекта мужского рода преобладает над соответствующим признаком существительного женского рода: воздухан воздхее воздхуни.

Вторичный эстетический эффект здесь достигается благодаря *десемантизации* реально-го корня и созданию нового грамматического *квазикорня*, который, вслед за Р. Якобсоном, можно назвать отрицательной внутренней формой, становящейся здесь носителем поэтического значения (Jakobson 1984, 482–491).

Так, в слове «воздухан», суффиксальном неологизме, образованном от существительного воздух, грамматическим корнем является «возд-», однако за счет последовательного проведенного повтора, возникает квазикорень «дух». В результате чередования корня (дух-душ) в тексте возникает дополнительная семантическая оппозиция души и духа, которая пронизывая весь текст стихотворения, претендует быть его смыслообразующей основой. Таким образом, сквозь заушный язык начинает просвечивать умный язык, вновь актуализируя антитезу между ними.

В немецком переводе Целан полностью игнорирует это важное для русского оригинала противопоставление, однако компенсирует его целой палитрой иных лингвистических средств, которые образуют звукосемантическую переключку между разными языковыми пластами.

1. Целан задействует диалектизмы немецкого языка, как нижненемецкого (*Plattdeutsch*) *Grötzter* (суперлатив *Grösster*), так и верхненемецкого *linglichst* (суперлатив от *länglich*) диалекта.
2. Вводятся лексемы, принадлежащие специальным языкам — *äsend* (от *äsen* пастись) и *Ätzling* (каустик хим. термин гидроокись натрия; едкий натр).
3. Используются неологизмы, образованные, однако, из слов, уже имеющих в немецком языке. Например, *Aasmatz* — грамматически этот неологизм представляет собой композит, состоящий из имени нарицательного *Aas* (труп) и имени собственного *Matz* — устаревшей уменьшительной формы от имени *Matthias*.
4. Важным средством языкотворчества является вовлечение в немецкий текст иноязычных слов, таких как английское прилагательное *old* (старый) в композите *Luftold* и нидерландское существительное *Lucht* (воздух), а присоединяя к немецкому корню *Luft*- русский суффикс *-in*, он имитирует словообразовательную модель неологизма *воздухиня*.
5. В эссе «Учитель и ученик» В. Хлебников говорит:

Слыхал ли ты, однако, про внутреннее склонение слов? Про падежи внутри слова? Если родительный падеж отвечает на вопрос «откуда», а винительный и дательный на вопрос «куда» и «где»,

то склонение по этим падежам основы должно придавать возникшим словам обратные по смыслу значения. Таким образом слова-родичи должны иметь далекие значения. Это оправдывается (Хлебников 1933, 171).

В своем переводе Целан строит неологизм на основе внутренней флексии (аблаута), используя в качестве корня форму претерита глагола *sehen* — *Sahrer*. С другой стороны, можно предположить связь этого неологизма с именем старинного богемского дворянского рода — *Sahrer von Sahr*.

Двойное толкование имеет и словоформа *Sehsehrigster*, которая может толковаться либо а) как новообразование за счет редупликации корня с целью интенсификации лексического значения, либо б) как образованная от устаревшего глагола *sehriegen* (наносить рану).

Иными словами, в основе переводческого метода Целана лежит *собираение* отдельных элементов, принадлежащих различным пластам немецкого языка и различным языкам в единую систему номинации. Его языкотворчество в большинстве случаев укоренено в лексическом богатстве языка. Язык, который он использует, в большей степени *задан* ему, а не *создан* им.

Собирая фрагменты различных лингвистических пластов, диалектов, языков в единую систему контекстуально соотносящихся друг с другом элементов, сочетая диахронию с синхронией, Целан стремится воссоздать архетипическое начало языка, сконструировать единую книгу человечества, о которой писал в своих эссе и своих стихах В. Хлебников.

Здесь уместно, на мой взгляд, вернуться к пониманию логоса у М. Хайдеггера. В курсе лекций «Введение в метафизику» М. Хайдеггер толкует греческое понятие логос не традиционно-метафизически, как слово или разум, а этимологически как *собираение* (Heidegger 1998, 95). Собираение языковых фрагментов в единый логос лежит в основе герменевтического метода перевода Целана.

Перевод Целана то приближается к оригиналу, то отдаляется от него. Он касается его в некой исходной точке, чтобы затем следовать собственной логике развития. Точность перевода определяется не мерой зависимости от оригинала, а соответствием собственным имманентным законам. Такой метод касания оригинала и последующего отталкивания от него описал в статье о переводе В. Беньямин.

Подобно тому как тангента слегка касается круга только в одной точке, и это прикосновение, но не точка определяет закон ее дальнейшего движения

в бесконечность по прямому пути, так и перевод слегка и в бесконечно малой смысловой точке прикасается к оригиналу, чтобы затем в соответствии с законом верности продолжать собственный свободный полет в языке (Беньямин 2000, 55).

В свете сказанного уместно сопоставить две точки зрения на перевод. Первая из них принадлежит Р. Якобсону, по мнению которого в лирическом стихотворении форма текста, его звучание, ритм, метр, рифма, образная система, композиция и т. д. настолько органично слиты с его содержанием, что передача этого единства в другой форме, а тем более на другом языке, является невозможной. Его вывод — лирика неперевода. Возможно лишь поэтическое переложение (Jakobson 1984, 490).

Другая позиция представлена В. Беньямином. Для него переводимость есть сущностное свойство языкового высказывания, поэтического же в первую очередь. Беньямин постулирует т. н. единый, интерсубъективный «чистый язык», который возвышается над всеми национальными языками, включая их в себя имплицитно и относясь к ним как целое к частям. Именно чистый язык и обеспечивает возможность перевода с одного частного языка на другой. Событие перевода для Беньямина состоит в непере-

водимости с одного языка на другой. Событие перевода заключается в явлении чистого языка, когда он, освобождаясь от оков одного языка, получает возможность воплотиться в другом. Таким образом, если лингвистическая модель перевода — это диада, то философская модель — триада. Если для лингвиста перевод осуществляется в горизонтальной плоскости, то философ добавляет вертикаль. Соотношения по вертикали являются для него главным событием перевода. Если для лингвиста отношение оригинал — перевод несомненно, то для философа сам оригинал отчасти является переводом: с чистого языка на национальный. Вспомним Новалиса: «В сущности, вся поэзия — это перевод» (*Am Ende ist alle Poesie Übersetzung*). Можно добавить: с чистого языка.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Хлебников, В. (1933) Стихи. Проза. Статьи. Записная книжка. Дневник. В кн.: *Собрание произведений Велимира Хлебникова: в 5 т. Т. 5*. Л.: Изд-во писателей в Ленинграде, 376 с.
- Celan, P. (2000) Übertragungen II. In: *Gesammelte Werke. Bd. 5*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 665 S.
- Namann, J. G. (1921) *Schriften*. Leipzig: Insel Verlag, 451 S.
- Heidegger, M. (1959) *Unterwegs zur Sprache*. Pfullingen: Neske Verlag, 269 S.
- Heidegger, M. (1963) *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung*. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 144 S.
- Heidegger, M. (1998) *Einführung in die Metaphysik*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 156 S.
- Herder, J. G. (1966) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache*. Stuttgart: Reclam Verlag, 175 S.
- Humboldt, W. v. (1994) *Werke zur Sprachphilosophie. GW. Bd. III*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 762 S.

Литература

- Беньямин, В. (2000) Задача переводчика. В кн.: *Озарения*. М.: Мартис, с. 46–57.
- Гучинская, Н. (1997) К построению поэтической теории языка. В кн.: *Языковая система и социокультурный контекст. Studia linguistica*. СПб.: Тригон, с. 109–119.
- Гучинская, Н. (2002) *Hermeneutica in nuce: Очерк филологической герменевтики*. СПб.: Церковь и культура, 128 с.
- Старкина, С. (2005) *Велимир Хлебников. Король времени*. СПб.: Вита Нова, 776 с.
- Ivanović, Chr. (1993) „Wem bloß erzählchen...“ Celans Chlebnikov-Lektüre. Beobachtungen am Nachlaß. *Celan-Jahrbuch*, Bd. 5, S. 165–192.
- Ivanović, Chr. (1997) Die „vergeudeten Dichter“: Majakowskij-Pasternak-Chlebnikow. In: „Fremde Nähe“: *Celan als Übersetzer. Ausstellung und Katalog*. Marbach. Frankfurt am Main: Deutsche Schillergesellschaft Verlag, S. 317–336.
- Jakobson, R. (1984) Linguistische Probleme der Übersetzung. In: *Ausgewählte Texte zur Poetik*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, S. 482–491.
- Pohlheim, K. (1972) *Der Poesiebegriff der deutschen Romantik*. Paderborn: Schöningh Verlag, 500 S.

Sources

- Celan, P. (2000) Übertragungen II [Transmissions II]. In: *Gesammelte Werke. Bd. 5 [Collected works. Vol. 5]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, 665 p. (In German)
- Hamann, J. G. (1921) *Schriften [Works]*. Leipzig: Insel Verlag, 451 p. (In German)
- Heidegger, M. (1959) *Unterwegs zur Sprache [On the way to the language]*. Pfullingen: Neske Verlag, 269 p. (In German)
- Heidegger, M. (1963) *Erläuterungen zu Hölderlins Dichtung [Explanations of Hölderlin's poetry]*. Frankfurt am Main: Klostermann Verlag, 144 p. (In German)
- Heidegger, M. (1998) *Einführung in die Metaphysik [Introduction to Metaphysics]*. Tübingen: Niemeyer Verlag, 156 p. (In German)
- Herder, J. G. (1966) *Abhandlung über den Ursprung der Sprache [Treatise on the origin of language]*. Stuttgart: Reclam Verlag, 175 p. (In German)
- Humboldt, W. v. (1994) *Werke zur Sprachphilosophie. GW. Bd. III [Works on the philosophy of language. GW. Vol. III]*. Darmstadt: Wissenschaftliche Buchgesellschaft, 762 p. (In German)
- Khlebnikov, V. (1933) Stikhi. Proza. Stat'i. Zapisnaya knizhka. Dnevnik [Poems. Prose. Articles. The notebook. Diary]. In: *Sobranie proizvedenij Velimira Khlebnikova: v 5 tomakh. T. 5 [Collected works of Velimir Khlebnikov: In 5 Volumes. Vol. 5]*. Leningrad: The Writers' Publishing House in Leningrad, 376 p. (In Russian)

References

- Ben'yamin, V. (2000) Zadacha perevodchika [Translator's task]. In: *Ozareniya [Illuminationen]*. Moscow: Martis Publ., pp. 46–57. (In Russian)
- Guchinskaya, N. (1997) K postroeniyu poeticheskoy teorii yazyka [Toward a poetic theory of language]. In: *Yazykovaya sistema i sotsiokul'turnyj kontekst. Studia linguistica [Language system and sociocultural context. Studia linguistica]*. Saint Petersburg: Trigon Publ., pp. 109–119. (In Russian)
- Guchinskaya, N. (2002) *Hermeneutica in nuce: Ocherk filologicheskoy germenetiki [Hermeneutica in nuce: An outline on philological hermeneutics]*. Saint Petersburg: Tserkov' i kul'tura Publ., 128 p. (In Russian)
- Ivanović, Chr. (1993) „Wem bloß erzählchen...“ Celans Chlebnikov-Lektüre. Beobachtungen am Nachlaß [“To whom shall I tell...” Celan's Chlebnikov reading. Observations on the estate]. *Celan-Jahrbuch*, vol. 5, pp. 165–192. (In German)
- Ivanović, Chr. (1997) Die „vergeudeten Dichter“: Majakowskij-Pasternak-Chlebnikow [The “wasted poets”: Mayakovsky-Pasternak-Khlebnikov]. In: „Fremde Nähe“. *Celan als Übersetzer. Ausstellung und Katalog [“Strange closeness”. Celan as a translator. Exhibition and catalogue]*. Marbach. Frankfurt am Main: Deutsche Schillergesellschaft Verlag, pp. 317–336. (In German)
- Jakobson, R. (1984) Linguistische Probleme der Übersetzung [Linguistic problems of translation]. In: *Ausgewählte Texte zur Poetik [Selected texts on poetics]*. Frankfurt am Main: Suhrkamp Verlag, pp. 482–491. (In German)
- Pohlheim, K. (1972) *Der Poesiebegriff der deutschen Romantik [The poetry concept of German Romanticism]*. Paderborn: Schöningh Verlag, 500 p. (In German)
- Starkina, S. (2005) *Velimir Khlebnikov. Korol' vremeni [Velimir Khlebnikov. The King of Time]*. Saint Petersburg: Vita Nova Publ., 776 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Алексей Львович Вольский, SPIN-код: 5405-5838, Scopus AuthorID: 57195835622, email: volskij@mail.ru
Доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры зарубежной литературы Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена.

Author

Alexej L. Volskiy, SPIN: 5405-5838, Scopus AuthorID: 57195835622, e-mail: volskij@mail.ru
Doctor of Sciences (Philology), Professor, Department of Foreign Literature, Herzen State Pedagogical University of Russia

Check for updates

Виды искусства

УДК 745.03

EDN IXGLUR

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-69-77>

Книжная графика Агнессы Эдуардовны Линдеман (1878–1942)

Е. С. Корвацкая ¹

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Корвацкая, Е. С. (2025) Книжная графика Агнессы Эдуардовны Линдеман (1878–1942). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 69–77.

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-69-77> EDN IXGLUR

Получена 10 января 2025; прошла рецензирование 30 января 2025; принята 30 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Е. С. Корвацкая (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Рассматривается деятельность художницы Агнессы Эдуардовны Линдеман (1878–1942) в книжном искусстве России начала XX века. Проанализированы все известные на данный момент печатные публикации с ее иллюстрациями, дана оценка ее творчества в контексте развития книжной графики, массовой книги и издательской деятельности этого периода.

Художницей были выпущены пять изданий при журнале «Тропинка» с 1906 по 1915 год. Годы публикаций относятся ко времени активной творческой и выставочной деятельности, преподавания в Рисовальной школе Общества поощрения художеств.

Показано, что иллюстрации А. Э. Линдеман — яркий пример работ начала XX века в массовой детской книге, созданной под влиянием «последнего большого» стиля, общего увлечения иллюстративной деятельностью «Мир искусства». Это пример поиска новых стилистических и технических решений в черно-белой иллюстрированной детской книге, постепенно отказывающейся от сложных тональных решений и открывающей для себя пространство разворота, декоративные возможности цвета и ритмические решения линейной графики.

Для книжной графики А. Э. Линдеман свойственны черты стиля модерн и отзвуки неорусского стиля, отказ от сложной тональной светотеневой моделировки, расширение пространства композиции, встроенной в пространство разворота, акцент на выразительности линии и штриха, введение одного-двух цветов как декоративного элемента, сохранение реалистического подхода в стилистике изображения, ограниченный диапазон типажей героев иллюстраций, сложность в построении единого книжного ансамбля.

Из пяти изданий выделяется издание М. А. Пожаровой «Бубенчики: Стихи» (Москва: Т-во И. Д. Сытина, 1915), в котором был создан единый книжный ансамбль и представлены разные стилистические и композиционные решения, относящие графику А. Э. Линдеман к переходному периоду развития книжного искусства России начала XX века.

Также в статье дана институциональная оценка деятельности издательства журнала «Тропинка» под редакцией Н. И. Манасеиной и П. С. Соловьевой на примере работ А. Э. Линдеман.

Ключевые слова: А. Э. Линдеман, детская книга, иллюстрация, книжная графика, журнал «Тропинка», Н. И. Манасеина, П. С. Соловьева, М. А. Пожарская

Book illustrations by Agnes Eduardovna Lindeman (1878–1942)

E. S. Korvackaya ¹

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Korvatskaya, E. S. (2025) Book illustrations by Agnes Eduardovna Lindeman (1878–1942). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 69–77. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-69-77> EDN IXGLUR

Received 10 January 2025; reviewed 30 January 2025; accepted 30 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © E. S. Korvatskaya (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article examines the creative output of the artist Agnes Eduardovna Lindeman (1878–1942) through the lens of the art of book illustration in Russia in the early 20th century. It analyzes all the printed publications with her illustrations known so far, giving an assessment of her oeuvre from the point of view of how book illustrations, mass-produced books and publishing activities were developing during that period.

The artist published five editions of the *Tropinka* magazine from 1906 to 1915. These publications coincided with her extensive creative and exhibition efforts and teaching at the Drawing School of the Society for the Encouragement of the Arts.

We show that Lindeman's illustrations make a prime example of works created in the early 20th century for the mass'-produced children's book inspired by the 'last big' style and a common fascination with the illustrative activities of 'The World of Art'. They are also reflective of a search for new stylistic and technical solutions for the black-and-white illustrated 'children's book, which is gradually abandoning complex tonal solutions to discover the space of a page spread, the decorative potential of color and the rhythmic solutions of line art.

Lindeman's book illustrations share the following characteristics: features of the Art Nouveau style and echoes of the neo-Russian style, rejection of complex tonal chiaroscuro modeling, expansion of the composition space within the spread space, an emphasis on the expressiveness of line and stroke, introduction of one or two colors as a decorative element, preservation of a realistic approach to the stylistic qualities of the image, a narrow range of character types featuring in illustrations and the complexity of building a single book ensemble.

Standing out among the five editions is M. A. Pozharova's *Bells: Poems* (Moscow: I. D. Sytin Publishing House, 1915), which embodies a single book ensemble incorporating a variety of stylistic and compositional solutions attributing Lindeman's graphic artwork to a transition period in the development of Russian book art in the early 20th century.

The article also explores Lindeman's creative output to provide an institutional assessment of the activities carried out by the publisher of the *Tropinka* magazine, edited by N. I. Manaseina and P. S. Solovyova.

Keywords: A. E. Lindeman, 'children's book, illustration, *Tropinka* publishing house, book illustrations, N. I. Manaseina, P. S. Solovyova, M. A. Pozharskaya

К творчеству Агнессы Эдуардовны Линдеман (1878–1942) с регулярной периодичностью обращаются специалисты и любители графики в социальных сетях. В научной среде она известна как автор рисунков серии открыток Общества св. Евгении. Творчество художницы рассматривается в контексте изучения открытых писем и выставочной деятельности начала XX века, а также в рамках истории Санкт-Петербургской рисовальной школы для вольноприходящих учеников (Боровская 2012). Интересен тот факт, что ее имя как преподавателя школы И. Я. Билибин включил в свою оду по случаю открытия Римской выставки в Обществе поощрения художеств (вечерний выпуск газеты «Биржевые ведомости» 17 мая 1911 года № 12326 (Ульянова 2020, 54).

С середины 1900-х годов А. Э. Линдеман вела активную творческую и выставочную деятельность. Сегодня на различных антикварных площадках с периодичной регулярностью появляются работы художницы. Преимущественно это акварельные пейзажи, натюрморты, декоративные панно. Также ее имя можно встретить в тематических каталогах музеев (Герасимова 2021).

Но до сих пор остается много вопросов, связанных с ее жизнью и творчеством. На данный момент наиболее полная информация была собрана специалистом в области филателии Н. А. Мозохиной в статье «Художница Агнесса Эдуардовна Линдеман» (Мозохина 2023). Автором была установлена и систематизирована важная информация о периоде подготовки

и эмиграции художницы в начале 1920-х годов из Петрограда и точки соприкосновения с Рисовальной школой Общества поощрения художеств и лично Н. К. Рерихом. Ее жизнь закончилась в немецком городе Готе 6 ноября 1942 года.

В печатных источниках интересующего периода имя художницы можно встретить в каталогах выставок, например, в каталоге первой выставки, посвященной искусству и детству, организованной А. Н. Бенуа в 1909 году. На экспозиции были представлены издания «Бумажные куклы» и «Картинки для вырезания» с иллюстрациями А. Э. Линдемана (Выставка... 1908).

К наиболее полным на данный момент биографическим данным, изложенным в статье Н. А. Мозохиной, можно добавить свидетельства выставочной деятельности художницы. С 1905 по 1918 год ее работы принимали участие в выставках картин Союза русских художников. А. Э. Линдеман принимала участие в выставках: VII биеннале в Венеции (1907) (Штольдер 2024, 441), «Русская художественная выставка в Париже» (1906), Киевская выставка (1910), выставка Нового общества художников (1910-е), «Русский пейзаж» в художественном бюро Е. Н. Добычиной (1918), «Искусство в жизни ребенка» в Музее города (Аничков дворец) в Петрограде, в выставке Союза русских художников в Москве (1917). Также была участником Бакинского художественного общества и Нового общества художников (НОХ) (в том числе, Список художественных произведений... (1916); Списки художников... (б. д.)).

На знаменитой выставке С. Дягилева «Русская художественная выставка в Париже» (1906) было представлено 10 работ А. Э. Линдемана из частных коллекций и из собрания художницы (Exposition de l'art russe... 1906, 71–72): «Интерьер», «Прихожая», «Ветки», «После ужина», «Павильон», «Письмо», «Перед портретом», «Букеты», «Канарские острова», а также вышивка. Из владельцев упоминаются московские коллекционеры М. И. Трояновский, В. Гиршман, князь С. Щербатов и М. А. Хауш из Санкт-Петербурга.

На Киевскую выставку (1910) А. Э. Линдеман были отправлены работы «Старый дом», 100 р., «Туалет», 150 р. и «Окна», без указания стоимости (Анкеты живописцев и скульпторов... 1909). А. П. Остроумова-Лебедева в своих автобиографических записках неоднократно упоминает о А. Э. Линдеман: «Еще выставили свежие и приятные вещи художницы Линдеман и Луговская...»* (Остроумова-Лебедева 2003, 336), «На 7-й выставке „Союза русских“ худож-

ников» <...> А. Э. Линдеман в Петербурге показала „Бабушкин“ рояль», «Окно» (Остроумова-Лебедева 2003, 572). В целом художественной общественностью работы художницы середины 1900–1910-х годов были замечены.

В диссертации автора данной статьи «Художественное оформление детской книги 1900–1910-х годов в России. Новые материалы» (Корвацкая 2017а) была дана общая оценка книжному наследию А. Э. Линдемана. Также творчество художницы в книжной иллюстрации рассматривалось в контексте изучения такого стилистического явления 1900–1910-х годов, как чернобелая линейная графика (Корвацкая 2017б). Целью этой публикации является комплексное представление книжного наследия художницы в контексте издательских и художественных процессов периода с учетом исправления неточностей, на которые правомочно обратила внимание Н. А. Мозохина в своей статье.

Годы публикаций изданий с иллюстрациями А. Э. Линдемана (1909–1915) относятся ко времени ее активной творческой и выставочной деятельности, преподавания в Рисовальной школе Общества поощрения художеств.

Первые рисунки А. Э. Линдемана в книге были опубликованы в сборнике Н. И. Манасеиной «Рассказы для детей» (1906) (Манасеина 1906). Издание сопровождалось иллюстрациями В. Д. Замирайло (1868–1939), Allegro (псевдоним П. С. Соловьевой, 1867–1924), А. А. Мурашко (1875–1919) и других художников. В данном сборнике А. Э. Линдеман проиллюстрировала рассказ «Пасха» (Манасеина 1906, 99–113). Ей были исполнены заставка, концовка и три страничные иллюстрации, обрамленные тонким контуром с округлыми углами. Стилистика манеры в рисунках художницы отсылает сразу к эстетике эпохи модерна.

Визуальная составляющая сборника разнообразна по типу репродуцирования и технике исполнения рисунков. Это создало дробность и незавершенность книжного ансамбля, но было характерно для развития книжного искусства России начала XX века и, в частности, деятельности журнала «Тропинка». Были включены как линейные, так и очень темные тональные рисунки. Основная часть иллюстраций — отдельные изображения животных или персонажей, фактически не сопровождающие сюжет произведений Н. И. Манасеиной.

Выделяются рисунки В. Д. Замирайло. Тонкой экспрессивной линией он создал серию однофигурных композиций, наполненных динамикой и направленным действием. Иллюстрации А. Э. Линдемана имеют совсем иное

* Речь идет о выставке «Мир искусства» 1906 г.

решение. Кроме заставки и концовки они очерчены четкой прямоугольной границей со скругленными углами, предельно просты в деталях и обобщены в чертах лица, имеют уравновешенные асимметричные композиции. Графическая манера А. Э. Линдеман строится из сочетания штриховки по форме и выявления ритма повторяющихся деталей орнамента и фактур деталей одежды или предметов интерьера.

Для каждого из участников публикации сборника данное издание стало одним из первых обращений к искусству книги. Издание было напечатано в типографии И. П. Сойкина, поэтому была использована тонкая бумага, небольшой кегль текстового блока и маленькое межстрочное расстояние. Рассказ «Пасха» повествует о встрече престольного праздника в воспитательном доме для девочек во второй половине XIX — начале XX века.

Следующим изданием, вышедшим в «Тропинке», с иллюстрациями А. Э. Линдеман стало также произведение Н. И. Манасеиной «Мамино детство: повести из институтской жизни» (Манасеина 1909, 1914а). Задачей художницы было запечатлеть основные действия произведения, рассказывающие о повседневной жизни дворян второй половины XIX века.

Первоначально повесть была напечатана отдельными частями в пяти номерах в журнале «Тропинка» за 1909 год. Для отдельного издания, вышедшего в этом же году, иллюстрации были дополнены иллюстрированной обложкой. В нем графика художницы отличается дробностью в трактовке образов, неточной прорисовкой черт лица. Заставка и концовка исполнены в иной технике — с тональной подсветкой, декоративными, объемными вставками, что несколько противоречит облику основных иллюстраций, выполненных в строгой линейной технике.

Рассказ Н. И. Манасеиной «У чужих» (1914) (Манасеина 1914б) сопровождается иллюстрированной обложкой, буквицей и постраничными иллюстрациями. Обложка в два цвета оформлена хаотично, без четкого понимания композиции и перегружена шрифтом при выборе рукописной сложной гарнитуры. Хотя издание вышло в издательстве Товарищества И. Д. Сытина, но в данном случае использована тонкая бумага, типографский титульный лист без иллюстрации, верстка является классической для массовой книги начала XX века.

Н. И. Манасеина в своем рассказе повествует о поездке двух сестер с матерью к бабушке. Героини знакомятся с природой и жизнью за городом. Художница показывает вагон поезда, сбор семьи вокруг стола с характерной большой

люстрой над ними в квартире городского типа, чтение и занятие письмом одной из героинь.

Отдельно необходимо отметить костюмы героев в исполнении А. Э. Линдеман. Они передают дух эпохи,

Лишившись возможностей цвета, что являлось основным средством художественной выразительности в рисунках для открытых писем, художница обратилась к четкости и разнообразию ритмической организации пространства графической композиции. В рисунках к рассказу «У чужих» А. Э. Линдеман решает данную задачу сложнее, чем в открытках и предшествующих работах для книги.

Самым интересным книжным ансамблем, созданным А. Э. Линдеман, стала книга М. А. Пожаровой «Бубенчики» (Пожарова 1915). В отличие от других изданий здесь художница должна была проиллюстрировать небольшие стихотворения. Это способствовало увеличению количества иллюстраций и выходу визуальной составляющей на один уровень с вербальной частью.

М. А. Пожарова и А. Э. Линдеман познакомились при работе над «Бубенчиками»: «Через несколько дней после этого мне удалось познакомиться с Агнессой Эдуардовной Линдеман. Я поехала к ней просить ее написать Сытину запрос по поводу „Бубенчиков“, которые он бессовестно долго задерживал в типографии. Линдеман была очень мила со мною. Я пригласила ее к себе. И вот, наконец, пришел торжественный для меня день, когда я должна была принимать моих гостей. <...> Линдеман — девушка из хорошей семьи (отец ее занимал большой пост), очень восторженная и скромная. Она умна, знает себе цену, держится просто и с достоинством» (Азадовский 2021, 30–31).

К. М. Азадовский в статье упоминает, что в дневнике М. А. Пожаровой имеется более ранняя запись, связанная с работой над «Бубенчиками» (между 19 и 22 марта 1914 г.): «Линдеман написала мне, что ее картины к моей книге вернулись с московской выставки Союза и скоро будут печататься. Пора, давно пора! Она пишет, что хотела бы узнать мое мнение о картинах». Также в записях писательницы упоминается XI выставка Союза русских художников, на которой демонстрировались работы А. Линдеман, в том числе пять иллюстраций «к изданию И. Д. Сытина библиотеки „Тропинка“» (Каталог XI выставки Союза русских художников Москва 1913–1914 г. М.: Т-во тип. А. И. Мамонтова, 1913. С. 14) (Азадовский 2021, 40).

Иллюстрации к «Бубенчикам» можно разделить на три категории: композиция в виде

широкой рамки-виньетки с растительными мотивами на всю страницу, украшающая стихотворение; заставка перед стихотворением без видимых границ, включенная в пространство листа; постраничная композиция с яркими образами игрушек, народных и фольклорных мотивов и повседневными буднями юного читателя (чтение, рукоделие, уборка).

Данные три группы значительно отличаются друг от друга в композиционном и стилистическом решении. Заставки полностью освобождены от видимых границ и вписаны в пространство страницы. Постраничные иллюстрации традиционно для художницы помещены в прямоугольную рамку с округлыми углами. Для больших композиций А. Э. Линдеман находит всегда разное решение в изображении пространства и ритмической организации. «Художница» и «Лизок и бабушка» — фронтальные композиции в несколько планов открывают тихое пространство повседневности. В «Девочка и кукла» рисунок решен за счет первого крупного плана и чередования силуэтов героини и ее кукол. «Кукольный праздник» — как сказочный пряничный мир, насыщен игрой и смехом.

Издание оформлено в полноценный картонный иллюстрированный переплет. К нему обращалось все больше издательств в этот период. Это удешевляло книжную продукцию и позволяло сделать облик издания уникальным. В «Бубенчиках» А. Э. Линдеман обратилась к формальному решению и изобразила декоративную рамку с большими бубенчиками и четырьмя героями стихотворений по углам. При использовании крупного рукописного шрифта иллюстрированный переплет оказался перегружен деталями, хотя его успокаивает четкое распределение желтого и синего цветов. Он является характерным примером для детской книги 1910-х годов в России.

Заставки и концовки помещены в издание в увеличенном размере, что делает развороты немного перегруженными. Из них выделяется заставка к стихотворению «Книга сказок». В этой заставке художница изобразила только одного мальчика, который сидит на стуле и читает книгу. Размещение текстового блока, расстановка пробелов, масштабирование рисунка в размер листа, сочетание заливок в два цвета и линейной графики — все это делает разворот завершенным по задачам книжного ансамбля и интересным в чтении.

А. Э. Линдеман внимательно вчитывается в текст М. А. Пожаровой. В образной, стилистической трактовке и отдельных композици-

онных решениях иллюстрации к «Бубенчикам» можно найти параллели с графикой А. Н. Бенуа в издании «Азбука в картинках» [СПб.]: Т-во Голике и Вильборг, [1905] и серии открыток «Игрушки» (СПб.: Изд. Общины Св. Евгении, 1904).

Рисунок как в деталях предметов, в целом композиции, так и в прорисовке черт героев у А. Э. Линдеман стал более сложным и мастеровитым, видно хорошее знание формы и ее выражение на листе.

«Бубенчики» М. А. Пожаровой существенно отличаются от других изданий с иллюстрациями художницы. В графику художницы возвращается цвет благодаря печати произведения в типографии издательства И. Д. Сытина. Это дополнительный второй цвет. Он подчеркнул четкую структуру книжного ансамбля, плановость композиций и общую декоративность иллюстраций, разделенных на несколько плоскостей.

В данном издании можно говорить о решении задачи создания книжного ансамбля. Развороты с короткими рассказами выстроены по принципу асимметрии в размещении заставок и наборного текста. Многие конструктивные элементы книги, будь то заставка, рамка или концовка, напоминают работы Д. И. Митрохина своей прямоотой, масштабностью и угловатостью форм.

В книжной графике А. Э. Линдеман остается в визуальных границах, привычных для открытых писем: образы детей, простые повседневные заботы благополучной семьи среднего класса России рубежа XIX–XX веков. Но становятся сложнее и интереснее в деталях композиции, их ритмическая организация.

Остается открытым вопрос, почему А. Э. Линдеман не продолжила свою деятельность в области книжного искусства. Работы и издания, созданные после революции в интересующей области, пока не были найдены.

Книжная графика художницы интересна в контексте изучения оформления массовой детской книги 1900–1910-х годов. Исходя из типографских особенностей периода и перехода к литографскому способу репродуцирования с целью издания доступной, но «изящной» доступной книги, издательства повсеместно обращались к авторской иллюстрации, но выполненной в рамках черно-белой графики без штриховки.

Еще одно направление изучения творчества А. Э. Линдеман — это формирование фирменного стиля издательств начала XX века, т. е. институциональное влияние на творчество

художников-иллюстраторов. Данная тема была кратко поднята в диссертационном исследовании и статье «„Фирменный стиль“ издательств начала XX в. в детской книге» (Корвацкая 2020) автора данной публикации, но требует дальнейшего комплексного исследования деятельности художников в рамках отдельных издательств периода.

Все книги в оформлении художницы были изданы в издательстве при журнале «Тропинка» (1906–1912) под руководством главных редакторов журнала Н. И. Манасеиной (1869–1930) и П. С. Соловьевой (1867–1924). Редакция журнала «Тропинка» успела выпустить более 100 наименований книг. Они не отличались большим разнообразием авторов. Преимущественно печатались произведения самих редакторов, Н. И. Манасеиной и П. С. Соловьевой, также М. А. Пожаровой и других современных, сейчас мало известных авторов.

В период деятельности журнала «Тропинка» книги печатались в типографии П. П. Сойкина. Затем после закрытия журнала издания стали выходить в издательстве Товарищества И. Д. Сытина под названием «Библиотека „Тропинки“» или с указанием «Издание журнала „Тропинка“», «Книгоиздательство „Тропинка“» (1913–1918). Серии «Библиотека „Тропинки“» отличались разнотипностью переплетов и форматов издания, привлечением узкого круга иллюстраторов.

Смена выпускающей типографии отразилась положительно на внешнем облике книг. Повысилась качество и толщина бумаги, формат книги был приближен к квадрату. В книжный блок был введен дополнительный цвет, расширился перечень привлекаемых художников. Лучшие издания «Тропинки» были в плотном цельнокартонном переплете, оклеенном одноцветной бумагой с иллюстрацией в две краски. Это полнотекстовые книги для младшего и среднего возраста, с постраничными иллюстрациями, многочисленными заставками и концовками.

В историю книжного искусства и книговедения деятельность «Тропинки» еще полностью не вписана. Ее рассматривали в книговедческих исследованиях (Фролова и др. 2008, 204–208), но пока не дана развернутая оценка в контексте развития художественного оформления иллюстрированной книги России дореволюционного периода.

Интересно, что для журнала «Тропинка» и книжных изданий при журнале выбирались иллюстрации разных авторов. Внешний вид периодических изданий и отдельных публикаций

П. С. Соловьевой и Н. И. Манасеиной значительным образом отличается и наглядно демонстрирует переходный период в развитии книжного искусства России первых десятилетий XX века.

Н. А. Мозохина упоминает, что предполагалось издание еще двух книг с иллюстрациями А. Э. Линдеман: В. М. Карачарова «Край света» и Е. Ф. Юнге «Из детских воспоминаний» (Мозохина 2023, 67). Последнее произведение — воспоминания русской художницы о повседневной жизни России второй половины XIX века — вышло в журнале «Тропинка» в 1912 году, но без иллюстраций А. Э. Линдеман. Данные издания могли быть указаны в рекламных проспектах на обложках уже вышедших изданий как «готовящиеся к публикации», но так и не выпущенные.

Годы публикации отдельных изданий с рисунками А. Э. Линдеман свидетельствуют о продолжительном общении художницы и представителей издательства П. С. Соловьевой и Н. И. Манасеиной. Данные издания представляют собой завершенный цельный книжный ансамбль и являются характерным примером изданий «Тропинки» 1910-х годов.

В целом книжная графика А. Э. Линдеман передает схожую эстетику графический рисунков, выполненных для открытых писем Общества Святой Евгении, но перед художницей были поставлены новые задачи.

Книжная иллюстрация А. Э. Линдеман относится к переходному периоду развития книжного искусства России начала XX века, для которого свойственны черты стиля модерн и отзвуки неорусского стиля, отказ от сложной тональной светотеневой моделировки, расширение пространства композиции, встроенной в пространство разворота, акцент на выразительность линии и штриха, введение одного-двух цветов как декоративного элемента, сохранение реалистического подхода в стилистике изображения, ограниченный диапазон типажей героев иллюстраций, сложность в построении единого книжного ансамбля.

Работы А. Э. Линдеман в книге можно сопоставить с иллюстрациями А. П. Апсита, П. Воронцова, Т. Н. Гиппиус, Н. И. Живаго, П. С. Захарова, В. В. Спасского, М. Чемберс, В. Я. Чемберса и др. Данные художники работали как в черно-белой линейной графике, так и для журнала «Тропинка» и издательства Товарищества И. Д. Сытина. Их стилистические и образные трактовки отличаются, но выбор и подходы в использовании средств художественной выразительности схожие.

Хотя А. Э. Линдеман ставила свою подпись на каждом большеформатном рисунке, что упрощает задачу атрибуции, остается затруднительным поиск новых публикаций с работами художницы. Для данного периода в книгопечатании еще не было выработано четких требований к выходным данным издания. Часто не упоминались имена иллюстраторов, год издания, вовсе отсутствовала информация о редакторах и иных лицах, подготовивших книгу к печати.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Источники

- Анкеты живописцев и скульпторов Союза русских художников А. С. Бакста, С. Т. Коненкова, В. В. Переплетчикова и других со списками их произведений, представляемых на Киевскую выставку в 1910 г. Анкета А. Е. Линдемана. (1909) *РГАЛИ*. Ф. 2066. Оп. 1. Ед. хр. 182. 21 л.
- Манасейна, Н. И. (1906) *Рассказы для детей*. СПб.: Изд-во детского журнала «Тропинка», 194 с.
- Манасейна, Н. И. (1909) *Мамино детство: Повесть из институтской жизни*. СПб.: Изд-во детского журнала «Тропинка», 42 с.
- Манасейна, Н. И. (1914а) *Мамино детство: Повесть из институтской жизни*. 2-е изд. СПб.: Изд-во детского журнала «Тропинка», 42 с.
- Манасейна, Н. И. (1914б) *Учужих: Рассказ*. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 62 с.
- Пожарова, М. А. (1915) *Бубенчики: Стихи*. М.: Изд-во И. Д. Сытина, 106 с.
- Список художественных произведений членов и экспонентов Петербургского общества «Мир искусства» с оценкой экспонатов. (1916) *РГАЛИ*. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 263. 28 л.
- Списки художников с указанием выставок, на которых они участвовали. (б. г.) *РГАЛИ*. Ф. 769. Оп. 1. Ед. хр. 278. 93 л.

Литература

- Азадовский, К. М. (2021) «Настоящая моя жизнь — в одиночестве...». Из дневника Марии Пожаровой. *Литературный факт*, № 3 (21), с. 8–47.
- Боровская, Е. А. (2012) *Рисовальная школа Императорского Общества поощрения художеств: к вершинам профессиональной зрелости*. СПб.: Астерион, 238 с.
- Герасимова, Н. В. (2021) *Художественные коллекции в музеях Татарстана: история и принципы формирования (1920-1930-е гг.)*. Казань: Изд-во Института языка, литературы и искусства им. Г. Ибрагимова, 244 с.
- Выставка «Искусство в жизни ребенка»: Каталог*. (1908) Санкт-Петербург: б. и., 24 с.
- Корвацкая, Е. С. (2017а) *Художественное оформление детской книги 1900–1910-х гг. в России. Новые материалы. Диссертация на соискание степени кандидата искусствоведения*. СПб., РГПУ им. А. И. Герцена, 462 с.
- Корвацкая, Е. С. (2017б) К вопросу об изучении оформления массовой детской книги начала XX века. Черно-белая линейная иллюстрация. В кн.: *Петербургские искусствоведческие тетради*. СПб.: Ассоциация искусствоведов, с. 174–185.
- Корвацкая, Е. С. (2020) «Фирменный стиль» издательств начала XX в. в детской книге. *Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры*, т. 220, с. 146–155.
- Мозохина, Н. А. (2023) Художница Агнесса Эдуардовна Линдеман. В кн.: *Женская вселенная русского искусства: Материалы Всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 28–29 сентября 2023 года*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного художественно-промышленной академии имени А. Л. Штиглица, с. 62–73.
- Остроумова-Лебедева, А. П. (2003) *Автобиографические записки*. М.: Центрполиграф, 594 с.
- Ульянова, А. В. (2020) *И. Я. Билибин: Альбом выставки*. Санкт-Петербург: Изд-во Санкт-Петербургского государственного Музея-института семьи Рерихов, 119 с.
- Фролова, И. И., Кельнер, В. Е., Патрушева, Н. Г. (2008) *Книга в России, 1895-1917*. СПб.: Российская национальная библиотека, 720 с.
- Штольдер, Н. В. (2024) Итальянская и русская живопись на VII биеннале в Венеции. *Academia*, № 3, pp. 438–453. <https://doi.org/10.37953/2079-0341-2024-3-1-438-453>
- Exposition de l'art russe, Salon d'automne* (1906) Paris: Moreau frères, 140 p.

Sources

- Ankety zhivopistsev i skul'ptorov Soyuzа russkikh khudozhnikov L. S. Baksta, S. T. Konenkova, V. V. Perepletchikova i drugikh so spiskami ikh proizvedenij, predstavlyaemykh na Kievskuyu vystavku v 1910 g. Anketa A. E. Lindeman [Questionnaires of painters and sculptors of the Union of Russian Artists L. S. Bakst, S. T. Konenkov, V. V. Perebravchikov and others with lists of their works for the 1910 Kiev Exhibition. Questionnaire of A. E. Lindeman]. (1909) *RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]*. Fund 2066. Inventory no. 1 Archival unit 182. 21 p. (In Russian)
- Manaseina, N. I. (1906) *Rasskazy dlya detej [Short stories for children]*. Saint Petersburg: "Tropinka" Children's Magazine Publ., 194 p. (In Russian)
- Manaseina, N. I. (1909) *Mamino detstvo: Povest' iz institutskoj zhizni [Mother's childhood: A story from the institute life]*. Saint Petersburg: "Tropinka" Children's Magazine Publ., 42 p. (In Russian)
- Manaseina, N. I. (1914) *Mamino detstvo: Povest' iz institutskoj zhizni [Mother's childhood: A story from the institute life]*. 2nd ed. Saint Petersburg: "Tropinka" Children's Magazine Publ., 42 p. (In Russian)
- Manaseina, N. I. (1914b) *U chuzhikh: Rasskaz [Among strangers: A story]*. Moscow: I. D. Sytin's Publ., 62 p. (In Russian)
- Pozharova, M. A. (1915) *Bubenchiki: Stikhi [Little Bells: Poems]*. Moscow: I. D. Sytin's Publ., 106 p. (In Russian)
- Spisok khudozhestvennykh proizvedenij chlenov i eksponentov Peterburgskogo obshchestva "Mir iskusstva" s otsenкой eksponatov [A list of Artworks by members and exhibitors of the Saint Petersburg Society "World of Art" society with an evaluation of the exhibits]. (1916) *RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]*. Fund 769. Inventory no. 1. Archival unit 263. 28 p. (In Russian)
- Spiski khudozhnikov s ukazaniem vystavok, na kotorykh oni uchastvovali. [Lists of artists indicating of exhibitions they participated in]. (s. a.) *RGALI [Russian State Archive of Literature and Art]*. Fund 769. Inventory no. 1. Archival unit 278. 93 p. (In Russian)

References

- Azadovsky, K. M. (2021) "Nastoyashchaya moya zhizn' — v odinochestve..." Iz dnevnika Marii Pozharovoj ["My real life is solitude..."] From the diary of Maria Pozharova. *Literaturnyj fakt — A literary fact*, no. 3 (21), pp. 8–47. (In Russian)
- Borovskaya, E. A. (2012) *Risoval'naya shkola Imperatorskogo Obshchestva pooshchreniya khudozhestv: K vershinam professional'noj zrelosti [The drawing school of the Imperial Society for the encouragement of the arts: Towards the heights of professional maturity]*. Saint Petersburg: Asterion Publ., 238 p. (In Russian)
- Gerasimova, N. V. (2021) *Khudozhestvennyye kolleksii v muzeyakh Tatarstana: istoriya i printsipy formirovaniya (1920–1930-e gg.) [Art collections in Tatarstan museums: History and principles of formation (1920s–1930s)]*. Kazan: Institute of Language, Literature and Art named after G. Ibragimov Publ., 244 p. (In Russian)
- Vystavka «Iskusstvo v zhizni rebenka»: Katalog [Exhibition "Art in a child's life": Catalog]*. Saint Petersburg: s. n., 24 p. (In Russian)
- Korvatskaya, E. S. (2017a) *Khudozhestvennoe oformlenie detskoj knigi 1900–1910-kh gg. v Rossii. Novye materialy [Art design of children's books in 1900–1910s Russia: New materials]*. PhD dissertation (Art History). Saint Petersburg, Herzen State Pedagogical University of Russia, 462 p. (In Russian)
- Korvatskaya, E. S. (2017b) K voprosu ob izuchenii oformleniya massovoj detskoj knigi nachala XX veka. Chernobelaya linejnaya illyustratsiya [On the issue of studying the design of a mass children's book of the early twentieth century. Black and white linear illustration]. In: *Peterburgskie iskusstvovedcheskie tetrady [Saint Petersburg art history notebooks]*. Saint Petersburg: Assotsiatsiya iskusstvovedov Publ., pp. 174–185. (In Russian)
- Korvatskaya, E. S. (2020) "Firmennyj stil" izdatel'stv nachala XX v. v detskoj knige ["Corporate identity" of publishing houses of the beginning of the XXth century in a children's books]. *Trudy Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo instituta kul'tury — Proceedings of the Saint Petersburg State Institute of Culture*, vol. 220, pp. 146–155. (In Russian)
- Mozokhina, N. A. (2023) Khudozhnitsa Agnessa Eduardovna Lindeman [Artist Agnes Eduardovna Lindemann]. In: *Zhenskaya vseennaya russkogo iskusstva: Materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferentsii, Sankt-Peterburg, 28–29 sentyabrya 2023 goda. [The feminine universe of Russian art: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference, Saint Petersburg, September 28-29, 2023]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Art and Industrial Academy named after A. L. Stieglitz Publ., pp. 62–73. (In Russian)
- Ostromova-Lebedeva, A. P. (2003) *Avtobiograficheskie zapiski [Autobiographical notes]*. Moscow: Tsentrpoligraf Publ., 594 p. (In Russian)
- Ulyanova, A. V. (2020) *I. Ya. Bilibin: Al'bom vystavki [I. Ya. Bilibin: Album of the exhibition]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State Museum-Institute of the Roerich family Publ., 123 p. (In Russian)
- Frolova, I. I., Kel'ner, V. E., Patrusheva, N. G. (2008) *Kniga v Rossii, 1895–1917 [The Book in Russia, 1895–1917]*. Saint Petersburg: The National Library of Russia Publ., 720 p. (In Russian)

- Shtol'der, N. V. (2024) Ital'yanskaya i russkaya zhivopis' na VII biennale v Venetsii [Italian and Russian paintings at the 7th Venice Biennale]. *Academia*, no. 3. pp. 438–453. <https://doi.org/10.37953/2079-0341-2024-3-1-438-453> (In Russian)
- Exposition de l'art russe, Salon d'automne [Exhibition of Russian Art, Autumn Salon]* (1906) Paris: Moreau frères Publ., 140 p. (In French).

Сведения об авторе

Елена Сергеевна Корвацкая, SPIN-код: [1043-8996](#), Scopus AuthorID: [58516468300](#), ORCID: [0000-0003-2502-8643](#), e-mail: sun3109@gmail.com

Кандидат искусствоведения, доцент кафедры искусствоведения и педагогики искусства Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Elena S. Korvatskaya, SPIN: [1043-8996](#), Scopus AuthorID: [58516468300](#), ORCID [0000-0003-2502-8643](#), e-mail: sun3109@gmail.com

Candidate of Sciences (Arts Studies), Associate Professor, Department of Art History and Arts Education, Herzen State Pedagogical University of Russia

Виды искусства.
Раздел «Интегративные исследования культуры»

УДК 741.021.2

EDN LANHMP

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-78-87>

Эскизы костюмов для кино как самостоятельное произведение искусства (на примере работ Екатерины Шапкайц к фильму «Викинг»)

П. Г. Слуцкая ¹

¹АНО ВО «ВХУТЕИН», 191028, Санкт-Петербург, Моховая ул., д. 40, литера А

Для цитирования:

Слуцкая, П. Г. (2025) Эскизы костюмов для кино как самостоятельное произведение искусства (на примере работ Екатерины Шапкайц к фильму «Викинг»). *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 78–87. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-78-87>
EDN LANHMP

Получена 11 января 2025; прошла рецензирование 10 февраля 2025; принята 20 февраля 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © П. Г. Слуцкая (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Анализируются эскизы костюмов для кинофильма «Викинг», созданные Екатериной Шапкайц. Эскизы рассматриваются как уникальные графические работы, обладающие самостоятельной художественной ценностью. Исходным тезисом является утверждение значимости художника в процессе создания визуального образа персонажей. Эскизы костюмов для кино являются не только неотъемлемой частью сложного и комплексного художественного процесса создания произведений экранных искусств, но и приобретают статус самостоятельных произведений изобразительного искусства.

На основе работ Екатерины Шапкайц раскрываются ключевые аспекты анализа эскизов костюмов для кино: композиция, колористика, стилизация, символика. Рассматриваемые эскизы демонстрируют классический подход к созданию образов, где каждый элемент костюма не только несет смысловую нагрузку и отражает эпоху, характер персонажа и общую концепцию фильма, но и представляет самостоятельный художественный образ.

Автор акцентирует внимание на том, что эти работы могут рассматриваться как оригинальные произведения графики, методика изучения которых аналогична анализу произведений классической сценографии. Таким образом, эскизы костюмов произведений экранных искусств являются частью общего замысла и результата кинопроизведения, способной при этом существовать и вне контекста самого фильма и обладать самостоятельной эстетической значимостью и внутренней художественной целостностью.

Ключевые слова: эскизы костюмов, киноискусство, Екатерина Шапкайц, Николай Рерих, исторический костюм, визуальные образы, графическое искусство, экранизация, театральные костюмы, кинообраз, художественная коммуникация

Costume sketches for cinema as independent artwork (using the example of Ekaterina Yuryevna Shapkait's works for the film *Viking*)

P. G. Slutskaia ¹

¹ Higher Art and Technical Institute, Letter A, 40 Mokhovaya Str., Saint Petersburg 191028

For citation: Slutskaia, P. G. (2025) Costume sketches for cinema as independent artwork (using the example of Ekaterina Yuryevna Shapkait's works for the film *Viking*). *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 78–87. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-78-87> EDN LAHMMMP

Received 11 January 2025;
reviewed 10 February 2025;
accepted 20 February 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © P. G. Slutskaia (2025).
Published by Herzen State
Pedagogical University of Russia.
Open access under [CC BY-NC](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/)
License 4.0.

Abstract. This article analyzes the costume sketches produced by Ekaterina Shapkait's for the film *Viking* as unique graphic works with an artistic value of their own. It emphasizes the artist's role in creating the visual image of characters starting from the emergence of cinema in the early 20th century. Particular attention is paid to costume sketches as an integral part of the artistic process and an independent work of art.

We examine Shapkait's works to reveal the key aspects in the analysis of cinema costume sketches, such as composition, choice of color, style and symbolism. The sketches studied in this paper demonstrate a classical approach to creating images, where each element of the costume carries a semantic load and reflects the era, the character's personality and the general concept of the film.

We focus on the fact that these sketches can be considered as independent graphic works worthy of study as part of art history. We thus stress the importance of costume sketches within the overall artistic concept of the film, which may exist beyond the film itself and have its own aesthetic significance.

Keywords: costume sketches, cinematography, Ekaterina Shapkait's, Nicholas Roerich, historical costume, visual images, graphic art, film adaptation, theatrical costume, film image, artistic communication

Введение. Изобразительный образ героя и эскиз костюма / экранный образ героя и готовый костюм

Искусство кино как синтетическое явление художественной культуры требует специальных методов анализа экранных произведений. Предметом изучения становятся художественные образы, к созданию которых причастны все участники большого съемочного коллектива: актер, режиссер, сценарист, оператор, художник, гример (Дорожкина, Успенская 2021). При этом материалы, предшествующие созданию целостного экранного произведения, чаще всего рассматриваются как вспомогательные, не имеющие своего самостоятельного авторского значения. Между тем некоторые формально подготовительные работы могут (и должны) анализироваться как самобытное явление изобразительного искусства. Речь идет об эскизах костюмов к кинокартинам.

Сравнительный анализ воплощенных экранных образов и изобразительного материала, созданного художником по костюмам, позволяют в рамках исследовательских процедур разделить изобразительный и экранный образы

героя, эскиз костюма и готовый костюм. При этом к анализу эскизов должны применяться методы искусствоведческого анализа графического или живописного произведения.

Художник по костюмам в истории искусства кино

Эскизы костюмов для кино в современном искусствознании не занимают такого значимого места, как эскизы театральных костюмов, изучение которых давно стало самостоятельным направлением исследований. Этот пробел особенно заметен при сравнении принципов эскизирования театральных и экранных костюмов, которые имеют много общего и могут рассматриваться как оригинальные произведения графического искусства. При этом эскизы костюмов для кино являются ключевым элементом кинопроизводства, поскольку они способствуют формированию уникальных визуальных образов, которые, даже в измененном виде (что естественно при переводе замысла в материал), формируют пространство художественной коммуникации.

Подходы к пониманию роли и места костюма в общей структуре кинопроизведения различны:

режиссер может акцентировать внимание на реалистичности или условности костюмов, однако в любом случае одежда персонажа становится элементом общей концепции кинокартины. Костюм выражает социальную, историческую, национальную принадлежность героя, отражает его характер и общественное положение, возрастные особенности, становится элементом образной системы фильма (Харькова 2016).

При том, что профессия художника по костюмам появилась практически одновременно с развитием кинематографа как вида искусства (первые фильмы были, скорее, документальными сюжетами), ее истоки обнаруживаются в театральной сфере, что определило влияние образов классической сценографии на работу художников кино.

Так, несомненно влияние образов, созданных театральными художниками начала XX века, на кинематограф 1920–1930-х годов. Методы классической сценографии обнаруживаются в самой логике построения раннего кинопространства, где каждый кадр становился сценой, а деталь — носителем смысла. Советский кинематограф первых десятилетий также испытывал влияние театра, наследовал принципы сценографического мышления. Художники-постановщики Владимир Егоров и Виктор Симов перенесли в кино приемы, разработанные для дягилевских сезонов. Например, в фильме «Аэлита» (1924) Якова Протазанова футуристические декорации марсианского города с их геометрическими абстракциями и контрастной игрой света напоминают театральные мизансцены, в которых пространство не копирует реальность, а становится самостоятельной метафорой.

Эстетика условности проявилась и в работе с ракурсом. В «Стачке» (1925) Сергея Эйзенштейна резкие диагонали и гиперболизированные тени создают ощущение сценической «зажатости». Кажется ясной визуальная переключка с эскизами Александра Бенуа к балету Игоря Стравинского «Петрушка» (1911), где городская площадь, а затем пространство кукольного балагана превращаются в ловушку для несчастного героя. Фильм «Петр Первый» (1937–1938) Владимира Петрова наследует другой традиции — художник Николай Суворов представляет Петровскую эпоху в оптике контрастов — барочной эстетики, пышных интерьеров дворцов и аскетичных военных лагерей. В «Иване Грозном» (1944–1958) Сергея Эйзенштейна гротескные своды кремлевских палат, искаженные перспективы и мистический свет в сценах с опричниками отсылают к театральным опытам и декорациям Александра Головина.

Подобные «отсылки», основанные на опыте визуального восприятия, имеют субъективный оттенок, однако они могут быть учтены как элемент изучения общей логики взаимовлияний театрального и киноискусства. Так, для первых театральных художников костюм или предмет интерьера были не фоном, а полноправными участниками нарратива. В кино эта традиция воплотилась в тщательной проработке визуальных деталей, несущих идеологическую или эмоциональную нагрузку. В фильме «Новый Вавилон» (1929) Григория Козинцева и Леонида Трауберга художник Евгений Еней превращает буржуазные салоны Парижа в кунсткамеру избыточных узоров, противопоставляя их пустым улицам Коммуны — прием, напоминающий графику Константина Сомова. Художник Юрий Анненков, оформлявший «Шинель» (1926), использовал гротескные костюмы и деформацию форм, превращая фильм в сатиру на бюрократическую машину, роднящий визуальные решения с графическими решениями работ Мстислава Добужинского. Костюмы в советских исторических фильмах сочетают точность и театральную экспрессию: в «Алекサンドре Невском» (1938) рогатые шлемы тевтонцев становятся символом варварства. Есть и обратные примеры — Всеволод Мейерхольд перенес в театр киноэксперименты.

В первых опытах киноиндустрии тем не менее одежда актеров должна была всего лишь соответствовать эпохе, характеру персонажа и общей эстетике фильма — как когда-то в ранних театральных постановках. Художники по костюмам появились в тот момент, когда режиссеры начали осознавать важность визуального образа персонажей для создания целостного художественного произведения. Первым требованием было требование достоверности (Свердлов, Екатерининская 2020), однако вместе с формированием жанровой структуры киноискусства художник по костюмам стал приобретать самостоятельное значение.

Окончательно профессия оформилась лишь к середине XX века, когда кинематограф стал полноценным видом искусства. Именно тогда начали появляться первые мастера. Так, Эдит Хэд считается одной из первых значительных художниц по костюмам в истории Голливуда. Ее работы в фильмах «Все о Еве» (1950), «Римские каникулы» (1953) сегодня рассматриваются как эталонные в рамках своего жанра.

В Советском Союзе профессия художника по костюмам развивалась параллельно с мировым кинематографом, но имела свои особенности. Первые художники по костюмам в СССР

работали в условиях жесткой цензуры и идеологического контроля, однако и им удавалось создавать яркие и запоминающиеся образы. Одним из пионеров этой профессии был Николай Акимов, который начал свою карьеру в театре, но вскоре перешел в кино. Его работы в фильмах «Анна Каренина» (1937) и «Иван Грозный» (1944) демонстрируют глубокое понимание исторической эпохи и умение передавать через костюм внутренний мир героев. Другой выдающийся художник по костюмам советского периода — Надежда Ламанова, была одним из ведущих мастеров своего времени и работала над костюмами для многих известных фильмов, включая «Броненосец Потемкин» (1925).

В позднесоветский период особую роль в развитии советской школы костюмов сыграл Леван Шенгелая, который работал над фильмами Георгия Данелии, таких как «Не горюй!» (1969) и «Осенний марафон» (1979). Его костюмы всегда были тщательно продуманы и соответствовали духу времени. Для истории изобразительного искусства значимо имя Татьяны Острогорской, которая создала костюмы для таких культовых советских фильмов, как «Москва слезам не верит» (1980) и «Ирония судьбы, или С легким паром!» (1975). Ее работы отличаются вниманием к деталям и умением использовать одежду как средство выражения эмоций и внутреннего состояния героев.

При этом в советском кинематографе костюм часто служил инструментом идеологической пропаганды, визуально воплощая конфликт между коллективным и индивидуальным. В эпической ленте Сергея Эйзенштейна «Александр Невский» (1938) доспехи русского князя и его дружины, стилизованные под древнерусские мотивы, подчеркивали героизм и единство народа перед лицом внешней угрозы, что резко контрастировало с мрачными, почти гротескными облачениями тевтонских рыцарей. В послевоенные годы костюмы в фильмах соцреализма, таких как «Кубанские казаки» (1949), транслировали миф о «счастливой колхозной жизни» через яркие, идеализированные народные наряды, маскируя послевоенные трудности. Исторические костюмы в экранизации «Война и мир» (1966–1967) Сергея Бондарчука, напротив, демонстрировали роскошь ампир и военную форму эпохи Наполеоновских войн, подчеркивая национальную гордость и связь с дореволюционным наследием.

В период «застоя» костюмы стали средством иносказательной критики. В комедиях Эльдара Рязанова, таких как «Служебный роман» (1977),

строгие костюмы советских чиновников и скромные платья главной героини Людмилы Прокофьевны отражали униформу бюрократической системы, а их трансформация к финалу символизировала раскрепощение личности. В философских фильмах Андрея Тарковского, например, в «Сталкере» (1979), потрепанная одежда персонажей контрастировала с таинственной «Зоной», подчеркивая хрупкость человеческого бытия. Костюмы здесь становились метафорой внутреннего состояния: платья матери в «Зеркале» (1975), сотканые из полупрозрачных тканей, визуализировали эфемерность памяти, а монашеские рясы в «Андрее Рублеве» (1966) — противостояние духовного и мирского.

Распад СССР привел к радикальному переосмыслению роли костюма. В фильме «Брат» (1997) Алексея Балабанова кожаная куртка Данилы Багрова стала иконой 1990-х — символом анархии и поиска идентичности в условиях криминального капитализма. В «Возвращении» (2003) Андрея Звягинцева военная шинель отца олицетворяла авторитаризм и травму прошлого, а детская одежда сыновей — уязвимость перед грузом взросления. Социальное расслоение 2000-х отразилось в костюмах героев «Левиафана» (2014): меховая шуба мэра и потрепанный свитер рыбака Николая визуализировали конфликт власти и простого человека. Даже в исторических лентах, таких как «Утомленные солнцем» (1994) Никиты Михалкова, костюмы 1930-х годов (военная форма, легкие летние платья) подчеркивали контраст между репрессивным государством и иллюзией семейного счастья.

Итак, от визуализации социалистических идеалов до деконструкции постсоветской реальности художник по костюмам играл важную роль в создании ясного образа и отражения идеи фильма, внутренних диалогов.

Современный кинематограф дает меньше материала для анализа подготовительного этапа создания образов киногероев — изобразительного эскизирования. Цифровизация процесса кинопроизводства приводит к появлению нового бригадного формата работы над костюмами, в которых свободное эскизирование заменяется компьютерным моделированием.

Тем не менее в современном искусстве кино традиция авторской разработки образов киногероев средствами уникальной графики продолжает развиваться. Один из мастеров, сочетающих в своем творчестве традиции изобразительного искусства и новейшие подходы к пониманию процесса кинопроизводства, — петербургская художница Екатерина Шапкайтц.

Екатерина Шапкайтц: ключевые работы и художественный метод

Екатерина Шапкайтц родилась в Ленинграде в 1955 году. Окончив в 1980 году Ленинградское высшее художественно-промышленное училище имени В. И. Мухомовой (ныне — Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия имени А. Л. Штиглица), она начала профессиональную деятельность в качестве ассистента художника по костюмам в театре.

На 1980-е годы приходятся первые работы художницы в кино — «Магистраль» (1982), «Порох» (1985), «Противостояние» (1985), «Псы» (1989) и др. Екатерина Шапкайтц работала над значительными фильмами Алексея Германа-старшего — «Хрусталева, машину!» (1998) и «Трудно быть богом» (2013), Владимира Бортко — «Тарас Бульба» (2009) и «О любви» (2017), Алексея Кравчука — «Викинг» (2016) и «Союз спасения» (2019).

Основным методом работы Екатерины Шапкайтц стало внимание к деталям и историческая точность. В процессе работы над образами она сотрудничала со специалистами, чтобы максимально достоверно воспроизвести атмосферу эпохи, в которую происходит действие фильма. Стремление к аутентичности, однако, не ограничивалось простой «историчностью», важную роль в создании образов играло использование традиционных материалов и техник.

Несмотря на распространение цифровых технологий, упрощающих процессы создания костюмов, Екатерина Шапкайтц остается сторонником традиций уникального авторского эскизирования. По ее мнению, именно ручной труд позволяет наиболее полно выразить сложность и глубину создаваемых образов. Эта традиция, унаследованная от мастеров советской школы кинематографа, ориентирована на создание образов, которые, в соответствии с обозначенными в начале статьи принципами, можно рассматривать как самостоятельные произведения изобразительного искусства.

При этом, как представляется, творческий метод Екатерины Шапкайтц неразрывно связан не только с советским кинематографом, но и с более глубокими традициями, заложенными театральными мастерами — художниками-станковистами, пришедшими работать в театр. В начале XX века Александр Бенуа, Леон Бакст, Николай Рерих, работая над оформлением спектаклей антрепризы Сергея Дягилева, создали произведения, которые практически сразу стали рассматриваться как самостоятельные

произведения графического искусства, обладающие своей собственной судьбой. Эта традиция, подхваченная затем российскими художниками-авангардистами, утвердила положение художника по костюмам в театре как автора уникальных произведений, имеющих в своей основе самостоятельный, целостный художественный образ. Ее продолжает Екатерина Шапкайтц.

Эскизы костюмов Екатерины Шапкайтц к фильму «Викинг» — искусствоведческий анализ

О значимости работы к фильму «Викинг» (2016) свидетельствует премия «Золотой орел» за лучшую работу художника по костюмам. Екатерина Шапкайтц решала задачи соединения исторической достоверности и визуальной символики. Костюмы X века (княжеские плащи с орнаментами, кольчуги дружинников, скандинавские и славянские узоры) должны были отражать этнокультурный синтез Древней Руси, подчеркивая ее связи с Византией и варягами. Работа художника стала мостом между мифом и историей, соединяя зрителя с эпохой через материальную культуру.

«Викинг» — не реконструкция X века, а попытка прочесть прошлое через призму вечных вопросов. Здесь история предстает как борьба хаоса и порядка, жестокости и веры, где каждый символ — ступень к пониманию того, как рождалась национальная мифология. Фильм балансирует между блокбастером и притчей, превращая князя Владимира в архетип правителя, обреченного нести бремя разлома.

Предваряя анализ произведений Екатерины Шапкайтц, созданных в рамках работы над фильмом «Викинг», отметим, что одним из первых художников по костюмам, обратившихся к теме языческой Руси и создавших произведения, имеющие самостоятельную и несомненную художественную ценность, был Николай Рерих — создатель эскизов костюмов для постановки балета «Русских сезонов» Сергея Дягилева «Весна священная» Игоря Стравинского, премьера которого состоялась в Париже в 1913 году. Костюмы Николая Рериха были вдохновлены древними славянскими мотивами и традиционными русскими костюмами, а также элементами архаичной культуры. Славянская культура как культура автохтонная, даже грубая, не представлялась ранее на сцене музыкального театра языком хореографического искусства. Такой ее видел хореограф балета — Вацлав Нежинский, и перед Николаем Рерихом стояла задача передать суть этого замысла. В колорите эскизов костюмов

преобладают землистые тона — коричневые, охристые, серо-зеленые оттенки, символизирующие природу и землю. Цвета подчеркивали связь персонажей с природой и их принадлежность к миру предков. Костюмы отличались простотой и лаконичностью линий, без излишней декоративности. Некоторые костюмы включали элементы русских народных костюмов, такие как вышитые рубахи, пояса, головные уборы, что должно было придать образам аутентичность. Использовались символы, связанные с языческими верованиями и природными силами: изображения солнца, деревьев, животных, что отражало тему связи человека с природой.

Спустя столетие и методы, и подходы в работе над костюмами для произведений театрального и экранного искусства «на славянскую тему» изменились, но Екатерина Шапкайц, используя вековой опыт работы над эскизами костюмов, отталкивается от главного, наследуя в этом смысле традиции Николая Рериха — от авторского произведения, оригинального эскиза образа героя, созданного средствами уникальной графики. Есть и формальные переключки — колористические, композиционные.

Эскизы героев и костюмов к фильму «Викинг» представляют в этом смысле уникальное сочетание исторического контекста и художественной выразительности. Они не просто передают внешний облик персонажей, они погружают зрителя в атмосферу правления на Руси князя Владимира Святославича, скандинавскую культуру X века, отличаются высоким уровнем соответствия историческим источникам, использованием характерных узоров и орнаментов эпохи. Важнейшую роль играют символические элементы костюмов. Руны на щитах и оружии олицетворяют силу и защиту, а цветовая гамма одежды указывает на социальный статус персонажей. Такие символы позволяют зрителю глубже проникнуть в мир фильма и лучше понять характеры героев. Высокий уровень проработки деталей эскизов создает сильное визуальное впечатление. Каждый элемент — доспехи, пояса, обувь или головные уборы — продуман до мелочей и выполнен с учетом исторических реалий, что усиливает ощущение подлинности происходящего.

Как в любом произведении изобразительного искусства, в эскизах костюмов Екатерина Шапкайц использует традиционный арсенал художественных средств и приемов. Цветовая палитра костюмов передает настроение и атмосферу эпохи, а передача изобразительными средствами формы и фактуры тканей создает объем и структуру, которые подчеркивают ин-

дивидуальность персонажей. Композиция костюма включает в себя сочетание элементов, таких как головной убор, плащ, оружие, аксессуары, что формирует целостный образ. Костюмы часто несут в себе символическое значение, которое помогает зрителю лучше понять характер персонажа и его место в сюжете. Например, использование определенных цветов или орнаментов может указывать на принадлежность к определенной культуре или социальному слою. Наглядным примером служат эскизы киевлянок, жителей Полоцка, костюмы загонщиков.

Это аналогично использованию символов и метафор в живописи или скульптуре.

Эскизы костюмов сочетают в себе элементы исторической реконструкции и художественной образности, что чрезвычайно важно именно для произведения изобразительного искусства. В этих эскизах художник передает настроение и характер персонажей. Характерные черты каждого героя выражаются через детализацию костюмов: от богатого убранства до скромной простоты. Особенностью графического изображения является мастерское владение линией и тенями, которое придает объем и живость каждому образу. Линии четкие и уверенные, создающие впечатление динамичности и движения. В эскизах прослеживается глубокое понимание материала и текстуры тканей, что позволяет зрителю буквально ощутить мягкость меха и тяжесть металла. Образное решение основано на использовании архетипов и символов, которые глубоко укоренены в народной культуре. Каждый элемент костюма несет в себе смысловую нагрузку, подчеркивая социальный статус, профессию или роль персонажа в сюжете. Художник тонко балансирует между точностью исторических деталей и творческой свободой, создавая живые и запоминающиеся образы. Художественный метод, использованный в данных эскизах, заключается в синтезе исторического реализма и фантазии, что позволяет создать уникальный мир, где прошлое встречается с будущим. Эскизы являются не только визуальным документом, но и мощным инструментом для передачи эмоций и идей, оставаясь при этом самостоятельным и самодостаточным творением.

Большинство эскизов выполнено в традиционных графических техниках — уголь, тушь, акварель. Эти материалы неслучайны, так как уголь с его грубой фактурой передает текстуру древних камней, шерсти плащей и кожи, актуализируя тактильное восприятие эпохи, кроваво-красные акварельные пятна (в сценах битв) отсылают к средневековым миниатюрам, где

Рис. 1. Е. Ю. Шапкайтц. Эскиз костюмов киевлянок. 2015. Публикуется с разрешения автора
Fig. 1. E. Y. Shapkaits. Sketch of Kievan women's costumes. 2015. Published with the author's permission

Рис. 2. Е. Ю. Шапкайтц. Эскиз костюмов загонщиков. 2015. Публикуется с разрешения автора
Fig. 2. E. Y. Shapkaits. Sketch of beaters' costumes. 2015. Published with the author's permission

Рис. 3. Е. Ю. Шапкайтц. Эскиз костюмов жителей Полоцка. 2015. Публикуется с разрешения автора

Fig. 3. E. Y. Shapkaits. Sketch of the costumes of the inhabitants of Polotsk. 2015.
Published with the author's permission

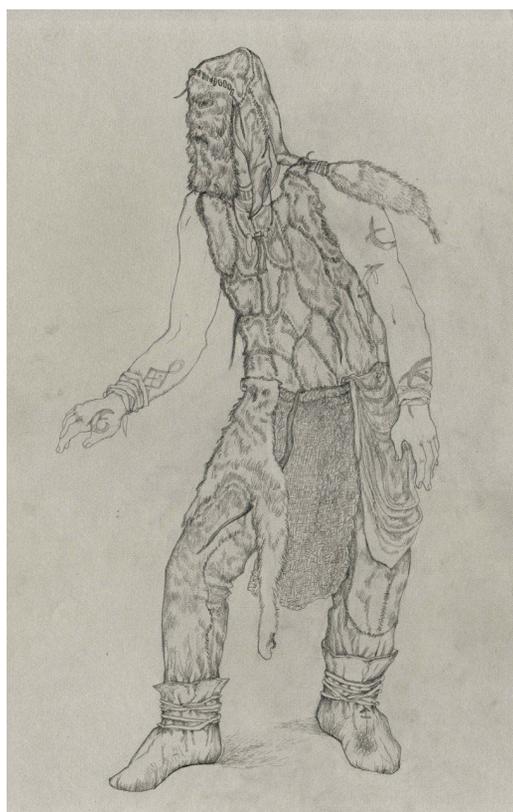

Рис. 4. Е. Ю. Шапкайтц. Эскиз костюма кобника. 2015. Публикуется с разрешения автора

Fig. 4. E. Y. Shapkaits. Sketch of a healer's costume. 2015. Published with the author's permission

цвет использовался как эмоциональный акцент, а не элемент реализма. Художник играет с пограничными состояниями формы: наброски балансируют между законченностью и незавершенностью, словно предлагая зрителю домыслить сюжет. Сцены жертвоприношений или погребальных костров визуализируют идею диалога с вечностью. Например, спиралевидный дым от погребального огня может трактоваться как символ Иггдрасиля — древа мироздания, соединяющего мир людей и богов.

Эскизы к фильму «Викинг» и функциональны, и символичны. С одной стороны, они служат «инструкцией» для костюмного цеха, для съемочной группы. С другой — их ценность выходит за рамки утилитарного использования, они продолжают традицию исторической живописи, где прошлое осмысливается через эмоциональное восприятие, становится рефлексией о вечном: конфликте человека и судьбы, хрупкости жизни, поиска сакрального. Интересно, что в эскизах костюмов заложено и понимание художником характеров героя — Рогнеда на эскизе стоит, сложив руки, она демонстрирует непокорность, непоколебимость, независимость. Это не полная экспрессия, но и статичное изображение фигуры как основы для пошива костюма персонажа.

Интересно проследить, как костюмы, придуманные и созданные по эскизам Екатерины Шапкайц, получают новую жизнь, когда актер создает образ персонажа мимикой, эмоциональностью раскрытия образа, пластикой тела и собственными ощущениями от происходящего в картине. Костюм, который был задуман в объеме, в материале, получает новое прочтение и становится частью готового произведения синтетического искусства.

Итак, анализ образно-выразительных средств и формальных подходов к созданию эскизов

образов и костюмов киногероев фильма «Викинг», созданных Екатериной Шапкайц, позволяет утверждать, что эскизы художника, являясь частью сложного процесса кинопроизводства, обладают самостоятельным значением как произведения уникальной графики и могут рассматриваться как явление в истории отечественной сценографии как части изобразительного искусства. Дополненные новыми смыслами в процессе экранного воплощения и последующей коммуникации, они воспринимаются зрителем как целостный визуальный образ, однако для искусствознания важна исследовательская оптика, заостряющая внимание на подготовительных этапах, в рамках которых художником создаются оригинальные произведения.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов.

Conflict of Interest

The author declares that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Благодарность

Выражаю искреннюю благодарность Екатерине Юрьевне Шапкайц за предоставленные материалы и всестороннюю поддержку.

Gratitude

I would like to express my sincere gratitude to Ekaterina Shapkaits for the provided materials and comprehensive support.

Литература

- Дорожкина, Т. Г., Успенская Е. А. (2021) Формирование традиций костюма в кинематографе. В кн.: Н. М. Калашников (ред.). *Мода и дизайн: исторический опыт — новые технологии. Материалы XXIV Международной научной конференции*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного университета промышленных технологий и дизайна, с. 225–228.
- Харькова, Д. А. (2016) Роль профессии художника кино по костюмам в современной информационной среде. *Медиа. Информация. Коммуникация*, № 17, с. 19–25.
- Свердлов, Е. А., Екатерининская, А. А. (2020) *Мастерство художника фильма*. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского государственного института кино и телевидения, 145 с.

References

- Dorozhkina, T. G., Uspenskaya, E. A. (2021) Formirovanie traditsij kostyuma v kinematografe [The formation of costume traditions in cinema]. In: N. M. Kalashnikov (ed.). *Moda i dizajn: istoricheskij opyt — novye tekhnologii. Materialy XXIV Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii [Fashion and design: Historical experience — new*

- technologies. Proceedings of the 24th international scientific conference*]. Saint Petersburg: Saint-Petersburg State University of Industrial Technologies and Design Publ., pp. 225–228. (In Russian)
- Khar'kova, D. A. (2016) Rol' professii khudozhnika kino po kostyumam v sovremennoj informatsionnoj srede [The role of the film costume designer profession in the modern information environment]. *Media. Informatsiya. Kommunikatsiya — Media. Information. Communication*, no. 17, pp. 19–25. (In Russian)
- Sverdlov, E. A., Ekaterininskaya, A. A. (2020) *Masterstvo khudozhnika fil'ma [Film artist's skill]*. Saint Petersburg: Saint Petersburg State University of Film and Television Publ., 145 p. (In Russian)

Сведения об авторе

Полина Геннадьевна Слуцкая, SPIN-код: [9064-8590](#), ORCID: [0009-0002-7065-8476](#), e-mail: slutskayp@gmail.com
Заведующая кафедрой Дизайна моды АНО ВО «ВХУТЕИИ»

Author

Polina G. Slutskaya, SPIN: [9064-8590](#), ORCID: [0009-0002-7065-8476](#), e-mail: slutskayp@gmail.com
Head, Fashion Design Department, autonomous non-profit organization of higher education Higher Art and Technical Institute

УДК 74.01/.09

EDN LGYJSX

<https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-88-93>

Вячеслав Бабияк. Художник, ученый, поэт. К 70-летию со дня рождения

Л. М. Мосолова

¹ Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
191186, Россия, г. Санкт-Петербург, наб. реки Мойки, д. 48

Для цитирования:

Мосолова, Л. М. (2025) Вячеслав Бабияк. Художник, ученый, поэт. К 70-летию со дня рождения. *Журнал интегративных исследований культуры*, т. 7, № 1, с. 88–93. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-88-93> EDN LGYJSX

Получена 24 декабря 2024; прошла рецензирование 25 января 2025; принята 27 января 2025.

Финансирование: Исследование не имело финансовой поддержки.

Права: © Л. М. Мосолова (2025). Опубликовано Российским государственным педагогическим университетом им. А. И. Герцена. Открытый доступ на условиях лицензии ССВУ-NC 4.0.

Аннотация. Статья написана в связи с 70-летием со дня рождения известного петербургского художника и ученого — доктора искусствоведения профессора РГПУ им. А. И. Герцена Вячеслава Вячеславовича Бабияка. В ней кратко даются биографические сведения о его жизни и творческом пути. Основное внимание уделяется деятельности В. В. Бабияка как замечательного художника-графика и крупного специалиста в области исследований русской художественной реалистической школы рисунка и особенностей обучения студентов рисунку. Анализируется ряд произведений графики, живописи и поэзии, созданные автором. Отмечается особая роль В. В. Бабияка в развитии науки об изобразительном искусстве и его учебно-педагогических форматах в Герценовском университете.

Ключевые слова: Вячеслав Вячеславович Бабияк, личность художника, графическое искусство России, рисунок как вид искусства, российское художественное образование, творческие и научные интересы, достижения

Vyacheslav Babiyak. Artist, scientist and poet. To mark the 70th anniversary of his birth

L. M. Mosolova

¹ Herzen State Pedagogical University of Russia, 48 Moika Emb., Saint Petersburg 191186, Russia

For citation: Mosolova, L. M. (2025) Vyacheslav Babiyak. Artist, scientist and poet. To mark the 70th anniversary of his birth. *Journal of Integrative Cultural Studies*, vol. 7, no. 1, pp. 88–93. <https://www.doi.org/10.33910/2687-1262-2025-7-1-88-93> EDN LGYJSX

Received 24 December 2024; reviewed 25 January 2025; accepted 27 January 2025.

Funding: The study did not receive any external funding.

Copyright: © L. M. Mosolova (2025). Published by Herzen State Pedagogical University of Russia. Open access under [CC BY-NC License 4.0](https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/).

Abstract. This article is dedicated to the 70th anniversary of the birth of Vyacheslav Babiyak, a recognized Saint Petersburg artist and scientist, Doctor of Sciences (Art Criticism) and Professor at Herzen State Pedagogical University of Russia. It provides a brief biographical overview of his life and career. The main focus is on Babiyak's output as a remarkable graphic artist and a prominent expert in research dealing with the Russian art school of realistic drawing and specific aspects of teaching drawing to students. We analyze a number of graphic works, paintings and poems created by the artist, highlighting his contribution to the development of art criticism and its educational and pedagogical modes at Herzen University.

Keywords: Vyacheslav Babiyak, Herzen University, the artist's personality, Russian graphic art, drawing as an art form, Russian art education, creative and scientific interests, achievements

Когда слушаешь стихи Вячеслава Бабияка, знакомишься с его произведениями живописи и графики или читаешь его научные труды, то убеждаешься, что подлинная петербургская интеллигенция продолжает существовать и достойно служить избранному делу своей жизни. Об этом я с отрадой не первый раз подумала, побывав в Петербургском Доме ученых на вечере, посвященном научному и художественному творчеству доктора искусствоведения, профессора Вячеслава Вячеславовича Бабияка, который 45 лет работает в РГПУ им. А. И. Герцена на факультете художественного образования и которому недавно исполнилось 70 лет.

Как мне представляется, к поколениям подлинно петербургской интеллигенции относились и относятся Личности, которые не только глубоко образованны и социально активны, но и обладают обостренным чувством совести, духовной независимостью и достоинством, имеют высокие профессиональные, деловые и человеческие качества, необходимые для отстаивания своих жизненных позиций.

Конечно, такие личностные качества обретаются человеком в основном в процессе разнообразной деятельности, в ходе живой истории, в которой он участвует, и развития его самосознания. Однако многое, как известно, зависит от впечатлений детства и юности, от обостренного и неповторимого восприятия окружающей природы и культуры, образов искусства, от семейных ценностей, аккумуляция которых становится драгоценным запасом его памяти до старости. Это особенно характерно для художников.

Вячеслав Вячеславович Бабияк родился 15 января 1955 года в Ленинграде, но раннее детство свое провел в городе Выборге, куда был направлен работать в армейском гарнизоне его отец — военный врач Вячеслав Иванович Бабияк, впоследствии ставший доктором медицинских наук, профессором. Его мать, Галина Матвеевна, была очень красивой женщиной и доброжелательным человеком и тоже работала в Выборге профессиональным врачом. Любящие сына и друг друга родители (дружно прожившие вместе более 60 лет) были увлечены не только медицинским делом, но и литературой, искусством, философией, историей. Обо всем этом свидетельствуют недавно изданный сыном сборник стихов и поэм отца «Зарницы» (Бабияк 2023), а также публикация его собственной поэтической антологии «Отголоски» (Бабияк 2023). Бабияком-старшим был также написан научно-практический труд «Этика: религия, культура, медицина», в котором шла речь не толь-

ко о врачебной этике, но и более широких проблемах философско-этического сознания и практического поведения человека (Бабияк 2017).

Храня благодарную память о родителях и впечатлениях детства, В. В. Бабияк недавно вновь обрел жилище в желанном Выборге и стал с увлечением создавать живописные произведения, посвященные этому историческому городу и его уникальной северной природе.

Образы архитектуры и разных видов искусства, особенно поэзия, с раннего возраста вошли в жизнь В. В. Бабияка. В детстве он начинал заниматься акварельной живописью и лепкой, а в 1967 году поступил и в 1973 году с отличием окончил Ленинградскую среднюю художественную школу им. Б. В. Иогансона. Затем учился на факультете графики в Институте живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина Академии художеств СССР, успешно завершив обучение в 1979 году и получив квалификацию художника-графика.

Я с ним познакомилась в 1980 году в бытность деканом художественно-графического факультета РГПУ им. А. И. Герцена, в ту пору еще института, и содействовала приему его на работу в качестве преподавателя кафедры рисунка. И вот теперь он прошел университетский путь, как говорится, от молодого ассистента до многоопытного и весьма почитаемого сегодня профессора.

Будучи интеллектуально развитой, вдумчивой и размышляющей личностью, Бабияк не столько по необходимости, сколько из-за духовной потребности обратился к науке об искусстве. Он поступил в аспирантуру Московского педагогического института им. В. И. Ленина, где в 1998 году защитил кандидатскую диссертацию на тему «Неоклассицизм в русском станковом рисунке начала XX века».

Далее основным направлением его научной деятельности стал именно рисунок и исследование его значимости в русском художественном образовании, что легло в основу написания и защиты в 2005 году докторской диссертации «Русский академический учебный рисунок (XVIII — начало XX в.)». До сих пор, пожалуй, именно русская школа реализма в искусстве свято хранит традицию первостепенной роли рисунка в творчестве живописцев, графиков и скульпторов, несмотря на вековое буйство других нефигуративных увлечений мирового изобразительного искусства. В. В. Бабияк на занятиях со студентами по рисунку и графике всемерно приобщает их к этой важнейшей традиции отечественного художественного творчества.

Им опубликовано более 80 работ по научной, учебно-методической и художественно-критической тематике. Среди них такие фундаментальные труды, как монографии «Русский учебный рисунок. Петербургская академическая художественная школа конца XVIII — начала XX века», «Чудо художника о человеке. Феномен создания пластика-мимического образа» (в соавторстве), «Санкт-Петербургская академическая школа рисунка эпохи царизма», учебные пособия «История графики», «Рисунок в технике сангины», а также уникальный мультимедийный электронный учебник «Графические техники» и другие работы.

Вместе с тем несколько изданий выдержало основательное учебное пособие «Анализ и интерпретация произведений искусства», подготовленное в сотворчестве преподавателей факультета, в котором достойное место заняла большая глава, написанная В. В. Бабияком, «Искусство уникальной графики». В ней речь шла о разновидности искусства графики, произведения которого создаются и предназначаются для существования исключительно в единственном экземпляре. Важнейшей особенностью стилистики этого вида искусства является, отмечает автор, «тонально-линейная конфигуративность изображения, основанная на законах рисунка, иными словами, пластическое взаимодействие пятна и линии» (Бабияк 2023, 393–394). Эта глава не просто отличается глубочайшим профессионализмом и способностью автора достоверно, понятно и эмоционально выразительно передать творческой молодежи сокровенные тайны искусства рисунка. Она стала своего рода поэмой о рисунке как волшебном явлении культуры. В ней дается описание тончайшего своеобразия основных типов рисунка (натурных, по памяти, воображению), его разновидностей, особенностей тематики, жанров, техник исполнения и художественных материалов (карандаш, тушь, перо, уголь, сангина, акварель и др.). Все тексты о специфических свойствах рисунка сопровождаются многими примерами из опыта великих мастеров искусства Европы и России, творчество которых он блестяще знает. Здесь также анализируются особенности восприятия произведений уникальной графики, ее место в мировом изобразительном искусстве. Другими словами, это яркий текст талантливого исследователя, художника и педагога в одном лице.

Круг творческих интересов В. В. Бабияка как художника является широким. Однако главное место в этом кругу занимает графическое искусство. Он полагает, что «Обладая исключи-

тельной возможностью изображать неподвластное даже живописи и скульптуре, оно с удивительной откровенностью обнажает мысль и чувство художника, черпая свои образы прямо из его сердца» (Бабияк 2023). Разумеется, его увлекала магия рисунка, и он неоднократно проявлял себя как сильный, авторитетный рисовальщик. В этом отношении показательны его композиции «Отдых», «Портрет старухи», «Портрет отца», «Старик», «Лиза».

Например, в рисунке «Лиза» (сангина, уголь, пастель) перед зрителем крупным планом предстает свободно сидящая в кресле молодая женщина в легком светлом платье. Голова женщины с охристо-золотыми локонами волос и ее лицо даны вполборота на черно-угольном штриховом фоне. Верхняя часть композиции резко контрастирует с нижней. Фигура женщины почти растворяется в потоке света, но при этом не исчезает ощущение ее выразительной женственности. Акцентированы ладно сложенные на коленях сильные руки с тонкими пальцами, дополнительно характеризующие индивидуальность персонажа. Прекрасно написано пространство на слегка тонированной бумаге, воздух, который обволакивает достоверно вылепленную несколькими легкими линиями фигуру женщины, как бы излучающую тепло. Это своего рода образ-состояние, в котором есть живое переживание портретируемой. В данном случае — сложное состояние мира, покоя, свободы и вместе с тем сосредоточенности.

В творчестве художника является важной линия творчества, связанная с книжной иллюстрацией. Литературным персонажам Бабияк умел находить емкий изобразительный эквивалент, добиваясь образности и лаконичности языка, заботясь о ритмическом членении книги, о цельности всего книжного пространства. Это характерно для его оформления и иллюстраций к роману О. Форш «Михайловский замок», И. В. Гете «Страдания молодого Вертера», к произведениям И. С. Тургенева «Избранное», В. Белова и другим текстам.

Художнику подвластны не только сферы рисунка, уникальной и книжной графики. Он является мастером в области печатной, тиражируемой графики. Им создана целая галерея станковых произведений — большие тематические листы, пейзажные и портретные композиции, выполненные в разных техниках: черно-белой и цветной линогравюре, ксилографии, пастели, акватинте, акварели и компьютерной графике. Одним из крупных созданий этого плана является графический лист «Никольский собор». Это большая горизонтальная композиция

с изображением стоящего вдоль набережной одного из великолепных петербургских храмов XVIII века — Морскому собору святителя Николая-чудотворца, построенному Саввой Чевакинским в стиле Елизаветинского барокко. В этой работе завораживает эстетическая выразительность богатой ритмики вертикалей и горизонталей, объемов и плоскостей, черных и белых штрихов в голубеющем пространстве листа, которые волею художника организованы в целостный художественный образ. В ней проявляется свойственная художнику дисциплина мышления и рациональность композиционного строя произведений. Они действуют подспудно, обогащенные напряженной ритмикой линий, штрихов, пропорциональностью больших и малых объемов, а также эмоциональностью цветопостроений. Существенно, что в этой работе выражено и то, что вообще свойственно облику царственного Петербурга. Говоря словами классика — его «суровый и строгий вид».

В. В. Бабияк трудится не только как график. Среди его работ немало замечательных произведений живописи. Это в основном портреты, пейзажи и натюрморты. В самые последние годы художник, обратившись к Выборгскому городскому пейзажу, написал две композиции с разными видами знаменитой средневековой башни «Толстая Катарина». Это «Выборг. Вечереет» и «Грозное». Для них характерно мастерство художника в передаче архитектурно-парковой среды города, чувство откровенного любования его образами, ясность и вместе с тем лиричность художественного языка. Близкой по эстетической ценности Выборгским образам оказалась картина «Бауцзен. Германия» с изображением в удивительно прозрачном воздухе остро выразительных средневековых крепостных башен, домов, шпилей готических соборов, водных каналов с прибрежными деревьями.

Особенно художнику удается передавать малые радости живой жизни в натюрмортах — букетах сирени на уютном дачном столике или васильков на березовом пеньке, корзинах даров леса или ветке рябины, а также в небольших пейзажах с очарованием осенней аллеи или заросшего летнего пруда. Среди натюрмортов выделяется «Сказ о металле». Это и правда сказ или малый эпос, языком живописи повествующий о хозяйственной содержательности и красоте мастерски сделанного целого ансамбля «уходящих» вещей — медном тазе, самоваре, железном утюге, стальных щипцах для очага, бронзовом светильнике и других вещах, недавно столь нужных в культуре нашего повседневного быта.

Много времени и сил художник посвятил разнообразной организационной, управленческой, методической, экспертной и учебно-воспитательной работе. Девизом этой работы, как отмечалось в одной публикации, для него являлись слова «Обучая, учимся сами!» (Иванова 2006, 230–238). В. В. Бабияк был деканом факультета и заведующим кафедрой, многократно являлся председателем предметных комиссий по приему абитуриентов в университет, председателем государственных экзаменационных комиссий, членом редколлегии научных журналов, а также председателем или членом советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в РГПУ им. А. И. Герцена и других вузах. Под его руководством было подготовлено и защищено *шесть кандидатских и одна докторская диссертация*. Много раз он становился лауреатом различных международных и всероссийских конкурсов по искусству и научной деятельности. Он давно является членом Союза художников Санкт-Петербурга и Союза художников Ленинградской области, членом Международной ассоциации художественной критики (АИСА) и других творческих объединений. Его произведения экспонировались на десятках выставок различного масштаба. Целый ряд работ находится в государственных и частных художественных собраниях в России и за рубежом (Болгария, Германия, Израиль, Корея, Молдавия, Сербия, США, Финляндия, Чехия и др.).

Многими нитями личной и творческой судьбы В. В. Бабияк был связан с Болгарией, особенно с художниками Варны. Он является членом Международного клуба «Булгарика», дважды был избран членом жюри Международного конкурса по скульптуре в этом городе, посвящал Болгарии свои картины и неоднократно участвовал в художественных выставках. Одна из этих картин — живописный пейзаж «Варна» с изображением морского побережья с аллеей, освещенной южным солнцем, и высокими пирамидальными кипарисами или пиниями. Пейзаж во всех отношениях, говоря метафорически, «теплый». Кроме того, интересна его линогравюра «Шипка» с символически-патетическим содержанием, посвященная памяти подвигу русско-болгарских воинов в знаменитой битве за освобождение Болгарии. Неудивительно, что за многолетнюю и плодотворную художественно-творческую и научно-педагогическую деятельность В. В. Бабияк был награжден Почетной грамотой Министерства образования и науки Российской Федерации, медалью И. И. Бецкого, Почетным знаком

Св. Татьяны, многими благодарностями ректората Герценовского университета. Его имя включено в Биографический словарь знаменитых людей Санкт-Петербурга.

Наконец, нельзя не сказать о Вячеславе Вячеславовиче как о поэте. В предисловии к сборнику стихотворений своего отца «Зарницы» он написал, что: «Ведь, чтобы быть поэтом, не столь уж важны мнения критиков, величина тиража или даже общественное признание. Порой достаточно того, что не писать стихи ты просто не можешь. А раз так, то эта внутренняя потребность к самовыражению, к творчеству и есть тот неизъяснимый дар, который принято называть даром Божиим». Художник считает, что так же, как и у отца, его поэзия — это «стихотворное описание собственных жизней с их горестями-радостями, удачами-неудачами, восторгами-печалями... Они — своего рода хронологическая исповедь авторов, антология наших поэтических откровений» (Бабияк 2023, 5). Знакомство внимательного читателя с содержанием стихотворений В. В. Бабияка, опубликованных в сборнике «Отголоски», может убедить его в том, что данная антология действительно является талантливым лирико-драматическим отражением жизни художника, чередой образов родной природы и его времени. Сборник начинается со стихотворения, посвященного советским воинам, погибшим в 1945 году, что вполне созвучно нашему времени и памяти о Великой Победе. Отмечу, что сам В. В. Бабияк, сын офицера, прошел службу в рядах Советской Армии, получил звание старшего лейтенанта, всегда отличался искренним патриотизмом, что отразилось в его поэзии. Она многогранна по содержанию. Целый ряд замечательных стихотворений посвящен родителям, любимым людям, философическим раз-

мышлениям о жизни и ее ценностях, друзьям и избранным персонажам в искусстве и истории, Родине, образам природы, своей профессии и другим важным явлениям сложного человеческого бытия. Свое «Введение» к сборнику стихов «Зарницы» он завершает фрагментом из поэтического наследия отца:

...Станет время,
И вдруг минует жизни бремя,
И мы уйдем, а после нас
Легенд красивых грянет глас...

Также В. Бабияк является автором поэтического сборника «Зарницы», вышедшего в 2021 году (Бабияк 2021).

В заключение отмечу, что В. В. Бабияк масштабно и продуктивно синтезировал в своей многолетней деятельности художественные, научные и педагогические способности. Конечно, юбилейная статья не может вместить в себя даже самое главное, что есть в судьбе и творческой работе столь незаурядной личности, какой является личность петербургского художника и ученого — доктора искусствоведения, профессора Института художественного образования Вячеслава Вячеславовича Бабияка. О нем нужно написать целую книгу для серии «Золотые имена Герценовского университета». Остается надежда, что это сделают его ученики.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии потенциального или явного конфликта интересов

Conflict of Interest

The authors declare that there is no conflict of interest, either existing or potential.

Литература

- Бабияк, В. В. (2023) *Отголоски: Антология*. СПб.: Свет, 448 с.
- Бабияк, В. В. (2017) «...Воздух белого листа...»: искусство уникальной графики. В кн.: Н. А. Яковлева (ред.). *Анализ и интерпретация произведения искусства*. СПб.: Лань; Планета музыки, с. 391–455.
- Бабияк, В. И. (2017) *Этика: религия, культура, медицина*. СПб.: Фолиант, 160 с.
- Бабияк, В. И. (2021) *Зарницы: Стихи*. СПб.: Свет, 288 с.
- Иванова, Н. (2006) Вячеслав Вячеславович Бабияк. Обучая, учимся сами! В кн.: *Художники-педагоги Герценовского университета. Студенты и аспиранты о своих учителях*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, с. 230–236.

Reference

- Babiyak, V. I. (2021) *Zarnitsy: Stikhi [Lightning: Poems]*. Saint Petersburg: Svet Publ., 288 p. (In Russian)
- Babiyak, V. I. (2017) *Etika: religiya, kul'tura, meditsina [Ethics: religion, culture, medicine]*. Saint Petersburg: Foliant Publ., 160 p. (In Russian)
- Babiyak, V. V. (2023) *Otgosolki: Antologiya [Echoes: An anthology]*. Saint Petersburg: Svet Publ., 448 p. (In Russian)

- Babiyak, V. V. (2017) "Vozdukh belogo lista..." ["The air of a white sheet ...": The art of unique graphics]. In: N. A. Yakovleva (ed.). *Analiz i interpretatsiya proizvedeniya iskusstva [Analysis and interpretation of artwork]*. Saint Petersburg: Lan' Publ.; Planeta muzyki Publ., pp. 391–455. (In Russian)
- Ivanova, N. (2006) Babiak Vyacheslav Vyacheslavovich. "Obuchaya, uchimsya sami!" [Vyacheslav Vyacheslavovich Babiyak. "By teaching, we learn by ourselves!"]. In: *Khudozhniki-pedagogi Gertsenovskogo universiteta: Studenty i aspiranty o svoikh uchitelyakh [Artists-teachers of Herzen University. Students and graduate students about their mentors]*. Saint Petersburg: Herzen State Pedagogical University of Russia Publ., pp. 230–236. (In Russian)

Сведения об авторе

Любовь Михайловна Мосолова, SPIN-код: [7490-2399](#), ORCID: [0000-0001-5752-3142](#), email: mosolova@mail.ru
Доктор искусствоведения, профессор, профессор кафедры теории и истории культуры, почетный профессор
Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена

Author

Lyubov M. Mosolova, SPIN: [7490-2399](#), ORCID: [0000-0001-5752-3142](#), e-mail: mosolova@mail.ru
Doctor of Sciences (Art History), Professor, Department of Theory and History of Culture, Honorary Professor,
Herzen State Pedagogical University of Russia